СЛАВѦНСКІѦ ИЗВѢСТІѦ

№ 4

1906

БИБЛІОТЕКА ... ИСТОРИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Пров. 52

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1906.

LA REVUE SLAVE

POLITIQUE, LITTÉRAIRE ET ARTISTIQUE.

Rédaction et Administration: Paris, 50 Rue Molitor (XVI). Prix de l'abonnement France et Etranger . . . 30 Fr. (un an).

Славянскій Гласъ

Изданіе Слав. Благотворителнаго Общества въ Болгаріи.

Списание за книжнина, исторически и обществени знания. Годишно стои въ България 8 л., въ Русия 3 р. Редакторъ: *С. С. Бобчевъ.* — Адресъ: София, ул. Славянска № 26.

Hrvatska Misao

mjesečnik za narodno gospodarstvo, književnost i politiku u slovenskom i demokratskom duhu. — Vlastnik, izdavač i urednik: Stjepan Radić. — Zagreb Lažćina. Medjašna ul. 12.—Predplata na cjelu godinu 8 kr.

Подписка 8 кронъ (3 р. 50 к.).

Българска Сбирка

списание за книжнина, исторически и обществени знания.

Годишно струва: въ България 8 л., въ чужбина 9 л., въ Русия 3 р.

Адресъ: София, ул. „Славянска" № 26. Редакторъ *С. С. Бобчевъ.*

SLOVANSKÝ PŘEHLED

předplatné (i s poštovní zásilkou) do všech zemí Rakousko-Uherska, Bosny a Hercegoviny K 8.—, do Německa K 9.—(8 marek), do celého ostatního starého i nového světa K 9.20 (6 franků, 4 ruble). Administrace Slovanského Prehledu (F. Čimáček), v Praze, Jeruzalémská ul. 11. Všecky zásilky, týkající se **redakce** (rukopisy, knihy k oznámení a časopis na výměnu atd.), buď'též zasílány **redaktoru Ad. Černemu (Praha-ul. Karoliny Světlé 9.**

„Świat Słowiański"

miesięcznik poświęcony słowianoznawstwu i przeglądowi spraw słowiańskich. Prenumerata całoroczne wraz z przesyłką pocztową wynosi 10 K., kwartalnie 2 K., 50 hal. **Adres** redakcyi i administracyi: **Kraków, ul. Podzamcze 14.**

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 4 Іюль 1906 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. *Л. П. Лобовъ.* Славянофильство и его литературные представители: Алмазовъ и Эдельсонъ 213

II. *А. И. Яцимирскій.* Вацлавъ Сѣрошевскій. Литературная характеристика . . 229

III. *Э. Ю. Мука.* Полабскіе славяне. Очерки, II 246

IV. Изъ хорватскихъ поэтовъ. Переводы. *Н. Н. Новича* . 256

V. *А. И. Яцимирскій.* Изъ исторіи культурныхъ и литературныхъ сношеній румынъ съ сербами, I . . . 260

стр.

VI. *В. К-въ.* Славянскія дѣла: сербо-австрійская таможенная война; греко-румынскій конфликтъ 272

VII. Матеріалы по исторіи диссидентскаго вопроса. Продолженіе 278

VIII. *К. Бербенко.* Политическое обозрѣніе Балканскаго полуострова 280

IX. Хроника славянской жизни 285

X. Библіографія 291

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1906.

Алмазовъ и Эдельсонъ.

Славянофильство и его литературные представители [1]).

Дѣятельность Б. Н. Алмазова была двоякая: поэтическая, въ формѣ переводныхъ и оригинальныхъ произведеній, преимущественно юмористическаго и сатирическаго характера, и прозаическая, въ формѣ критическихъ статей и журнальныхъ фельетоновъ литературнаго содержанія. Какъ въ той, такъ и въ другой области Алмазовъ опредѣленно выразилъ свои славянофильскія симпатіи. Изъ стихотвореній, сюда относящихся, можно назвать, напримѣръ, слѣдующія: „Старая Русская партія“, „Памяти М. В. Ломоносова“, „Нашимъ зарубежнымъ братьямъ“, „Русскому Царю“ (Соч., т. I, стр. 64 — 87) и „Русь и Западъ“ (Соч., т. III, стр. 129—151). Во всѣхъ нихъ проводятся славянофильскія идеи о первенствующемъ значеніи Россіи во всеобщей исторіи, объ отношеніи къ западной наукѣ, о самобытномъ богатствѣ нравственныхъ началъ въ народной средѣ, о прелестяхъ родной старины и т. д.

Еще точнѣе, еще опредѣленнѣе обнаруживаются славянофильскія симпатіи Алмазова въ его критикѣ [2]) современнаго направленія науки русской исторіи, главное положеніе котораго состояло въ томъ, „что въ древней, до-Петровской Россіи не было ни добродѣтели, ни благородныхъ помысловъ, ни логики, и что все это у насъ завелъ только Петръ Первый“. Это же обнаруживается и въ сочувствіи Алмазова противодѣйствію этого направленія, выраженному въ статьяхъ Хомякова, Аксакова и Самарина, служащихъ прекраснымъ доказательствомъ, „что есть у насъ умы, которые имѣютъ свѣтлый, отрадный взглядъ на нашу исторію и нашу народность“ [3]). Объ этомъ же славянофильскомъ увлеченіи Алмазова свидѣтельствуетъ и его своеобразная, нѣ-

---

[1]) См. „Славянскія Извѣстія“ 1904 г. № 3.

[2]) Сочиненія Б. Алмазова, т. III, стр. 384—398.

[3]) Тамъ же, стр. 393.

сколько въ мистическомъ духѣ, характеристика русскаго народа. „Есть одна характеристическая черта русскаго народа, выразившаяся и въ его поэзіи... Въ душѣ русскаго человѣка и его поэзіи есть какая то необыкновенная сила, стремительность, высокій, широкій полетъ, но куда, къ какому идеалу, неизвѣстно. У человѣка всякой другой націи идеалъ ясенъ: онъ знаетъ, чего хочетъ, и достигаетъ, чего хочетъ. Но не таковъ идеалъ русскаго человѣка, не таково его стремленіе. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что стремленіе русскаго человѣка — есть стремленіе дикихъ, необузданныхъ, грубыхъ силъ. Нѣтъ, это стремленіе есть избытокъ силъ духовныхъ. Другіе народы скоро достигаютъ своихъ цѣлей, потому что эти цѣли достижимы... У насъ не то. Въ нашемъ народѣ еще живо, свѣжо и могуче стремленіе къ недостижимому... Стремиться не къ какой-нибудь земной, ограниченной цѣли, не къ воплощенію какой-нибудь истины, но туда, куда зоветъ неумолкающій внутренній голосъ, къ безконечному“ [1]).

Наконецъ, и продолжительное сотрудничество Алмазова въ „Москвитянинѣ“, органѣ славянофильскомъ, не было случайнымъ, какъ въ другихъ журналахъ, а обусловливалось все тою же общностью міровоззрѣнія.

Будучи воспитанъ главнымъ образомъ на произведеніяхъ Жуковскаго и Пушкина и примыкая, какъ мы только что видѣли, по своимъ историческимъ и общественнымъ воззрѣніямъ къ славянофиламъ, Алмазовъ выработалъ въ себѣ своеобразныя литературныя требованія: поэзія Жуковскаго и Пушкина научила Алмазова цѣнить преимущественно эстетическую сторону литературныхъ произведеній, а славянофильство его воззрѣній побуждало относиться къ нимъ съ болѣе широкими общественными требованіями. Но такъ какъ такія pia desideria, „чтобы въ литературѣ въ одно время и процвѣтала поэзія, и разрѣшались общественные вопросы“, трудно исполнимы, то Алмазовъ и руководился то тѣмъ, то другимъ принципомъ, смотря по настроенію эпохи, или преобладающему направленію даннаго писателя.

О такомъ дуализмѣ литературныхъ вкусовъ Алмазова, напоминающемъ дуализмъ Хомякова и К. Аксакова [2]), которые также, при полномъ сочувствіи общественному направленію литературы, признавали за иными литературными эпохами возможность принципа „искусства для искусства“, — объ этомъ свидѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 278—279.

[2]) См. нашу статью „Славянофилы, какъ литературные критики. „Изв. Слав. Благ. Общества 1904, май, стр. 26—27.

тельствуютъ какъ разъ признанія самого автора, который, между прочимъ, говоритъ: „мы свято чтимъ принципъ искусства для искусства, но въ то же время не обвиняемъ современнаго направленія русской литературы (утилитаризма) и не имѣемъ ни малѣйшаго желанія ему противодѣйствовать“, потому что „бываютъ періоды въ жизни каждаго лица, когда одностороннее направленіе дѣятельности не только извинительно,—даже законно, когда слово можетъ служить одной какой-нибудь сферѣ...“ „И такіе переходы изъ одной крайности въ другую бываютъ и съ цѣлымъ обществомъ, и выражаются въ литературѣ. Бываютъ въ ней періоды, когда господствуетъ одно поэтическое и художественное направленіе, вытѣсняя всякое другое. Бываетъ и наоборотъ, что духъ утилитаризма завладѣваетъ литературой, проникаетъ всѣ сферы ея дѣятельности и подчиняетъ себѣ даже и поэтическія произведенія [1])“.

Но все же этотъ принципъ не былъ выдержанъ вполнѣ Алмазовымъ, такъ какъ онъ больше останавливался и сочувственнѣе относился къ тѣмъ литературнымъ явленіямъ, которыя вызывали къ себѣ эстетическіе пріемы критики, нежели къ произведеніямъ общественнаго содержанія, къ которымъ скорѣе пригодны пріемы исторической или публицистической критики.

Это видно будетъ, между прочимъ, изъ той разницы, которая проявляется въ отношеніяхъ критика къ поэзіи чистаго искусства и поэзіи общественнаго содержанія (Майковъ и Некрасовъ) и изъ его неудачной попытки выйти изъ сферы чисто эстетической критики.

Итакъ, Алмазовъ былъ по преимуществу критикъ-эстетикъ. А такъ-какъ подобные критики имѣли обыкновеніе свои сужденія объ отдѣльныхъ писателяхъ сопровождать общими теоретическими воззрѣніями, то естественно и въ критикѣ Алмазова предварительно отыскать эти теоретическія положенія, которыя, если они послѣдовательны въ своемъ приложеніи, должны объяснить какъ пріемы критическаго анализа, такъ и отношенія критика къ разбираемымъ произведеніямъ.

И потому займемся теоретической стороной критики Алмазова. Руководящими статьями въ этомъ направленіи будутъ служить намъ двѣ статьи: „О поэзіи Пушкина“ и „Взглядъ на русскую литературу въ 1858 г.“. Въ первой изъ нихъ сосредоточены общія воззрѣнія критика преимущественно по вопросамъ чистой

---

[1]) Сочиненія Алмазова, т. III, стр. 345, 346 и 347.

поэзіи: объ опредѣленіи такъ называемаго паѳоса, природы, или сущности поэта, отношенія спеціальностей къ его кругозору (государственной дѣятельности, наклонности къ ученымъ изслѣдованіямъ и философіи, изученія эстетики и исторіи литературы) и главнаго источника поэзіи—жизни; во второй статьѣ—воззрѣнія критика по вопросамъ современнаго направленія литературы (утилитаризма) и должнаго къ нему отношенія.

Согласно съ эстетической теоріей, критикъ опредѣляетъ паѳосъ поэта исключительными субъективными свойствами: онъ „обусловливается, по его словамъ, той страстью или наклонностью, которая преобладала въ немъ надъ прочими наклонностями и была главнымъ источникомъ его поэзіи... Какъ бы ни были противоположны ощущенія, въ нихъ выраженныя, вы всегда можете открыть между ними внутреннюю связь, въ которой примиряются всѣ противорѣчія, — отыскать ихъ общій источникъ. При мысли о поэзіи Байрона, представляется неукротимая ненависть ко всему обыкновенному, будничному въ жизни...“ [1]). Въ противоположность многимъ, которые думаютъ, „что недовольство жизнью, которымъ звучитъ его поэзія, происходило отъ недовольства эпохой, въ которую онъ жилъ“, нашъ критикъ опять-таки въ силу того же эстетическаго принципа убѣжденъ, „что недовольство жизнью было въ его природѣ, что въ какомъ бы блаженномъ краю и въ какія бы блаженныя времена онъ ни жилъ, его поэзія звучала бы ропотомъ на жизнь и людей, и душа тосковала бы по прежнимъ временамъ и стремилась бы къ грядущимъ“ [2]).

Точно такъ же и „безмятежное спокойствіе и довольство жизнью“, какъ особенность поэзіи Гете, имѣли своимъ источникомъ „твердую увѣренность въ силѣ своего разума, непоколебимую вѣру въ могущество человѣческой мысли, глубокое значеніе и пониманіе всѣхъ явленій и законовъ нравственнаго и физическаго міра“ [3]).

Природа, или сущность поэта, опредѣляется способностью вмѣщать въ себѣ нѣсколько характеровъ, что составляетъ, „полноту и богатство души“. „Чѣмъ больше въ душѣ человѣка противоположныхъ стихій, тѣмъ болѣе равновѣсія въ чувствахъ: ибо всякая наклонность, встрѣчая противодѣйствіе въ другой, ей противоположной, уже тѣмъ самымъ удерживается въ законныхъ

[1]) Сочиненія Алмазова, т. III, стр. 268.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 269.

границахъ, не развивается на счетъ другихъ наклонностей и не овладѣваетъ всей душою человѣка. Такимъ образомъ соединеніе различныхъ душевныхъ противорѣчій, вмѣсто того, чтобы произвести дисгармонію, какъ, можетъ быть, это предполагаютъ, производитъ гармонію всѣхъ чувствъ, правильность, нормальность души, ея полноту и богатство“ [1]).

Такъ какъ сфера поэта—вся жизнь, а задача его—отраженіе жизни во всей ея полнотѣ, то „всякая спеціальность суживаетъ его кругозоръ, приковывая его взглядъ къ какой-нибудь подробности“.

И „поэтъ, который постоянно занятъ, напр., государственными вопросами, невольно смотритъ на все съ точки зрѣнія государственной пользы, и потому многое, какъ въ людяхъ, такъ и въ природѣ, не плѣняетъ и не вдохновляетъ его“ [2]).

Точно такъ же и наклонность къ ученымъ изслѣдованіямъ и философіи, изученіе эстетики и исторіи литературы „много мѣшаютъ поэту быть совершеннымъ, истымъ поэтомъ, а произведеніямъ его носить характеръ чисто поэтическій“, потому что, „начитавшись (напримѣръ) систематическихъ теорій объ искусствѣ, мы весьма часто впадаемъ въ неискренность сужденій о произведеніяхъ искусства; восхищаемся многимъ, потому что намъ доказано, что этимъ должно восхищаться, и на тѣхъ же основаніяхъ многое порицаемъ“ [3]).

Изложенная эстетическая теорія Алмазова отличается субъективностью, парадоксальностью и противорѣчивостью и потому не только въ настоящее время, но даже и въ тѣ времена, не могла выдержать критики. Въ объясненіе особенностей какого-нибудь поэта недостаточно ссылаться на однѣ субъективныя причины, а способъ доказательствъ, выбранный авторомъ, аналогія, чтобы быть убѣдительнымъ, долженъ быть, какъ возможно, полнѣе. Мало того, многорѣчивыя разсужденія о вредѣ какой-либо спеціализаціи для дѣятельности поэта можно распространить и дальше: можно сказать, что и всякая спеціальность, къ какой бы сферѣ дѣятельности она ни относилась, всегда суживаетъ кругозоръ. Тѣмъ не менѣе существуютъ поэты, которые подъ эту теорію не подходятъ, хотя бы тотъ же Гете, о которомъ упоминаетъ критикъ. Вообще же образъ поэта, начертанный Алмазовымъ, составленъ по опредѣленному рецепту, отличается одно-

---

[1]) Тамъ же, стр. 280—281.

[2]) Тамъ же, стр. 282.

[3]) Тамъ же, стр. 293.

сторонними мистическими чертами и напоминаетъ собою старые фигуры поэтовъ, которые были въ модѣ у насъ во времена Пушкина, и поэтическое изображеніе которыхъ мы находимъ аналогично, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ Пушкина и Веневитинова [1]).

И вотъ этимъ то субъективнымъ и одностороннимъ масштабомъ, съ точки зрѣнія эстетической критики съ примѣсью славянофильства, Алмазовъ и измѣряетъ общій характеръ поэзіи Пушкина и нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ.

Хотя въ краткомъ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ первому тому сочиненій Алмазова, и сказано, что статья „О поэзіи Пушкина“ должна быть поставлена „на ряду съ лучшими нашими критическими разсужденіями о Пушкинѣ“ [2]), тѣмъ не менѣе согласиться съ этимъ мнѣніемъ врядъ ли возможно. Статья главнымъ образомъ характеризуется общностью содержанія, неопредѣленностью и опять таки парадоксальностью. Такъ, о преимущественномъ и исключительномъ правѣ Пушкина именоваться „истымъ“ поэтомъ [3]) критикъ, сообразуясь съ общей характеристикой русскаго народа, нарисованной имъ въ славянофильскомъ духѣ, заключаетъ изъ того, что „цѣль поэзіи Пушкина была неопредѣленна“ [4]), что выборъ предметовъ отличался прекрасными сторонами [5]), и что порочная организація Пушкина „умѣрялась взаимною противоположностью: скупость расточительностью, расточительность скупостью и т. д.“ [6]). Затѣмъ авторъ часто впадаетъ въ противорѣчія, которыя самъ объясняетъ своей любовью къ Пушкину, руководившей имъ при изложеніи мыслей. Все это, конечно, лишаетъ статью серьезнаго значенія, но при этомъ въ сужденіяхъ Алмазова встрѣчается нѣсколько счастливыхъ мыслей, не лишенныхъ оригинальности. Критикъ очень удачно, правда, съ славянофильской тенденціей, объясняетъ сожалѣніе Пушкина о паденіи древней русской аристократіи любовью поэта ко всему старому, потому что „въ старинномъ быту нашихъ бояръ, при всѣхъ его дурныхъ сторонахъ, было много поэзіи“.

Точно такъ же оригинальна характеристика музы Пушкина, аналогичная съ характеристикой его Татьяны.—„Муза Пушкина—

---

1) Ср. стихотвореніе Пушкина „Поэтъ“ и Веневитинова „Поэтъ“.
2) Сочиненія Алмазова, т. I, стр. IX.
3) См. выше.
4) Тамъ же, т. III, стр. 277.
5) Тамъ же, т. III, стр. 319.
6) Тамъ же, т. III, стр. 281.

это его Татьяна, женщина, ничѣмъ не поражающая на первый взглядъ, но съ перваго же взгляда внушающая къ себѣ безконечное, безотчетное уваженіе и глубокую симпатію... Ни словомъ, ни движеніемъ, ни взоромъ она никогда не измѣнитъ тихой женской граціи, она съ ногъ до головы женщина хорошаго круга. Рѣчь ея умна, полна мысли, но никогда не касается отвлеченныхъ теорій, столь неловкихъ въ женскихъ устахъ, никогда не возвѣщаетъ великихъ истинъ, столь неумѣстныхъ на раутѣ; она образована, но не пускается въ ученыя разсужденія, не щеголяетъ своими познаніями, а высказываетъ ихъ на столько, насколько можетъ высказать женщина, не дѣлаясь *синимъ чулкомъ*; по глазамъ ея вы видите, что она одарена чувствомъ, способна къ глубокой страсти, но и о чувствахъ и страстяхъ она говоритъ съ достоинствомъ... Образъ мыслей ея свободенъ, современенъ; но она не эманципированная женщина, не кричитъ противъ преданій и общественныхъ обычаевъ, и умѣетъ отличить цѣпи предразсудковъ отъ законовъ приличія“... [1]).

Въ общемъ же статья о Пушкинѣ носитъ на себѣ слишкомъ субъективный, предвзятый характеръ, опредѣляетъ особенности Пушкинской поэзіи не такъ, какъ онѣ дѣйствительно представляются безпристрастному взгляду, а съ точки зрѣнія личныхъ впечатлѣній автора. Этимъ, по нашему мнѣнію, отчасти, можно объяснить, почему статья осталась неконченной, остановившись на общей части: врядъ ли удалось бы автору, безъ большихъ натяжекъ, провести свои общія впечатлѣнія черезъ всю сумму частныхъ явленій поэзіи Пушкина.

Въ отношеніи къ современнымъ поэтамъ, сужденія критика, по нашему мнѣнію, носятъ нѣсколько иной характеръ: оцѣнивая ихъ опять-таки съ эстетической стороны, Алмазовъ, несмотря на кажущуюся поспѣшность, дѣлаетъ очень вѣрныя имъ характеристики, основанныя на вдумчивомъ анализѣ ихъ произведеній. Таковы оцѣнки поэзіи Майкова, Мея, Огарева и Щербины. И такъ какъ эти поэты принадлежатъ къ школѣ чистаго искусства, то и отзывы о нихъ въ значительной степени восторженные, тогда какъ въ стихотвореніяхъ Некрасова не признается поэзіи. Для иллюстраціи достаточно сопоставить характеристики Майкова и Некрасова. „Гармонія и правильность стиха, живость картинъ, вѣрность античному духу, пластичность и роскошь выраженій были отличительными чертами произведеній Майкова и

1) Тамъ же, т. III, стр. 323—324.

сразу обнаружили въ поэтѣ весьма замѣчательный талантъ... Главная характеристичная черта поэзіи Майкова, дѣлающая его произведенія вполнѣ античными,—совершенное отсутствіе наружнаго блеска, совершенная простота формы—младенческая наивность. Произведенія Майкова до того просты и неизысканны по формѣ, что съ перваго раза они не бросаются въ глаза и даже не нравятся; только пристально вчитавшись въ нихъ и проникнувшись ими, вы получите отъ нихъ наслажденіе (зато какое наслажденіе)!“ [1]).

Что касается Некрасова, то, по мнѣнію критика, „трудно найти стихотворца, который былъ бы меньше поэтъ, чѣмъ Некрасовъ“. Но, несмотря на это, въ Некрасовѣ никакъ нельзя отрицать стихотворческаго таланта... Читая его стихотворенія, изумляешься, какимъ образомъ авторъ ухитрился вколотить въ стихотворческую форму ultra—прозаическое содержаніе... Многимъ очень нравится „Огородникъ“ Некрасова. Но „Огородникъ“, равно какъ и „Ѣду ли ночью по улицѣ темной“, производитъ слишкомъ непріятное впечатлѣніе. Ибо въ томъ и другомъ стихотвореніи выражаются ненормальныя, уродливыя явленія жизни, которыхъ должно избѣгать въ поэзіи.

Некрасовъ—талантъ неглубокій и недолговѣчный“ [2]).

Какъ извѣстно, эта противуэстетическая прозаичность стихотвореній Некрасова смущала очень многихъ и въ послѣдующее время и порождала массу несогласій.

Хотя дѣятельность нашего критика относится главнымъ образомъ къ 50-мъ и 60-мъ годамъ, т. е. къ той эпохѣ, когда въ русской критикѣ, сообразно съ господствующимъ направленіемъ литературы и жизни, отжили исключительно эстетическія преданія, и на смѣну имъ выступали требованія общественнаго свойства, тѣмъ не менѣе общія воззрѣнія его критики и ея пріемы не подчинялись этому новому теченію, и онъ, касаясь произведеній общественнаго характера, оставался вѣренъ старымъ традиціямъ, потому что его оцѣнка современныхъ литературныхъ явленій въ общемъ была все-таки эстетическая. Въ самомъ дѣлѣ, необходимымъ условіемъ общественной критики является близкое и всестороннее знакомство съ эпохой, которое проявляется въ ея характеристикѣ, независимо отъ ея литературнаго изображенія: критикъ долженъ показать, насколько согласуется литературное

1) Сочиненія Алмазова, т. III, стр. 353 и 656—657.
2) Тамъ же, стр. 657—658.

изображеніе эпохи съ общей ея характеристикой, основанной на личныхъ его наблюденіяхъ надъ общественной жизнью.

А между тѣмъ нашъ критикъ какъ разъ этого и не дѣлаетъ: онъ по поводу романа Писемскаго „Тысяча душъ“, даетъ лишь очень поверхностную и одностороннюю характеристику современнаго и общественнаго строя, признавая эпидемическою болѣзнью его непомѣрное корыстолюбіе, какъ средство для комфорта. Но развѣ это исключительная и ближайшая задача даннаго романа? Этимъ и объясняется, по нашему мнѣнію, почему типъ Калиновича представляется нашему критику вполнѣ художественнымъ, тогда какъ, при другихъ, болѣе серьезныхъ требованіяхъ, этотъ типъ долженъ былъ вызывать и дѣйствительно вызывалъ къ себѣ иныя отношенія.

Такимъ образомъ въ лицѣ Алмазова, наканунѣ пересозданія нашего внутренняго строя не сумѣвшаго отрѣшиться отъ стародавнихъ литературныхъ традицій, видно еще какъ бы колебаніе въ выборѣ литературныхъ отношеній, несмотря на то, что современная эпоха опредѣленно возбуждала даже въ тѣхъ, кто имѣлъ лишь случайное соприкосновеніе съ литературной сферой, иные болѣе широкіе интересы къ этой сферѣ и на нихъ создавала литературную почву для выработки нашего общественнаго самосознанія. И потому, если на дѣятельность нашихъ писателей преимущественно второй половины прошлаго столѣтія смотрѣть, какъ на выразителей нашего самосознанія, а на ихъ критиковъ, какъ на истолкователей этого самосознанія (каковая точка зрѣнія и должна была быть въ то время наиболѣе современной и желательной), то дѣятельность Алмазова, въ силу указанныхъ особенностей его критики, можетъ имѣть требуемое значеніе лишь въ той степени, насколько она соприкасалась съ современной задачей—истолкованіемъ на литературныхъ фактахъ нашего самосознанія. А эта задача и выполнялась его стремленіемъ отыскать, съ точки зрѣнія славянофильства, черты нашего самобытнаго развитія, отразившіяся въ дѣятельности нашихъ писателей.

* * *

Съ этой же преимущественно стороны, какъ истолкователь нашего самосознанія, выступаетъ и другой современный критикъ—Е. Н. Эдельсонъ. Его имя связано съ цѣлымъ рядомъ именъ русскихъ писателей: Островскаго, Тургенева, Писемскаго, гр. Л. Толстого, Некрасова, Щедрина и др., произведенія которыхъ онъ

разбиралъ, въ теченіе 50-хъ и 60-хъ годовъ, на страницахъ различныхъ по направленію органовъ: „Москвитянина," „Отечественныхъ Записокъ," „Современника," „Библіотеки для чтенія" и „Русскаго Слова." Такое, повидимому, безразличное сотрудничество не должно однако вызывать упрекъ въ отсутствіи въ нашемъ критикѣ опредѣленнаго міросозерцанія, направляющаго дѣятельность въ ту или другую сторону, потому-что существуютъ условія, при которыхъ авторъ, или въ данномъ случаѣ литературный критикъ, вполнѣ можетъ не бояться этого упрека и участвовать въ тѣхъ или другихъ, часто противоположныхъ по направленію, органахъ,—это именно, если онъ основывается въ своей дѣятельности не на временныхъ, узко тенденціозныхъ и потому чисто партійныхъ принципахъ, а на общихъ положеніяхъ, вызываемыхъ требованіями современной эпохи. А однимъ изъ такихъ положеній, необходимость которыхъ сознавалась бы большинствомъ, и было въ эпоху 50-хъ и 60-хъ годовъ пробужденіе и опредѣленіе самосознанія въ русскомъ обществѣ, на что главнымъ образомъ и устремлены были въ то время задачи нашей литературы. И такъ какъ нашъ критикъ именно съ этой точки зрѣнія и смотрѣлъ на современную литературу, то его безразличное сотрудничество не можетъ быть отнесено на счетъ неопредѣленности міросозерцанія, потому-что въ основной задачѣ его критики,—истолкованіи нашего самосознанія, отражающагося въ литературѣ, уже заключенъ смыслъ опредѣленнаго міросозерцанія.

И этотъ основной взглядъ на задачу современной литературы, какъ на „уясненіе и обогащеніе нашего самосознанія," служащій отправной точкой нашего критика при оцѣнкѣ современныхъ писателей и въ то же время проникающій почти всѣ его критическіе этюды, самому критику представляется настолько важнымъ, что онъ, не боясь повтореній, считаетъ необходимымъ высказать его нѣсколько разъ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ, при разборѣ одной повѣсти Кохановской критикъ заявляетъ, что „истинная и главная задача поэзіи прояснять наше сознаніе, впитать нашу мысль вѣрными образами настоящей и прошлой дѣйствительности, обогащать нашу душу тѣми вѣчно истинными человѣческими движеніями, которыя сказываются такъ или иначе во всѣ эпохи исторической жизни," [1]) или иными словами, выраженными немного дальше, „истинная и вѣрно отра-

[1]) Библіотека для чтенія 1864, № 5, стр. 9.

жающая жизнь поэзія не есть соблазняющее краснорѣчіе, но по преимуществу уясненіе и обогащеніе нашего сознанія“ [1]).

Ту же самую задачу преслѣдуютъ, по мнѣнію критика, и наши романисты, а именно: „осмысливать факты жизни, показывать болѣе или менѣе общія причины многихъ поразительныхъ явленій нашей литературы и общественной жизни, однимъ словомъ—помогать русскому обществу въ ясномъ сознаніи проходимаго имъ пути“ [2]). Еще опредѣленнѣе и точнѣе выражается эта мысль въ слѣдующихъ словахъ: „въ настоящее время истинная задача русской изящной литературы, равно какъ и всякой другой умственной дѣятельности, есть пробужденіе самосознанія въ русскомъ обществѣ. На это пока, и весьма законно, устремлены всѣ лучшія силы и таланты, все, что чутко къ жизни и ея требованіямъ. Можно поставить даже почти непзмѣннымъ правиломъ, что тотъ изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, въ трудахъ котораго не сказалась такъ или иначе, вольно или невольно, указанная нами задача—не имѣетъ истиннаго и глубокаго таланта, всегда чуткаго къ вопросамъ эпохи“ [3]).

Сообразно съ тѣмъ же основнымъ взглядомъ и въ дѣятельности чисто лирическаго поэта преимущественно интересуютъ нашего критика „не ловкія стихотворныя формы и обороты, не звучная мѣрная рѣчь, не внѣшняя картинность образовъ,“ а дѣйствительное содержаніе, представляемое его поэзіею, потому что „поэтъ—выразитель думъ и чувствованій своего времени: чуткостью своей души, впечатлительностью сердца, онъ прежде другихъ переживаетъ внутренно важнѣйшіе вопросы времени, яснѣе прочихъ сознаетъ стремленіе эпохи, лучше и легче другихъ можетъ выразить то, что смутно движетъ и волнуетъ массы“ [4]). И, очевидно, подъ этимъ широкимъ изображеніемъ дѣятельности писателя разумѣетъ здѣсь его народность, большая или меньшая степень которой зависитъ отъ того, „насколько народно все его міросозерцаніе, и насколько истинно, глубоко захвачены и насколько вѣрно изображены имъ черты народнаго духа,“ и при помощи которой народъ „достигаетъ самосознанія, вѣры въ самого себя, твердыхъ началъ для самостоятельной умственной и нравственной жизни.“

[1]) 1864 № 5, стр. 10.
[2]) 1864 № 6, стр. 33.
[3]) 1865, № 6, стр. 37—38.
[4]) 1864, № 6, стр. 38—39

Таково содержаніе основного критеріума, которымъ нашъ критикъ измѣряетъ достоинства или недостатки современныхъ писателей.

Поэтому любопытно прослѣдить, какія черты нашего самосознанія, при помощи этого важнаго критеріума, извлечены имъ изъ дѣятельности писателей, и опредѣлить, на основаніи какихъ данныхъ въ умѣ нашего критика сложился этотъ критеріумъ.

Преимущественное значеніе въ этомъ отношеніи передъ другими писателями самъ критикъ отводитъ Островскому, общія заслуги котораго, опредѣляемыя съ точки зрѣнія даннаго критеріума, составляютъ „разъясненія русской народной, въ широкомъ смыслѣ этого слова, жизни, цѣлая масса типовъ, представляющихъ любопытнѣйшія данныя для изученія склада нашего общества, своеобразныхъ свойствъ русскаго ума и пр. пр., твердая постановка этихъ типовъ и яркое нравственное ихъ освѣщеніе... [1])

По самому роду таланта, Островскій не чистый сатирикъ, не обличитель общественныхъ золъ и нравственнаго уродства— онъ именно то, что по преимуществу требуется современною степенью развитія русскаго общества, т. е. толкователь русской жизни, народнаго духа, одинъ изъ будителей самосознанія въ русскомъ обществѣ. Въ сочиненіяхъ его не только отражается русская жизнь и представляетъ матеріалъ для изученія, напротивъ, эта жизнь представляется уже осмысленною и растолкованною, и эта именно черта составляетъ общій характеръ истинной художественной дѣятельности у насъ въ настоящее время“ [2]).

На основаніи этой общей характеристики Островскаго критикъ и разыскиваетъ въ его произведеніяхъ тѣ типичныя черты русской жизни, которыя составляютъ матеріалъ нашего самосознанія. Такъ, въ драмѣ „Не такъ живи, какъ хочется“, по мнѣнію критика, „все льетъ яркій свѣтъ на характеръ нашего народа, его религіозныя, бытовыя и т. п. воззрѣнія“. И въ героѣ Петрѣ Ильичѣ критикъ видитъ „чисто русскаго удалого молодца съ его отчасти дикою наклонностью къ восторгамъ самозабвенія, или попросту къ загулу“, — тѣ силы, которыя авторъ, проникшись народнымъ міросозерцаніемъ, „олицетворилъ почти въ томъ видѣ, какъ представляетъ ихъ себѣ народъ нашъ. Еремка—почти нечистая сила, мѣщане Агафонъ и Степанида представители начала порядка, семейности, однимъ словомъ,

1) Ibid. 1864, № 1, стр. 10.
2) Ibid. 1865, № 1, стр. 139.

добра, по народному представленію. И, конечно, замѣчаетъ критикъ, такъ задуманную и исполненную драму ничто не могло развязать лучше, какъ во время еще сотворенное крестное знаменіе“ [1]).

Точно такъ же и другая пьеса „Тяжелые дни“ представляетъ нѣсколько интересныхъ чертъ русскихъ нравовъ. „Таково весьма оригинальное любовное объясненіе Андрея Титыча и Александры Петровны,—объясненіе на лету, подъ постояннымъ страхомъ сидящихъ въ другой горницѣ родителей или же „чрезвычайно забавный и въ то же время, глубоко вѣрно задуманный разговоръ двухъ купчихъ съ старымъ подъячимъ о „мудреныхъ словахъ“ [2]). Стало быть, важнѣйшимъ источникомъ нашего самосознанія, насколько оно проявляется въ произведеніяхъ Островскаго, служитъ жизнь русскаго народа, преимущественно въ среднихъ и низшихъ его слояхъ. А потому нашъ критикъ и въ литературномъ міровоззрѣніи Щедрина характеристическою чертою поставляетъ его вѣру, или, по крайней мѣрѣ, благодушное отношеніе къ народу и земству, „ко всей этой темной массѣ, живущей еще своею мало извѣстной намъ жизнью, нѣсколько дико и недовѣрчиво глядящей на прививаемую ей цивилизацію, страдательно и безучастно относящейся къ воздвигнувшимся надъ нею историческимъ ходомъ законамъ и властямъ, къ этой огромной, почти неподвижной массѣ, которая сохранила старину со всѣми ея хорошими и худыми сторонами, но по крайней мѣрѣ не заразилась новыми пороками и терпѣливо ждетъ своего просвѣтлѣнія и пробужденія. Во всѣхъ разсказахъ и пьесахъ Н. Щедрина самые благодушные и благообразные типы взяты имъ изъ этой темной массы“ [3]).

Точно такъ же и въ дѣятельности Некрасова привлекаютъ къ себѣ расположеніе нашего критика его заслуги по отношенію къ объективному воспроизведенію народности. И хотя результаты его трудовъ „по отношенію къ чистому матеріалу народныхъ элементовъ, внесенному въ нашъ умственный оборотъ“, и признаются Эдельсономъ довольно скудными, но главная сила Некрасова все таки поставляется въ „широкой струѣ гуманнаго чувства, обращеннаго на народъ“ [4]).

1) Ibid. 1864, № 1, стр. 12—13.
2) Ibidem.
3) Ibid. 1863, № 9, стр. 44.
4) Ibid. 1864, № 9, стр. 10.

Сюда же, къ той же категоріи писателей, которыхъ существенную задачу составляетъ пробужденіе нашего самосознанія, Эдельсонъ относитъ и гр. Л. Толстого, потому что и „его по преимуществу интересуютъ тѣ прочныя, вѣчныя отношенія, которыя должны представлять едва-ли не самыя характеристическія черты русскаго склада жизни—это отношенія семейныя, супружескія, отношенія къ землѣ, къ ближнимъ и т. п.“. И „какого быта въ русской жизни ни коснется онъ, онъ тотчасъ умѣетъ найти въ ней звуки, родные каждому русскому“, такъ что главнѣйшее содержаніе сочиненій гр. Л. Толстого составляетъ „душа въ своихъ глубочайшихъ и вѣчныхъ проявленіяхъ и при томъ русская душа“ [1]).

Изъ этого вполнѣ сознательнаго и прочно установившагося принципа, — стремленія не иначе руководить литературнымъ развитіемъ читателей, какъ разыскивая въ литературной сферѣ черты нашего самосознанія, вытекало и отрицательное отношеніе Эдельсона къ произведеніямъ натуральной школы, потому что характеристическая особенность ея писателей, — утрированное изображеніе дѣйствительности, и преимущественно темныхъ ея сторонъ, никоимъ образомъ не могла согласоваться съ тѣмъ основнымъ требованіемъ, какое предъявлялось къ литературѣ нашимъ критикомъ. Въ частности же осужденіе натуральной школѣ произнесено имъ въ лицѣ Н. Потѣхина и Н. Успенскаго.

Чтобы опредѣлить источникъ этихъ своеобразныхъ литературныхъ убѣжденій Эдельсона, необходимо обратиться къ основамъ его общаго міровоззрѣнія. Нужно замѣтить, что начало его литературной дѣятельности связано съ молодой редакціей „Москвитянина“, члены которой въ сущности исповѣдывали ученіе славянофиловъ, расходясь съ ними лишь въ своемъ исключительномъ преклоненіи передъ литературой въ то время, какъ отношеніе къ ней славянофиловъ было болѣе или менѣе случайнымъ. Общимъ же звеномъ, связующимъ Эдельсона и славянофиловъ, на общей почвѣ ихъ міровоззрѣнія, было ихъ одинаковое стремленіе къ развитію нашего самосознанія, въ чемъ и заключался въ сущности смыслъ всей дѣятельности и славянофиловъ, и Эдельсона.

Кромѣ того, и въ нѣкоторыхъ частныхъ сужденіяхъ Эдельсона были точки соприкосновенія съ славянофилами. Такъ, по поводу одной картины отжившаго стараго быта, нарисованной въ

---

[1]) Ibid. 1863, № 3, стр. 10.

романѣ Писемскаго „Тысяча душъ“, критикъ, между прочимъ, заявляетъ: „къ удовольствію нашему, г. Писемскій не принадлежитъ къ числу непримиримыхъ враговъ всего прошлаго, къ тѣмъ живописцамъ, на палитрѣ которыхъ *нѣтъ свѣтлыхъ красокъ для стараго*. Не обнаруживая нисколько стремленій къ возвращенію отжившаго, онъ сумѣлъ однако найти въ немъ, не прибавляя ни одного штриха изъ новой жизни, такую *свѣтлую и отрадную личность*, какъ старикъ Годневъ, при воспоминаніи о которомъ слезы умиленія невольно навертываются на глаза и какъ-то спокойнѣе становится за русскаго человѣка...

Свѣтлою и почти одинаковою личностью стоитъ этотъ старикъ среди сотни извергов, плутовъ и т. п., которыми старается наполнить наша современная литература *всю прошлую жизнь Россіи*“ [1]).

Этотъ отзывъ, очевидно, стоитъ въ связи съ славянофильскимъ сужденіемъ Эдельсона о значеніи прошлой жизни, по которому онъ выступаетъ противникомъ того „укорененнаго мнѣнія, что движеніе исторіи вообще состоитъ исключительно въ отрицаніи прошлаго, въ постоянной борьбѣ новыхъ началъ противъ старыхъ порядковъ, въ уничтоженіи всего непосредственнаго“... На этомъ же, въ свою очередь, основывается и благопріятный отзывъ Эдельсона о повѣсти Кохановской „Рой—Ѳеодосій Савичъ на спокоѣ“, которая, благодаря своему славянофильскому содержанію, „затрагиваетъ въ душѣ“, по мнѣнію критика, „чисто русскія народныя струны“, такъ какъ содержитъ въ себѣ „народные идеалы нравственной чистоты и строгости, мудрости, порядка, досужества, удали и всяческой нравственной силы“ [2]).

Но, помимо этого субъективнаго источника литературныхъ убѣжденій Эдельсона, были и другія, болѣе общія основанія для выработки опредѣленной программы его дѣятельности: мы разумѣемъ общее настроеніе той эпохи, когда, вслѣдъ за печальными событіями крымской компаніи, въ русскомъ обществѣ выработалось сознаніе въ необходимости внутренняго нашего переустройства и созрѣли стремленія опредѣлить наличныя наши силы.

И вотъ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ отголосковъ этого сознанія и этихъ стремленій и была литературно-критическая дѣятельность Эдельсона.

* * *

[1]) Русское Слово 1859, № 1, стр. 56 (курсивы наши).

[2]) Б. для чтенія 1864, № 5, стр. 11.

Выдѣляя Ап. Григорьева, въ силу наибольшей широты и самостоятельности его міровоззрѣнія, изъ общаго цикла славянофиловъ, мы считаемъ возможнымъ признать его наиболѣе выразительнымъ изъ среды молодого ихъ поколѣнія истолкователемъ нашего самосознанія, такъ какъ онъ выполнялъ эту задачу не только своей литературной дѣятельностью, но и своей личностью. Дѣятельность Алмазова также внесла извѣстную лепту въ общую сокровищницу нашихъ самобытныхъ идей, но ея значеніе нѣсколько ослабляется узостью его міровоззрѣнія, въ духѣ односторонне славянофильскомъ. Наконецъ, Эдельсонъ, своимъ упорно продолжительнымъ служеніемъ все той же идеѣ, далъ опредѣленный отвѣтъ на запросъ, поставленный вѣяніемъ эпохи. Однимъ словомъ, всѣ трое, будучи продолжателями славянофильскихъ завѣтовъ на литературной почвѣ, каждый въ своей степени, служили живыми отголосками нашего общественнаго самосознанія, какъ его ближайшіе литературные истолкователи.

Л. Лобовъ.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

Литературная характеристика.

Сѣрошевскій занимаетъ особое мѣсто среди современныхъ польскихъ писателей не потому только, что описываетъ жизнь экзотическихъ странъ, что интересы героевъ его — дикарей или инородцевъ — совершенно далеки отъ польскихъ интересовъ. Этого слишкомъ мало. Внутреннія особенности творчества Сѣрошевскаго даютъ ему особое мѣсто въ польской литературѣ. Онъ одинъ изъ первыхъ отвергъ не только принципъ національности, но и всякія расовыя отличія; онъ сталъ искать „человѣка“ въ полудикомъ якутѣ, и въ гордомъ чукчѣ, и въ чуждомъ намъ боксерѣ-китайцѣ. Онъ проникъ въ души этихъ „язычниковъ“, нашелъ тамъ сокровища духовной красоты, сдѣлалъ этихъ дикарей близкими и родными для каждаго изъ насъ, заставилъ жить всецѣло ихъ чувствами, страданіями и радостями. Въ торжествѣ этого открытія Сѣрошевскій сталъ говорить мощными словами мужа, писать смѣлой кистью художника, приглашать насъ призывомъ гражданина къ борьбѣ, жизни и освобожденію. Бодрый и бодрящій голосъ писателя-оптимиста, который вѣритъ только въ „человѣка“,—особенно дорогъ и понятенъ намъ среди угнетеннаго состоянія общественной мысли, настроенной пессимистически.

I.

Основной характеръ Сѣрошевскаго-писателя опредѣлился въ первыхъ же произведеніяхъ и не измѣнился до сихъ поръ. Теперь Сѣрошевскій въ расцвѣтѣ писательскихъ силъ. Онъ родился въ 1858 году въ с. Воля-Козловска варшавской губ., по окончаніи гимназіи сталъ заниматься слесарной работой сначала въ частной мастерской, затѣмъ ходилъ въ ремесленную школу Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги и своимъ развитіемъ обязанъ

исключительно самообразованію. Онъ не помнитъ себя безъ книги, безъ чтенія и размышленій. За участіе въ рабочемъ движеніи двадцатилѣтній Сѣрошевскій былъ сосланъ въ Сибирь и здѣсь впервые началъ писать разсказы изъ быта инородцевъ, собиралъ матеріалы для научной работы объ якутахъ и т. д. Произведенія его появлялись и по-польски, и по-русски, иногда подъ псевдонимомъ „Sirko“ (Сѣрко); нѣкоторыя онъ самъ переводилъ, большей частью—съ польскаго на русскій. Изъ повѣстей и разсказовъ его болѣе извѣстны слѣдующіе: „Na kresach lasów“ — „На краю лѣсовъ“, „W matni“,—„Въ западнѣ“, „Chaiłach“—„Хайлакъ“, „Czukcze“—„Чукчи“, „Nang-ming-tse“—„Нангъ-мингъ-цзе“, „Jang-chun-cdzy“—„Янгъ-хунъ-цзы“, „Kuli“ — „Кули“, „Wsród lodów“ — „Среди льдовъ“, „Na dnie nędzy“—„Предѣлъ скорби“, „Risztau“—„Риштау“, „Brzask“ — „Разсвѣтъ“, „Latorośle“ — „Побѣги“ и другіе. Первая научная его работа издана Русскимъ Географическимъ обществомъ—„Якуты“ (Спб. 1896), по-польски — „Dwanaście lat w kraju jakutów“ (1901); недавно вышли „Дальній Востокъ“ (Сибирь, Манчжурія, Японія, Сахалинъ, Китай) — „Na dałeki Wschód“ (1904) и „Корея“. Очерки природы, жизни, государственнаго строя“. Кое-что изъ его разсказовъ появилось въ дешевыхъ изданіяхъ для народа и, несомнѣнно, будетъ пользоваться популярностью.

Изъ этого обзора уже видно, что кругъ наблюденій у Сѣрошевскаго не великъ; но эта спеціализація выгодно отразилась на глубинѣ ихъ. Долгія и упорныя размышленія надъ внѣшней жизнью, спокойная и ясная сосредоточенность въ самомъ себѣ, указанная раньше твердая вѣра въ „человѣка“, какъ результатъ его вдумчиваго отношенія къ людямъ, — этимъ объясняется то, что среди польскихъ писателей новѣйшаго поколѣнія Сѣрошевскій, по опредѣленію критика Яна Стена, — „самая несложная, самая свѣтлая, менѣе другихъ мятежная, слѣдовательно, едва-ли не самая счастливая душа; а вмѣстѣ съ тѣмъ — самая первобытная; слѣдовательно, едва-ли не самая поэтическая. Жизнь Сѣрошевскаго слагалась не изъ однихъ мечтаній. Мѣстности, описанныя въ его произведеніяхъ, говорятъ о долгомъ, многолѣтнемъ скитаніи по Сибирскимъ землямъ. Какъ краснорѣчивы эти краткіе комментаріи, какими нитями духовной общности связываютъ они художника съ изгнанниками—героями его произведеній! Подобно этимъ изгнанникамъ, Сѣрошевскій страдалъ не по своей винѣ, не изъ-за себя и не въ своемъ воображеніи. Его неотравленное болью воображеніе — чисто, могуче и, какъ все могучее, свѣтло, оживлено улыбкой, наклонно къ оптимизму.

„Ни одинъ изъ молодыхъ нашихъ авторовъ не отличается такой удивительно примиряющей душевной свѣжестью; ни у одного изъ нихъ не проявляется такъ ярко почти дѣтская любовь къ жизни, этому чудному вѣнку, сплетаемому изъ слезъ и улыбокъ милліонами существъ втеченіе милліоновъ лѣтъ“.

II.

Когда одинъ изъ героевъ Сѣрошевскаго, Вихлицкій, томительно ожидаетъ смерти у обвала на вершинѣ дикаго Риштау и твердо вѣритъ, что спасенія нѣтъ, что смерть неминуема,—черкесъ—проводникъ ему говоритъ:

— Да будетъ такъ, какъ опредѣлено Богомъ. Ты, баринъ, трясешь головой; ты, я вижу, никогда не молишься. Однако, вашъ Богъ—также Богъ.

— Я вѣрю только въ людей, Селимъ, — отвѣчаетъ Вихлицкій.—Этого довольно. („Risztau“).

Въ тѣхъ же людей, и только въ людей вѣритъ и самъ авторъ. Человѣчество — вотъ божество Сѣрошевскаго, и это божество никогда не обманетъ вѣрующаго, хотя бы отдѣльные люди и обманывали его. Пантеизмъ инородцевъ, среди которыхъ такъ долго жилъ польскій писатель, сдѣлался и его вѣрой. Сила природы—въ ея безсмертіи; той же силой обладаютъ и люди, жертвующіе собой для чужого блага. Припомнимъ ссыльнаго Павла Щербину, который воспиталъ въ себѣ вѣру въ братство людей, правда, исключительно по книгамъ. Жизнь онъ зналъ плохо, и первое же разочарованіе въ людяхъ, въ крѣпости всей теоріи — оказалось для него тяжелымъ. Пока у него были деньги, запасы пищи, табаку, чаю, якуты относились къ ссыльному хорошо, и полъ года онъ прожилъ съ ними въ дружбѣ: они называли его „братомъ“. Но вышли деньги и запасы — и якуты переселили Павла въ одинокую и изорванную юрту, гдѣ было темно и холодно. Физическія страданія мечтателя усиливались отъ сознанія, что его теоретическая утопія разбилась о суровыя души людей. Не смотря на жестокій морозъ, онъ идетъ въ городъ, сбивается съ дороги. Предъ нимъ—смерть, страшная безпощадная, смерть одинокаго замерзающаго въ пустынѣ человѣка... Его уже заноситъ снѣгомъ, но онъ попрежнему любитъ людей, жалѣетъ ихъ. „Они могли бы быть могучи, — думаетъ Павелъ,—могли бы по-

пирать ногами міры, а познаніемъ души могли бы жизнь отдѣльныхъ личностей продлить до безконечности... А между тѣмъ, они пропали, умерли на вѣки и безъ надежды на возрожденіе въ плодахъ своихъ стремленій"... („Na kresach lasów"). И Сѣрошевскій не позволяетъ умереть такому человѣку, не губитъ его живой вѣры въ людей. Павла находятъ якуты и спасаютъ ему жизнь, спасая вмѣстѣ съ тѣмъ и эту вѣру.

Признавая „человѣка" „святѣйшимъ изъ званій", Сѣрошевскій видитъ человѣка и въ отверженныхъ судьбой—въ якутахъ, и надѣляетъ ихъ способностью жертвовать собой для общаго блага („W ofierze bogom"); видитъ онъ его и въ самыхъ отверженныхъ, „несчастнѣйшихъ среди несчастныхъ, послѣднѣйшихъ среди послѣднихъ"—въ прокаженныхъ, и надѣляетъ ихъ добротой, нѣжной привязанностью, любовью до самозабвенія („Dno nędzy"). Вообще, всѣ инородцы изображены у него въ симпатичныхъ чертахъ, начиная отъ полудикихъ чукчей и кончая озлобленными китайскими боксерами. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о добродушіи якутъ и чукчей, о сознаніи долга, о поэтическомъ складѣ ихъ ума, о гостепріимствѣ и т. д.; „во всей якутской землѣ домъ есть собственность тѣхъ, кто нуждается въ убѣжищѣ", — говоритъ Сѣрошевскій. Тотъ же самый казакъ Буза, который не высокаго мнѣнія о чукчахъ и говоритъ, что „совсѣмъ оленій у нихъ разговоръ... и вѣра у нихъ оленья... куда олени пойдутъ, туда и они за ними...", который обращается къ чукчамъ-депутатамъ, совершенно безцеремонно: „Ахъ морды вы... оленьи морды!.. Дикіе люди!.."—тотъ же Буза находитъ, что хотя они дикіе и свирѣпые, „но у нихъ тоже есть свое обхожденіе... Гордецы они... снисхожденія не любятъ" („Czukcze"). Этого довольно: гдѣ есть гордость, тамъ есть и величіе человѣка, и красота души. Если якутъ и хитеръ, то хитрость его граничитъ съ наивностью. Въ смѣшной и довольно важной рѣчи Хабджій хочетъ убѣдить опаснаго жильца, бывшаго острожника „Хайлака", что жить у него въ юртѣ совсѣмъ неудобно, что пища плохая, что самъ онъ, хозяинъ, слишкомъ глупъ.

Всегда наши симпатіи будутъ на сторонѣ этихъ отверженныхъ. Они симпатичны намъ еще потому, что нѣжно любятъ свою родину—„край съ сорокодневными ночами, куда вѣтеръ не залетаетъ, гдѣ перелетныя птицы не садятся; край—владѣніе безпредѣльной печали" („Dno nędzy"). „Зачѣмъ же ей тосковать?—спрашиваетъ Сѣрошевскій, заглядывая въ душу якутки Керемесъ.—Развѣ ей здѣсь не хорошо, не весело?... особенно лѣтомъ, когда вдоволь пищи, когда вокругъ тепло и ясно? Она взгля-

нула въ открытыя двери, черезъ которыя ей улыбались залитыя солнцемъ окрестности.—Развѣ не хороши эти тучи, это блѣдно-голубое родное небо, эта черная, сумрачная и вмѣстѣ съ тѣмъ милая, знакомая тайга?... Какъ упоительно пахнутъ расцвѣтшія лиственницы лѣсовъ. Нѣтъ, хороша якутская земля, ихъ земля! А если говорятъ, что тамъ на югѣ, есть лучшія страны, такъ навѣрное врутъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ пріѣзжаютъ сюда, къ нимъ?!“ („Chaiłach“). А пріѣзжаютъ за тѣмъ, чтобы разрушить убогое „якутское“ счастье, чтобы надругаться надъ привязанностью отверженныхъ къ ихъ отверженной родинѣ.

III.

Китайцы не меньше якутъ любятъ свою жалкую и бѣдную страну — „страну благородной желтой глины, древнюю колыбель Китая“. Выгнанные изъ нея нуждой, продавшіеся въ вѣчное рабство „бѣлолицымъ собакамъ“, два брата-кули нѣсколько лѣтъ влачатъ жизнь вьючныхъ животныхъ.

— Зачѣмъ жить, Ю-Лянгъ? — спросилъ какъ-то Шангъ-Си, вглядываясь въ безконечно-унылую линію желѣзнодорожной насыпи, которую они воздвигали.

— Пока мы живы, мы можемъ еще увидѣть Китай!.. — порывисто отвѣтилъ Ю-Лянгъ.

— О, да, желтыя ущелья Гань-Су... Я ихъ вижу, братъ, каждый день, когда собираюсь заснуть... Помнишь, какъ волновалась пшеница на высокихъ пажитяхъ въ хорошіе года?... Такой пшеницы не бываетъ нигдѣ... Помнишь, какъ мы играли „въ слона“ съ маленькимъ Хонгъ-Ю?... Мальчуганъ вѣрно уже выросъ...

Имъ пришлось увидать родину, но только съ берега корабля... Разъ какъ-то въ ихъ кварталъ ворвалась толпа вооруженныхъ бѣлыхъ, колола ихъ, била ихъ, беззащитныхъ, пока не пришли войска, и бѣлые не подрались съ бѣлыми... Вскорѣ послѣ того ихъ погнали къ морю и посадили на корабль. Прошелъ слухъ, что ихъ отправляютъ въ Китай.

— Единственная Имперія!.. Пупъ земли!.. Страна цвѣтовъ!..

Они все простили, все забыли... Они помнили о ней только хорошее, они разсказывали только трогательное, они смутно сознавали, что нигдѣ, нигдѣ они не чувствовали себя настолько

достойными жизни, какъ тамъ, даже въ дни тяжелыхъ испытаній. („Kuli“).

Если у якутъ и у кули любовь къ родинѣ проявлялась въ формѣ инстинкта, то у китайскихъ боксеровъ это же чувство возвышается до разумнаго „патріотизма“. Въ глазахъ европейцевъ, боксеры—синонимъ чего то буйнаго, дикаго, неукротимаго, звѣрскаго, безпощаднаго и жестокаго, чего-то средняго между инсургентами и хулиганами. Десять лѣтъ тому назадъ ихъ имя приводило въ трепетъ всю дальнюю Азію, было страшно для всей Европы. Но въ глазахъ беллетриста—экзотика, смотрящаго на вещи съ точки зрѣнія „дикарей“, — боксеры принимаютъ совершенно иную окраску. Разсказъ Сѣрошевскаго начинается идиллической картиной. Юноша А-пе собирается жениться на дочери сосѣда — богатой Ченгъ, которая такъ хорошо поетъ, словно стекляные колокольчики, колеблемые вѣтеркомъ въ рощѣ буддійскаго храма. Правда, отецъ какъ будто противъ брака, потому что во всей странѣ Уангъ-Мингъ-Хи урожай въ этомъ году очень плохой, спросъ на чай, рисъ и хлопокъ падаетъ, земля и рабочія руки дорожаютъ. Но надежда на счастье не совсѣмъ еще разбивается о несчастія экономическія. Она разбивается о воинственные замыслы европейскихъ культуртрегеровъ... Ударъ колокола на сборномъ домѣ созвалъ всѣхъ обитателей деревушки. Въ сборномъ домѣ крестьянъ ожидалъ неизвѣстный путникъ. Когда крестьяне собрались, незнакомецъ поднялъ голову, сдѣлавъ знакъ толпѣ, чтобы она замолкла, и затѣмъ заговорилъ о томъ, что иностранцы отнимаютъ землю у пахарей и строятъ на ней „дьявольскій возъ“, который лишаетъ заработка носильщиковъ; что жестокіе „бѣлые“ напали на лѣтній дворецъ богдыхана, разбили дорогія вазы, изорвали великолѣпныя ткани—наслѣдіе славныхъ предковъ; что двуличныя „собаки“ захватили въ свои руки угольныя копи, гдѣ раньше работали тысячи бѣдняковъ; что христіане привозятъ гибельный для китайцевъ опіумъ и насильно распространяютъ его среди населенія „Страны цвѣтовъ“.

Впечатлѣніе отъ его рѣчи было сильное. Оно было сильно потому, что всѣ слушавшіе разошлись по домамъ молча, чтобы на другой же день отправить своихъ сыновей на защиту родины и на вѣрную гибель многихъ молодыхъ жизней. Каждый изъ отцовъ вѣрилъ, что весь „черноголовый народъ“ Страны цвѣтовъ соединится, что онъ дружно выйдетъ на поле брани и лучше погибнетъ, чѣмъ отдастъ на поруганіе прекрасную свою родину, прекрасную „страну цвѣтовъ“... Союзъ „друзей отечества“ ударитъ на иноземцевъ! Всякій, у кого есть два сына или

два младшихъ брата, отдастъ одного... Выйдутъ они изъ домовъ утромъ и отправятся дорогами къ югу... А узнавать себя они будутъ по знаку „Кулака“.

Въ числѣ невольныхъ добровольцевъ былъ и А-пе. Его не напутствовали пышными фразами, ему не дали благословенія: гдѣ нужно дѣло, тамъ пошлы всякія слова. Въ молчаніи такъ много величія... Отецъ отсчиталъ деньги, велѣлъ матери приготовить мѣшочекъ рису и все это положилъ на алтарь „комнаты предковъ“. Сыну не сказалъ онъ ничего, но этого и не нужно было: опасность родины краснорѣчивѣе словъ. А-пе самъ догадался и рано на разсвѣтѣ ушелъ изъ дому. Онъ не вернулся въ долину желтой Та-Шуей-Хи и погибъ, защищая отъ пришельцевъ милую родину. Имя его занесено въ скрижали на алтарѣ предковъ, и по праздникамъ это имя ласкаетъ запахъ родныхъ цвѣтовъ, голубой дымъ фиміама и тихія молитвы родныхъ („Bokser“). Эта любовь уже не „привязанность осла къ своему хлѣву“: она возвышенна, благородна и глубоко симпатична.

IV.

Если чувство любви къ родинѣ такъ красиво и мощно у „дикарей“, если оно обостряется у тѣхъ, кто оторванъ отъ нея, то это правило, казалось бы, распространяется и на людей культурныхъ, на европейцевъ, на русскихъ героевъ Сѣрошевскаго. Но дѣйствительность нарушаетъ теорію. Исключеніемъ изъ правила являются тѣ лучшіе сыны родины, которыхъ преслѣдовали за эту именно любовь, за пониманіе ими всѣхъ печальныхъ явленій жизни на ихъ родинѣ,—и выслали за предѣлы ея.

Эти лучшіе сыны — сибирскіе поселенцы, которые въ силу жестокаго закона оторваны отъ родины, иногда безъ надежды вернуться. Имъ такъ тяжело все пережитое „дома“, что мечты о свободѣ, какой бы то ни было, но возможной, реальной свободѣ,—заглушаютъ мысль о сладости „дыма отечества“. Таковъ одинъ изъ героевъ разсказа „Czukcze“, Степанъ. Въ холодную полярную ночь, когда морозные туманы носились надъ снѣгами, словно молочная муть, онъ стоялъ на крыльцѣ въ одной суконной блузѣ. Его товарищъ, Оспъ, замѣтилъ, что такъ легко получить воспаленіе легкихъ.

— Ну и пусть!..—отвѣчалъ Степанъ. — Большая важность: немного позже, немного раньше...

— Чудесно! Сознаюсь, я не настолько храбръ: мнѣ далеко не все равно, гдѣ умереть. Тутъ даже сгнить по человѣчески нельзя. Сознайся и ты, что и тебѣ непріятно подумать, что, можетъ быть, вѣка придется здѣсь пролежать въ гробу ледянымъ истуканомъ? Другіе превратятся въ цвѣты, въ деревья... опять купаться будутъ въ солнцѣ, въ росѣ, а ты лежи и лежи... Кругомъ тьма, и только собаки воютъ...

— Дѣйствительно воютъ, точно кого-то хоронятъ... Какъ-то особенно воютъ! Чуютъ что-то...

Когда въ окрестности города пріѣхали чукчи, — ссыльные познакомились съ ними и подружились. Это входило въ планъ ихъ бѣгства, но не въ Россію, а въ Америку, откуда въ прибрежныя кочевья приходятъ корабли. За порукой миссіонера исправникъ отпустилъ ихъ съ казакомъ. Они купили ѣздовыхъ собакъ, насушили сухарей, пріобрѣли нарту и поѣхали въ далекое кочевье. Чѣмъ дальше уходила мертвая пустыня, чѣмъ яснѣе вырисовывались темныя горы впереди, тѣмъ цѣль поѣздки ссыльныхъ была ближе. На одну изъ ночевокъ путники остановились у „какоры“ плавника, выброшенной морскимъ прибоемъ.

— Знаешь, мнѣ кажется, что мы уже ушли, что мы свободны!.. говорилъ Осипъ товарищу. — Съ каждой верстой, точно одно изъ тысячи связывающихъ насъ волоконъ рвется, исчезаетъ... Я не могу думать, что это еще не конецъ, что еще далеко... Суевѣрный страхъ охватываетъ меня. Мнѣ кажется, что я легче уйду въ могилу, чѣмъ вернусь!

Имъ не суждено было увидѣть свободную страну. Когда они добрались до знакомаго кочевья, то нашли слѣды разгрома. Какой то враждебный родъ напалъ на палатки стараго и гордаго богача Отоваки, всѣхъ людей вырѣзалъ, — и гости въ паническомъ страхѣ бѣжали отъ мѣста преступленія. Они бѣжали въ ночь, въ пургу, въ туманъ ледяныхъ иголъ, потеряли другъ друга и направленіе пути. Осипъ сталъ замерзать, не могъ двигаться. „Степанъ все время шелъ пѣшкомъ, придерживаясь за дугу нарты, подталкивалъ ее, понуждалъ собакъ. Только для безопасности привязалъ себя къ санямъ ремнемъ за поясъ. Собаки чуяли позади опасность и старались изо всей мочи. Бѣглецы бѣжали все быстрѣе, охваченные отчаяніемъ. Наконецъ льды задрожали и заколыхались подъ ними. Все закружилось, зашумѣло; вода, казалось имъ, заплескалась подъ полозьями ихъ нарты... Однако, они все еще бѣжали по сухому.

— Сбрось!.. Все сбрось... и пищу, и платье...—кричалъ Степанъ, едва поспѣвая за испуганными собаками.

„Мѣшки, посуда, одѣяла,—все полетѣло въ алчную, темную, пасть моря. Облегченная нарта быстро двинулась впередъ. Степанъ едва успѣлъ стать на полозъ и повалиться около Оспа. Собаки бѣшено неслись наобумъ.

— Черезъ меня погибнешь!.. Лучше отвяжи меня и сбрось съ нарты... Или я самъ... Да вѣдь ты меня опять будешь ловить!?..

— Конечно, буду. Зачѣмъ говорить вздоръ? Вмѣстѣ погибнемъ, какъ жили вмѣстѣ... Годъ раньше, годъ позже... какая важность... Вѣдь возвращаемся... въ могилу...

Ссыльные не мечтали о возвращеніи на родину, съ которой у нихъ соединилась память только объ одномъ — о жестокомъ, безчеловѣчномъ законѣ. Скажемъ больше — намъ кажется симпатичной и самая ненависть всѣхъ рѣшительно „дикарей“ и инородцевъ къ европейцамъ — „рыжимъ заморскимъ чертямъ“, какъ называютъ ихъ китайцы („Jang-Chun-Cdzy“). Когда два молодые китайца, уже знакомые намъ братья Шанги, должны были оставить свою деревню, вымиравшую отъ голода, и уйти на югъ, — учитель деревенской школы предостерегалъ ихъ отъ сближенія съ европейцами. „Они не люди, они—плодъ преступнаго брака мартышки съ гусемъ, чему лучшее доказательство—ихъ длинный птичій носъ и растущая на лицѣ шерсть. Они — варвары, не поклоняющіеся Небу, отрицающіе семью и предковъ, чему не должны мы удивляться, разъ знаемъ о ихъ позорномъ происхожденіи. Они ловко строятъ корабли, машины, дома, приготовляютъ замѣчательныя желѣзныя и мѣдныя вещи... Но лучше всего они выдѣлываютъ орудія убійства. Это понятно: вѣдь они втайнѣ питаются человѣческими мозгами и тѣломъ убитыхъ... Оттуда они черпаютъ свои чудодѣйственныя знанія и свою жестокость... Пища всегда соотвѣтствуетъ нравамъ. Мы, питающіеся рисомъ и пшеницей, знаемъ, какъ воздѣлывать ихъ. Охотникъ изловчается въ охотѣ за звѣрями, рыбакъ изучилъ нравы рыбы. Понятно, почему ужасные бѣлые людоѣды являются лучшими солдатами и искуснѣйшими убійцами людей. Правда, я самъ ихъ не видалъ, но всему этому я вѣрю, такъ какъ читалъ это въ объявленіи, расклеенномъ въ городѣ по приказанію вице-короля. Многіе видѣли лично рыжебородыхъ дьяволовъ. Всѣ увѣряли, что они ужасно дерзки, скверно пахнутъ, что глаза у нихъ пронзительные, горятъ, точно глаза хищнаго тигра, и что они совсѣмъ не знаютъ правилъ вѣжливости... Обѣщайте мнѣ остерегаться ихъ“. („Kuli“).

Въ словахъ учителя меньше наивности, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и ничего нѣтъ смѣшного. Въ нихъ

больше ужаснаго, потому-что правда не смѣшна и не наивна. Въ самомъ дѣлѣ, что принесли европейцы китайцамъ или сибирскимъ инородцамъ? — Эксплоатацію дешеваго труда, никому непонятный „законъ“ съ полчищами солдатъ, „культуру“ и слова, одни слова Христа о братской любви...

— —

V.

Распространяться о первой не стоитъ: окончаніе разсказа „Кули“ скажетъ намъ больше, чѣмъ требуется. Шанги продали себя въ вѣчное рабство, были обмануты ловкими предпринимателями. Они работали много лѣтъ, „проплыли океанъ, посѣтили сотни городовъ, проѣхали по желѣзнымъ дорогамъ тысячи миль и не меньше прошли пѣшкомъ, но все время ихъ окружали стѣны, затворы, рѣшетки, надъ спинами ихъ свистѣла плеть. Въ то время они лучше узнали бѣлыхъ и убѣдились, что эти жестокія существа дѣйствительно—потомки гуся и обезьяны. За трудъ и покорную сдержанность они при всякомъ удобномъ случаѣ издѣвались надъ желтокожими кули, били ихъ и оскорбляли. Братья не осмѣливались никуда отлучаться изъ своихъ грязныхъ жилищъ, гдѣ вмѣстѣ съ ними страдали такіе же черноголовые, забитые, озвѣрѣлые „сыны Поднебесья“. Отдыхомъ и утѣшеніемъ для нихъ былъ исключительно трудъ, всепоглощающій, напряженный трудъ... Только во время работы они сознавали себя людьми, и затихала немного гложущая ихъ тоска... И труда этого имъ не жалѣли“. Въ концѣ концовъ европейцы ихъ потопили на пароходѣ въ виду родныхъ береговъ. Описанный случай—фактъ.

Чужой „законъ“ суровъ для дикаря. Якуту Хабджію навязали ссыльнаго, бывшаго каторжника—наглаго и грубаго звѣря. Своими приставаніями къ молодой женѣ якута, постоянными требованіями лучшей пищи и отказами отъ работы онъ измучилъ Хабджія, разорилъ его. Когда каторжникъ изнасиловалъ молодую Керемесъ въ присутствіи мужа и еще избилъ его, — терпѣніе его лопнуло, и онъ пошелъ жаловаться старшинѣ. Старшины не было дома. Якутъ разсказалъ про свое несчастье матери, женѣ и сестрамъ старшины, показалъ имъ синяки и ссадины. Женщины посмотрѣли другъ на друга и поняли все. Онѣ проклинали „хайлака“ и выражали сочувствіе, кивая головами и восклицая:

— Всѣ такіе, эти пришельцы съ юга! И на кой чортъ ихъ сюда присылаютъ. За что насъ наказываютъ? За что? За какіе грѣхи? Пусть бы ужъ сидѣли тамъ, гдѣ разбойничали!

— Законъ! Такой ужъ законъ!—грустно промолвила старая, чуть не столѣтняя ихъ мать,—законъ!

„И онѣ замолкли, объятыя мистическимъ ужасомъ передъ этимъ таинственнымъ существомъ, имѣющимъ видъ печатной бумаги, а такимъ живымъ и могущественнымъ, что можетъ доставить людямъ безчисленныя страданія. Онѣ знали, что достаточно было одного этого слова, чтобы ихъ мужья опускали съ трепетомъ головы... Кто знаетъ, что тамъ напечатано въ этихъ книгахъ? Можетъ быть, такъ и должно быть?..“

Отвѣта не будетъ, да онъ и не нуженъ—такъ же не нуженъ, какъ и отвѣтъ на вопросъ того же Хабджія, когда онъ хотѣлъ подружиться съ каторжникомъ.

— Какіе это у васъ на югѣ люди всѣ бѣлые, рослые, полные и красивые...—замѣтилъ якутъ, съ удивленіемъ всматриваясь въ здоровенную фигуру хайлака.—Не то, что мы! А почему это такъ? Почему у васъ растетъ хлѣбъ, а у насъ нѣтъ? Почему вы—господа, а мы—якуты?

Очевидно, и на это есть свой „законъ“, не менѣе жестокій и безчеловѣчный законъ неравенства людей.

На третьемъ мѣстѣ среди „даровъ европеизма“ стоитъ культура—безъ промаха бьющія орудія, губящій милліоны населенія опій, роскошь въ обыденной жизни, шатаніе крѣпкихъ добрыхъ нравовъ, бухгалтерія съ ея умѣніемъ эксплоатировать на законномъ основаніи и т. д. Всего не перечислить. Съ внѣшней стороны всякая культура привлекательна и жертвой ея сдѣлалась молодая китаянка Ліенъ, дочь Ми, который давалъ уроки китайскаго языка одному русскому, служившему въ чайной фирмѣ въ Хань-Коу. Ліенъ съ братомъ Маджи стали шутя учиться по русски, узнали, что есть другая жизнь, и желтолицая ученица полюбила русскаго, полюбила чистой и тихой привязанностью дикарки. Когда пришло время разставаться, онъ отнесся къ разлукѣ спокойно, не пожелалъ остаться.

— Я, Ліенъ, чужестранецъ... Я не могу... Ради тебя я не могу.

— Я знаю. Да хранятъ тебя боги всего міра. Ты точно лучъ солнца прошелъ сквозь жизнь мою и будешь жить вѣчно въ воспоминаніяхъ моихъ подобно поясу радуги... Развѣ могу я сердиться на тебя за твое добро?... Виноватъ ли ты, что не обидѣлъ меня, ничтожную рабыню?... Мы были бѣдны и голодны и черезъ тебя только стали богаты и сыты...

— Да, но отецъ твой исчезъ вслѣдствіе нашихъ дѣлъ... Мать твоя куритъ опій тоже черезъ насъ, европейцевъ,—подумалъ онъ.

— Мы были злы и темны... были горды... жили, думая только о ѣдѣ и платьѣ... Ты первый сказалъ дѣвушкѣ, дочери Серединной земли, что она—человѣкъ, равный другимъ.

Это „познаніе человѣческаго достоинства“ стоило китаянкѣ очень дорого: она отравилась. Когда „христіанинъ“ пришелъ на другой день къ Ліенъ, она была мертва.

— Ты убилъ моего отца!—кричалъ ему Маджи.—Всѣ такъ говорятъ въ школѣ... Ты, вѣрно, убилъ и Ліенъ... А теперь хочешь убить меня!... нѣтъ, нѣтъ, не трогай меня... Я знаю, вамъ, заморскимъ чертямъ, нужны человѣческіе глаза для вашихъ волшебствъ... Но ты не трогай меня: возьми лучше глаза моей матери, которая все равно не шевелится... („Jang-Chun-Cdzy“).

Четвертое, что принесли европейцы къ дикарямъ,—ученіе Христа. И это пріобрѣтеніе культуры въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тяжелѣе первыхъ трехъ, потому что миссіонеры принесли съ собой не миръ, а мечъ, и напрасно обманываютъ „язычниковъ“ одними словами, словами льстивыми и гнилыми. Вотъ рѣчь ученаго китайца въ сборномъ домѣ („Боксеръ“). Охарактеризовавъ европейцевъ - промышленниковъ, путникъ началъ разсказывать о заморскихъ миссіонерахъ, поучающихъ громогласно о любви, мирѣ и прощеніи,—и благословляющихъ солдатъ, которые отправляются проливать кровь...

— Эти хуже остальныхъ!—говорилъ онъ.—Уста ихъ полны меда, а сердца яду! Они лѣзутъ къ намъ, хотя мы говоримъ, что не хотимъ ихъ... Чего имъ нужно? Они утверждаютъ нагло, что ради насъ же самихъ хлопочутъ, что намъ же будетъ лучше, если исчезнемъ или измѣнимся по ихъ образцу, если перестанемъ быть собою, а станемъ похожи на нихъ. Они желаютъ, чтобы все созданное съ большимъ трудомъ и заботами нашими предками, провалилось, разсыпалось въ прахъ, заросло крапивою и колючкой... Чтобы вездѣ поднялись высоко ихъ противныя, каменныя башне-подобныя зданія, гдѣ живутъ люди, точно голуби въ голубятняхъ... Чтобы наши маленькія фанзы, съ садами и цвѣтами кругомъ, превратились въ скучныя, кирпичныя казармы... Чтобы мы отцовъ и матерей нашихъ не хоронили больше вблизи жилищъ нашихъ, но зарывали ихъ сообща вмѣстѣ, по нѣсколько человѣкъ въ одной могилѣ, какъ уважающій себя человѣкъ не отважится похоронить даже любимой собаки... Они желаютъ, чтобы сыновья Неба ушли съ нашенъ, воздѣланныхъ

въ потѣ лица, а мѣста ихъ чтобы заняли они— бѣлые варвары. Этого желаютъ они, къ этому они стремятся. Но этому никогда не бывать!

VI.

Это вѣрно: миссіонеры—соглядатаи, въ лучшемъ случаѣ— авангардъ настоящаго войска съ штыками и пулеметами или купцовъ-промышленниковъ съ рабствомъ труда... Молодые и сильные братья Шанги изъ страны „Желтой Глины“ покинули бѣдную деревушку, въ которой начинался голодъ, и пошли къ морю черезъ всю „Страну цвѣтовъ“, но нигдѣ не находили работы. Этимъ начинается разсказъ „Кули“. Всюду были „свои“,— и братья удивлялись тому, что нигдѣ не хотятъ принимать „сыновей Неба“, хотя бы и чужихъ. Шанги шли долго, издержали всѣ деньги, прошли не одну густо населенную и роскошно воздѣланную долину, посѣтили не одинъ многолюдный городъ, бродили по селамъ и отдѣльнымъ фанзамъ въ поискахъ работъ. И вездѣ отказывали имъ, вездѣ они чувствовали себя лишними среди занятой, озабоченной толпы. Какъ только заговаривали они о работѣ, лица людей каменѣли, взгляды ихъ дѣлались враждебны, точно просящіе совершили преступленіе. Мало по малу они привыкали довольствоваться ежедневно горстью риса; затѣмъ ѣли только черезъ день, наконецъ, стали голодать. Мало по мало они утеряли остатки стыда, дрались изъ-за костей съ собаками, продали платье и голые, исхудалые, ложились у дороги на ужасномъ припекѣ, чтобы вымолить вѣрнѣе подаяніе. Мимо нихъ неустанно двигалась бойкая, говорящая толпа, но рѣдкій бросалъ имъ кусокъ съѣстного,—и никто никогда не давалъ имъ денегъ. Впрочемъ, имъ нигдѣ не приходилось долго засиживаться. Лишь только ихъ замѣчали такіе же, какъ они, оборванцы, сейчасъ же прогоняли ихъ прочь.

— Здѣсь наши мѣста!... Мы здѣсь раньше васъ... Вы кто такіе? Вы не нашего союза!...—кричали имъ разсвирѣпѣвшіе кощеи, размахивая передъ ихъ лицами тонкими, какъ плети руками.

„Такъ они брели, голодные, озвѣрѣвшіе, среди роскошныхъ полей и цвѣтущихъ садовъ, миновали обширныя деревни, богатые города и изящныя одинокія усадьбы. Населеніе становилось все гуще, воздухъ теплѣе, цвѣты ярче и ароматнѣе, небеса тем-

нѣе и выше. Наконецъ, братья увидѣли на краю земли такую же синюю, какъ небо, пропасть и поняли, что они у цѣли своихъ скитаній—у моря. Но и въ большомъ городѣ вся работа была въ рукахъ „другихъ“. Имъ даже подаянія здѣсь подавали меньше и не будь здѣсь такого обилія всякихъ отбросовъ, они навѣрно умерли бы съ голоду. Равнодушіе ближнихъ казалось имъ теперь самой обыденной вещью и возмущала ихъ только ненужная жестокость сытыхъ, воспрещавшихъ имъ подбирать даже объѣдки...

— Уходите, уходите... убирайтесь!... Послѣ васъ ни птицѣ, ни собакѣ не останется ни крошки! А то своруете что-нибудь!— кричали лавочники и сторожа при ихъ появленіи.

Никто не вѣрилъ имъ, что они „бѣдные, честные крестьяне“, а не убійцы, бѣжавшіе отъ правосудія. Ихъ называли лѣнтяями, боящимися работы, и посовѣтывали идти къ христіанамъ: „они такихъ любятъ“. Братья были голодны, а потому на все готовы— и пошли къ „Я-Су“ (по китайски—„Іисусъ“). Въ саду у краснаго зданія подстригалъ и подвязывалъ цвѣты миссіонеръ, одѣтый въ китайское платье, но съ лицомъ „варвара“.

— Мы давно не ѣли... Ходимъ безъ работы три мѣсяца,— сказали разомъ оба брата.

— Много васъ такихъ шляется... На всѣхъ не напасешься... Идите на кухню, авось осталось тамъ что нибудь...—проворчалъ варваръ, не отрываясь отъ работы.

Нищіе не шевелились.

— Чего еще! Идите на кухню!...—сказалъ я...

— Мы три мѣсяца ищемъ работы... Мы готовы изъ-за нея даже креститься и съѣсть, что прикажете...

— Только... не особенно большой кусокъ. Много я не смогу...— добросовѣстно пояснилъ одинъ изъ братьевъ.

— Что такое?

— Да все, что угодно: печенку, сердце, глаза...

Миссіонеръ вскочилъ на ноги.

— Ахъ вы, мерзавцы! Убирайтесь вонъ отсюда! Я знаю, кто васъ послалъ... Пришли насмѣхаться?... Проклятые еретики, дѣти дьявола!... Сознайтесь, что васъ подослали!...—вскричалъ онъ въ изступленіи. Что же ты ихъ сюда пустилъ? Вѣдь ихъ подослали католики!... Откуда они пришли?! Навѣрно католики!... Развѣ не видишь?! Куда дѣлъ глаза?!—обратился онъ съ руганью и укорами къ привратнику.

Христіанская церковь лишилась двухъ новыхъ ея адептовъ. Но это не бѣда: миссіонеры слишкомъ ловки, чтобы упустить

нѣсколькихъ новыхъ христіанъ, въ особенности—когда „дикари“ измучены голодомъ, невѣжественны, довѣрчивы. Припомнимъ одинъ эпизодъ въ разсказѣ „Чукчи“.

VII.

Когда русскіе ссыльные подружились съ знатнымъ чукчей и рѣшили бѣжать изъ ссылки,—они сначала посѣтили Отоваку въ его подгородномъ кочевьѣ. Богатый чукча былъ радъ „братьямъ“—бѣлолицымъ и посадилъ ихъ за столомъ даже выше русскаго миссіонера. Но они не воспользовались почетомъ и скромно сѣли по лѣвую руку отца Пантелѣя, чѣмъ навѣки пріобрѣли его благосклонность. Онъ тутъ же сказалъ имъ комплиментъ о „покорномъ теляти, что двѣ матки сосетъ“, и скромной добродѣтели, раскрывающей небеса.

— Уговариваемъ Отоваку, чтобы со всѣмъ народомъ позналъ благодать Божью! — сообщилъ онъ конфиденціально друзьямъ.

— Все-таки было бы тебѣ, старикъ, лучше кочевать на западной тундрѣ, на нашей сторонѣ...—ласково говорилъ священникъ.—Здѣсь и моръ не губитъ оленей, какъ у васъ, гдѣ народу много и... безопаснѣе... Всѣ въ Бога вѣруемъ, царя знаемъ!...

Чукча молчалъ.

— Что же онъ: соглашается?—спрашивали ссыльные.

— Не то, что отказывается, а говоритъ, что подумаетъ... Оно понятно: свѣтъ истины сначала ослѣпительно поражаетъ взоръ язычника, пока не наступитъ время... Будемъ ждать!

Передъ отъѣздомъ богачъ подарилъ каждому гостю по дорогой шкуркѣ пестрой лисицы и сердечно приглашалъ навѣстить его надъ моремъ въ кочевьяхъ, гдѣ онъ сможетъ принять ихъ лучше, достойнѣе и почетнѣе...

— Тамъ мое мѣсто, моя родина... Тамъ я господинъ...

— А что, отецъ Пантелѣй, и въ правду, не поѣхать ли намъ?—спросилъ миссіонера одинъ изъ ссыльныхъ на обратномъ пути.

Отецъ Пантелѣй былъ въ великолѣпномъ настроеніи: видимо, его отличали, какъ подобаетъ духовному лицу.

— И то правда... не поѣхать ли? Столько душъ... Только бы не надулъ хитрый, и крестился... столько душъ!... Весь родъ...

Да и примѣръ такой многихъ увлечетъ... Шутка сказать: старикъ Отовака!

— Навѣрное согласится... Ради гостепріимства крестится. Вѣдь они, говорятъ, гостямъ ни въ чемъ не отказываютъ... Повеземъ ему подарки... Тутъ другое, тамъ другое...

— И то правда!... Благодать Божья имманентна душѣ малѣйшаго червяка... Только труденъ путь къ ихъ пониманію: часто нужно кружить долго во тьмѣ и пробовать много путей, пока выведешь человѣка на широкую дорогу добродѣтели... Приходится быть не разъ лукаву, яко змій...

Долго и подробно распространялся отецъ Пантелѣй объ искусствѣ „уловленія человѣческихъ душъ“. Въ чемъ состоитъ это искусство,—русскіе читатели хорошо знаютъ по двумъ великолѣпнымъ разсказамъ Лѣскова „На краю свѣта“ и „Владычный судъ“, по „Сну Макара“ Короленка и др. Касается этого вопроса и Сѣрошевскій.

— Не Керемесъ, а Евменія!—вспомнила возившаяся около огня хозяйка—героиня разсказа „Chaiłach“.—Такъ поправилъ ее попъ, когда передъ свадьбой она сказала ему свое имя, которымъ ее называли мать, сосѣди, женихъ... Евменія!... Евменія!... Керемесъ!... Керемесъ значитъ сиводушка, звѣрекъ, мѣхъ котораго очень дорогъ. Мѣхъ этотъ такъ мягокъ и шелковистъ, какъ ея косы, за которыя ее, должно быть, такъ прозвали: онѣ гуще и длиннѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у якутъ. „Керемесъ“ казалось ей гораздо красивѣе, чѣмъ „Евменія“. Она понимаетъ это имя. Она знаетъ, какъ радуется Хабджій, когда принесетъ изъ тайги такую лисицу, а мѣхоторговцы хвалятъ его за это и угощаютъ чаемъ. А Евменія!... Что же это значитъ? Говорятъ, что она „дикарка“, потому что не помнитъ своего имени. На что же оно ей? Его обязаны знать попъ и волостной писарь, которымъ вѣдь за это платятъ якуты жалованье. Да, она дикарка и неученая! А развѣ, не смотря на это, ее всѣ не любятъ, развѣ ее не ласкала мать, не любилъ отецъ, развѣ Хабджій сказалъ ей когда-нибудь хоть одно дурное слово?...

А почему,—спросимъ мы,—погибла семья „албазинца“ („новокрещеннаго“ китайца) Ми? Почему самого Ми китайцы убили? Почему дочь его Ліенъ полюбившая христіанина, „брата о Христѣ“, отравилась? Почему остальныхъ членовъ семьи ждетъ такая же участь („Jan-chun-czy“)?—Опять не надо отвѣчать: всякому ясно, что вносятъ въ жизнь дикарей европейцы—„потомки гуся и обезьяны“.

И при всемъ томъ Сѣрошевскаго нельзя назвать пессими-

стомъ. Вѣря въ конечное торжество „человѣка“,—онъ не позволяетъ погибнуть ни одному изъ симпатичныхъ для него героевъ, въ какія положенія они ни попадали бы. Даже самая природа Сибири не рисуется у него съ тѣми ужасами, которые такъ умѣстны въ этой „молчаливой блѣдно-мраморной усыпальницѣ“, въ этой „проклятой пустынѣ“,—потому что самые суровые пейзажи озарены присутствіемъ человѣка съ его глубокимъ и чуткимъ альтруизмомъ. Поэтому въ своемъ любовномъ отношеніи къ природѣ и ея ближайшимъ дѣтямъ—дикарямъ Сѣрошевскій является такъ сказать пантеистомъ. Поэтому онъ такъ вооружается противъ европейцевъ, которые вносятъ въ простую жизнь природы все то, что нарушаетъ вѣковѣчные законы ея гармоніи.

Въ его этнографическихъ новеллахъ инородцы не являются, какъ въ большинствѣ экзотическихъ разсказовъ, „зоологическими экземплярами“, правда, интересными, но все-таки чѣмъ то отличнымъ отъ европейцевъ. Нѣтъ, дикари представляются Сѣрошевскому только частью того необъятнаго „человѣчества“, вѣра въ которое служитъ источникомъ удивительнаго спокойствія писателя, стимуломъ примиренія и мощной бодрости. Вотъ почему Сѣрошевскій скорѣе оптимистъ или, по крайней мѣрѣ, идеалистъ,—не смотря на то, что всю жизнь имѣетъ дѣло съ „отверженными“.

А. И. Яцимирскій.

Полабскіе славяне.

Очерки Э. Ю. Муки.

II.

Мы сказали, что для исторіи полабскаго языка особенно важна марка Дравенъ. О ея мѣстоположеніи и протяженіи, равно какъ и о значеніи ея имени писали уже Гильдебрандъ (см. Slavisches Archiv, 1900, 113) и Хр. Геннигъ (см. Görlitzer Handschr. Einl. гл. 3-я). Трактатъ Хр. Геннига уже не разъ печатался по разнымъ его рукописямъ — или въ извлеченіи [Hamb. verm. Bibl. 1745, стр. 556—566; Hamb. Gel. Anzeigen 1751, стр. 612 и слѣд.; Hennings, Das Hannov. Wendland, 1862, стр. 5 и слѣд.; Tetzner, Die Drawehner, Globus 1902, стр. 252 и слѣд.; Tetzner-Ingler, Zur Geschichte des polab. Wörterb., Braunschweig. Iahrb. 1902, стр. 8 и слѣд.] или цѣликомъ, именно по Герлицкой рукописи [Tetzner, Christian Hennig, Zeitschr. d. Ver. f. Niedersachsen 1902, стр. 182 и слѣд.]. Согласно этимъ даннымъ Дравенъ [Drawáina, т. е. Дровяна?] уже во времена Геннига дѣлилась, какъ дѣлится и нынче, на „Верхнюю“ и „Нижнюю“. Она обнимаетъ, какъ сказано, уѣздъ Люховскій на западъ отъ рѣки Етцеля до Роше на рѣкѣ Вепровѣ (названіе этой рѣки происходитъ отъ слова вепрь = кабанъ; по-нѣм. Wipperau) въ уѣздѣ Юльценскомъ (Ольшина) за исключеніемъ 1) соприкасающагося на югѣ съ Альтмаркой прихода Бюлитца (Бѣлица), который составлялъ марку Хейнъ (= Хыйка, т. е. Хвойка) и 2) расположенной въ юго-западномъ углу округа Бергенъ-Шнега (иначе Schweinemark, т. е. Свиной марки). Границей между Верхней и Нижней Дровянами обыкновенно считаютъ столбовую дорогу, ведущую отъ Люхова на западъ черезъ Кюстенъ (Хыстно) и Кіфенъ (Kiево) и Ваддевейцъ (Вадовици) въ Царентинъ (Царентинъ, Cârętin) и Роше (Рашево). На югъ отъ этой дороги и на сѣверъ отъ той дороги, которая ведетъ отъ Вустро (Вустровъ,

Wóstrow) черезъ Кѣленъ (Колно) въ Кленце (Клонско), т. е. между обѣими дорогами, равно какъ и между Етцелемъ (Язела) на востокѣ и Випперау (Вепрова) на западѣ лежитъ Верхняя Дровяна, къ которой по природѣ вполнѣ подходитъ это названіе; это по большей части и до настоящаго времени еще земля, покрытая чернолѣсьемъ. Здѣсь, въ особенности по обѣ стороны келенскаго мельничьяго ручья, мѣстность со своими многочисленными луговыми канавами представляетъ такой ландшафтъ, который во многомъ похожъ на „Шпреевальдъ“ между Папитцемъ, Вербеномъ, Мюшеномъ, Бургомъ и Смогро въ Нижнихъ Лужицахъ, а мѣстами даже отличается болѣе роскошной растительностью, какъ въ отношеніи лѣсовъ, такъ и въ отношеніи луговъ и полей. Я былъ совершенно пораженъ сходствомъ ландшафта, къ этому присоединялся еще вполнѣ сходный типъ жителей; я вдругъ почувствовалъ себя возвращеннымъ на родину, и не разъ у меня являлось желаніе обратиться къ жителямъ по-вендски; однако, здѣсь славянскіе звуки погибли уже на вѣки! Главныя породы деревьевъ въ Дровянѣ, какъ и въ Шпреевальдѣ—дубы, вязы, ясени, ольхи, вербы, березы, нерѣдко въ самыхъ прекрасныхъ экземплярахъ. Буки же встрѣчаются рѣдко, какъ и фруктовыя деревья, за исключеніемъ впрочемъ вишенъ и сливъ. Здѣсь, въ этой прелестной мѣстности, въ люнебургско-вендскомъ Шпреевальдѣ сохранился славянскій языкъ полабъ, согласно всѣмъ письменнымъ и устнымъ преданіямъ дольше всего, но навсегда исчезъ и здѣсь между 1750—1760 г.г., т. е. приблизительно 150 лѣтъ тому назадъ. Центромъ этого послѣдняго полабскаго округа, такъ сказать люнебургско-вендскими Дельфами, является расположенная на пригоркѣ деревня Швипке (Свепутъ, Свепетъ; по письм. памятн. Швепутъ или Швипеде, теперь въ устахъ простонародья Швибки), и потому не безъ причины можно во всей люнебургско-вендской странѣ слышать поговорку: Schwiebki liggt midden in de Welt, т. е. Швипке лежитъ въ центрѣ вселенной [Свепутъ—пупъ земной]. Вокругъ Свепута расположены кругомъ 10—12 деревень, видимыхъ съ вершины Швипке, и въ этихъ деревняхъ, какъ доказано, дольше всего сохранился вендскій языкъ (именно, до 1750 г.). Дѣло въ томъ, что на сѣверъ отъ Швипке лежитъ деревня Зютенъ (Житинъ), родина ученаго люнебургско-вендскаго крестьянина и хрониста Іоанна Парумъ-Шульце († 1740 г.), на югъ отъ нея Кремлинъ (Кремлино), гдѣ по достовѣрному свидѣтельству Юглера жилъ и умеръ (въ 1798 г.) послѣдній люнебургскій славянинъ, домохозяинъ Варратцъ (Wårac), который, по крайней мѣрѣ, могъ еще

прочитать Отче нашъ по-вендски; но чтобы онъ дѣйствительно его понималъ, т. е. понималъ еще что-нибудь на полабско-вендскомъ языкѣ, въ этомъ Юглеръ съ полнымъ правомъ сомнѣвается. Далѣе у восточной периферіи этого поля зрѣнія со Швинке лежитъ деревня Кленно (Кленово), гдѣ жилъ старый крестьянинъ Яншика (по-нѣм. Janieschge), этотъ живой источникъ полабскаго лексикографа Христіана Геннига, священника въ Вустро. Яншика умеръ до 1705 г. На югъ отъ Швинке лежитъ деревня Цеце (Сѣче или Сѣце) съ церковью, выстроенной изъ булыжника у келенскаго мельничьяго ручья. Объ этой деревнѣ разсказывалъ мнѣ одинъ старый крестьянинъ того прихода, что она вмѣстѣ съ 20 деревнями, ее окружающими, составляла настоящую вендскую страну; нынѣ же Цеце со своей старинной „метрополіей“ унижена и превращена въ отдѣлъ младшаго расположеннаго въ Хейнѣ прихода Бюлитца (Бѣлицы). А между Цеце и Швинке лежитъ деревня Пюггенъ (Пукно); тамъ на межѣ по направленію къ Швинке крестьянинъ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ по преданію стоялъ послѣдній вендскій замокъ; эта мѣстность называется до сихъ поръ еще Замковой площадью или Замковой горой; она до 1866 г. была еще окружена земляным валомъ и дубовой рощей, также какъ и многочисленныя люнебургско-вендскія деревни: тамъ, говорятъ, жилъ послѣдній свободный вендскій рыцарь (именно, рыцарь-разбойникъ!) и палъ въ борьбѣ съ вторгающимися нѣмцами; замокъ его былъ послѣ этого разрушенъ, и камни изъ него были употреблены на постройку тупой башни уѣзднаго города Люхова (слѣдуетъ замѣтить, что въ нижней Германіи камни встрѣчаются рѣдко; на томъ же мѣстѣ еще въ новѣйшее время находили оружіе, мечи, кинжалы и т. д. Изъ отчета оберсуперинтендента целльскаго О. Гильдебранда и изъ критики на него вустровскаго пастора Геннига (1705 г.) ясно вытекаетъ, что уже во времена Гильдебранда полабскій языкъ употреблялся почти только въ этомъ „Верхнемъ Дравенпафтѣ“ Именно Геннигъ пишетъ въ § 4 своего трактата слѣдующее: „Гильдебрандъ обозначаетъ именемъ Drawen едва пятую или шестую часть той области, въ которой живутъ венды, и отсюда ясно видно, что ему дали не слишкомъ точныя свѣдѣнія объ этомъ; развѣ только подъ этимъ именемъ хотѣли подразумѣвать тѣхъ вендовъ, у которыхъ вендскій языкъ употребляется больше всего, да и то, разумѣется, лишь стариками, потому что молодые на немъ уже не говорятъ, отчего онъ вскорѣ и вымретъ“. Т. е. начиная съ Гильдебранда, а именно съ 1671 г. по 1750 г., мы имѣемъ совершенно опредѣленныя и совершенно достовѣрныя

свѣдѣнія о положеніи и о вымираніи полабско-вендскаго языка отъ уже упомянутаго Гильдебранда, Миттофа, Эккарда, Геннига, Парумъ-Шульце и Кейсслера. Они были цѣликомъ подтверждены Іоанномъ Генрихомъ Юглеромъ, однимъ изъ точнѣйшихъ и заслуживающихъ наибольшаго довѣрія знатоковъ люнебургско-вендской страны, начала XIX в., и не были опровергнуты другими позднѣйшими противоположными свѣдѣніями, какъ я въ этомъ убѣдился при своихъ точныхъ разслѣдованіяхъ.

Если Гильдебрандъ въ своемъ отчетѣ о ревизіи 1672 г. и не приводитъ ни полабскихъ предложеній, ни полабскихъ словъ (за исключеніемъ названія нивы Груммоде [полаб. грымода[1]) = община, здѣсь имѣетъ спеціальное значеніе общинная вырубка лѣса] въ Бюлитцѣ [Бѣлицы] и единственнаго слова Pegniż = пол. pêniz или pênęz[2]) [т. е. деньги, денежное пожертвованіе, въ спеціальномъ значеніи пожертвованіе пивомъ, состоящее изъ 8—9 бочекъ пива, посредствомъ котораго новый домохозяинъ или новая домохозяйка, путемъ брака перешедшіе изъ чужой деревни, должны купить себѣ право гражданства въ новой родной деревнѣ]), и именно потому, что онъ не понимаетъ по-вендски, то онъ все-таки сообщаетъ объ употребленіи полабскаго языка деревенскими жителями въ разныхъ мѣстахъ своего отчета и притомъ изъ разныхъ мѣстъ[3]): „Молодыя женщины поютъ по-вендски веселыя пѣсни, когда привозятъ изъ лѣсу вѣтвистое дерево (Meja pola łużiskich Serbow, kotruż sebi tam žónske posta-

[1]) Ср. русск. громада. Примѣчаніе редактора.

[2]) Др. ц.-слав. пѣнязь. Примѣч. редакт.

[3]) Въ его отчетѣ (ср. перепечатку въ Slav. Archiv 1900, стр. 113—126) поименно названо лишь 15 приходовъ и притомъ по одному разу: 1) изъ округа Люховскаго (8): Бергенъ (Göra, т. е. по-русски Гора), Кюстенъ (Хыстно), Люхо (Луховъ), Ребенсторфъ, Шнега, Требель, Вольтерсдорфъ, Вустро (Wóstrow, т. е. по русски Островъ); 2) изъ Даннебергскаго округа (Swaideli gord): Гюльденъ (Güladna, т. е. по русски Голодная?) и Рибрау (Риброва) на юго западѣ этого округа и 3) изъ Юльценскаго округа (Ольшины): Роше (Рашево) и далѣе только изъ Люховскаго округа: a) трижды Круммазель (Krų pe Jasele; b) по 4 раза: Кленце (Клонско) и Предёлъ (Прдѣлъ) и c) 11 разъ Бюлитцъ (Бѣлица); такимъ образомъ Гильдебрандъ получилъ большинство своихъ свѣдѣній о люнебургскихъ вендахъ, если не всѣ, отъ пастора Велинга въ Бюлитцѣ; этимъ объясняется также нехорошій, недоброжелательный тонъ и предвзятый взглядъ на люнебургскихъ вендовъ, нашедшіе выраженіе въ отчетѣ духовнаго архипастыря. Каспаръ Велингъ жилъ, какъ мы объ этомъ скажемъ ниже, въ вѣчной, серьезной враждѣ со своимъ приходомъ и, выражаясь мягко, во всякомъ случаѣ не былъ безпристрастнымъ судьею или свидѣтелемъ.

jachu). Въ Ребенсдорфѣ на востокѣ отъ Вустрова и въ его окрестностяхъ послѣ воздвиженія креста Kreuzbaumes (Mejа Limborčanow, kotruž sebi mužscy postajacha) на деревенской площади ставятъ весь скотъ деревни вокругъ дерева, деревенскій староста со свѣчой (именно восковой) и ковшомъ пива ходитъ вокругъ скота, окропляетъ его пивомъ и благословляетъ его „вендскими словами“. Въ Предѣлѣ (Предѣлѣ), главномъ селеніи Лемгова (Жупа Линья) деревенскій староста съ большой восковой свѣчой въ рукѣ гонитъ скотъ вокругъ креста и говоритъ при этомъ нѣсколько вендскихъ словъ. Изъ числа участниковъ при воздвиженіи креста нѣкоторые уже не были настоящими вендами; это доказываетъ, что въ то время въ Лемговѣ германизація уже сильно распространилась. Дерево, предназначенное для креста, обрубаетъ старый плотникъ, который еще принадлежитъ къ доброй вендской породѣ, четырехгранной формы со странными церемоніями. Въ Кленце (Клонско) и еще другихъ мѣстахъ при въѣздѣ невѣсты поютъ „много вендскихъ пѣсенъ“. Въ приходѣ Вольтерсдорфѣ на юго-востокъ отъ Люхова при похоронахъ обѣ оффиціальныя плакальщицы сидятъ по обѣ стороны гроба, завернутыя въ бѣлое полотно (плахту), на колесницѣ во время ѣзды до кладбища и „причитаютъ, воютъ и кричатъ по вендски“.

Г. Фридрихъ Митгофъ, амтманъ въ Люховѣ (1679—1691), сообщаетъ въ 1691 г. въ своемъ посланіи „Epistola“ къ философу Лейбницу въ Ганноверѣ (Leibnitiicollect. etym. II, 335 стр.), „что въ его время вендскій языкъ начинаетъ сильно сокращаться, такъ что онъ только послѣ долгаго исканія нашелъ человѣка, который могъ ему сказать Отче нашъ по-вендски“, а это Отче нашъ къ тому же пропитано нѣмецкими словами.

Эккардъ, помощникъ Лейбница, сообщаетъ далѣе въ 1711 г. въ своей Historia stud. etym., стр. 268 и слѣд., что надъ полабами смѣются изъ-за ихъ языка, и что только въ княженіе курфюрста Георга Людвига ганноверскаго (1698—1714), которому вендская страна досталась по наслѣдству, и который былъ въ то же время королемъ англійскимъ (1714—1727), культивировали ихъ языкъ. Это замѣчаніе касается, конечно, только стремленій Лейбница, Митгофа, Геннига и Пфеффингера.

Во вниманіе къ этимъ стремленіямъ Кейслеръ въ 1730 г, въ своихъ „Путешествіяхъ“ II, стр. 1376 и слѣд. (напечатанныхъ въ Ганноверѣ въ 1741 г.) сообщаетъ слѣдующее: дравены (Drawêñe [т. е. Дровяне], т. е. одни только жители Дровяны, а не всѣ люнебургскіе венды), считали себя лучшими людьми, нежели

нѣмцевъ и сохранили свой языкъ, пока наконецъ, приблизительно 50 лѣтъ тому назадъ (т. е. около 1680 г.) обергауптманъ Шеккъ въ Винтерштадтѣ Данненбергскаго округа, не запретилъ его подъ страхомъ суровыхъ наказаній, послѣ чего онъ былъ забытъ. Наконецъ, усмотрѣли честь въ томъ, чтобы господствовать надъ народами, говорящими на разныхъ языкахъ, и приказали опять говорить по-вендски (т. е. приказалъ курфюрстъ и король Георгъ Людвигъ). Однако вендскаго языка не удалось болѣе оживить, потому что только весьма немногіе жители достаточно знали этотъ языкъ.

А теперь приведемъ какъ главныя свидѣтельства сообщенія трехъ главныхъ знатоковъ люнебургско-вендскаго языка и главныхъ изслѣдователей люнебургско-вендской страны, Хр. Геннига, Парумъ Шульце и Г. Юглера, которые изучили вендскую страну самымъ точнымъ образомъ и во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ всѣ корреспонденты до и послѣ нихъ, почему ихъ показанія нельзя подвергать сомнѣнію.

1) Христіанъ Геннигъ, пасторъ въ Вустровѣ (1679—1719 г.), который по собственнымъ словамъ въ введеніи къ „Teutsch-wendisches Wörterbuch“ (ср. Gösl. Handschr. стр. 119: „какъ только по чудесному промыслу Всевышняго получилъ повышеніе и сдѣлался священникомъ въ этомъ мѣстѣ, то старался раздобыть памятники этого языка“)—съ самаго начала своей духовной дѣятельности въ люнебургско-вендской землѣ сосредоточилъ свой интересъ на языкѣ и обычаяхъ люнебургскихъ вендовъ, пишетъ въ 1705 г. во введеніи къ только что упомянутому нѣмецко-вендскому словарю (Gösl. Handschr. стр. 117 и слѣд.): „Въ настоящее время здѣсь и въ окрестностяхъ только еще нѣсколько старикovъ говорятъ по-вендски, и врядъ ли смѣютъ дѣлать это передъ своими дѣтьми и другими молодыми людьми, такъ какъ ихъ въ такомъ случаѣ вышучиваютъ, потому что они, молодые люди, чувствуютъ такое отвращеніе къ своему родному языку, что не желаютъ его даже слышать, не говоря уже о томъ, что не желаютъ вовсе его изучать. Поэтому можно безошибочно предположить, что въ теченіе 20, болѣе всего 30 лѣтъ, когда перемрутъ старики, вымретъ и языкъ, и что тогда уже нельзя будетъ слышать венда говорящимъ на своемъ языкѣ, если бы даже за то давали много денегъ“.

2) Іоаннъ Парумъ-Шульце (1677—1740 г.) сообщаетъ въ своей „Хроникѣ“ стр. 131 и слѣд. (написана въ 1724—5 г.) изъ своей дровянской родины Зютена (Житина), что онъ въ этомъ году (1724 или 1725) желаетъ записать кое-что о вендскомъ

языкѣ. По его словамъ, на немъ очень трудно говорить и писать (разумѣется, потому что его не обучали ему, и онъ не имѣлъ готовыхъ образцовъ). Дѣдъ его, молъ, много говорилъ по-вендски, и отецъ его зналъ этотъ языкъ. Нѣкоторые же изъ стариковъ, родившихся отъ вендовъ, говорятъ на-половину по-вендски и на-половину по нѣмецки; что должно было быть сзади, то попадало впередъ, а самое переднее попадало назадъ (т. е. они говорили на языкѣ, который не былъ ни вендскимъ, ни нѣмецкимъ, но смѣсь обоихъ). Его сестра, моложе его на 5 лѣтъ, понимаетъ еще кое-что по-вендски, но его братъ, моложе его на 8 лѣтъ, уже ровно ничего по-вендски не понимаетъ. Ему, автору, 47 лѣтъ. Когда умретъ онъ и еще 3 лица въ его деревнѣ, то, должно быть, никто не будетъ точно знать, какъ будетъ по-вендски „собака“. Во время тридцатилѣтней войны тамъ говорили по-нѣмецки (т. е. нѣмецкій языкъ проникъ тогда въ Дровяну и началъ вытѣснять вендскій языкъ). Въ названіяхъ полей и луговъ въ Мекленбургѣ онъ не могъ замѣтить ничего вендскаго, поэтому вендскій народъ тамъ—по его мнѣнію—долженъ былъ быть совершенно истребленъ (это правильное сужденіе!). За то на его родинѣ (т. е. въ Дровянѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова или въ люнебургской вендской землѣ) до мѣстности Юльценской (Ольшины), Арендзее и Зальцведель (пол. Lôzdit или Lósdy) въ Альмаркѣ и Блеккеде на Эльбѣ поля (и луга и т. д.) до сего дня (1724 г.) называются вендскими именами“. Болѣе опредѣленнаго и болѣе точнаго свидѣтельства врядъ ли можно даже ожидать! Далѣе Парумъ-Шульце сообщаетъ еще въ томъ мѣстѣ своей „Хроники“, гдѣ онъ разсказываетъ о масляничныхъ (Fastnachtsfesten) празднествахъ, какъ они совершались въ 1640 г.: „Молодые парни, которые на масляной бѣгали по деревнямъ собирать колбасы и яйца, пѣли вендскія пѣсни и производили шумъ, какъ будто хотѣли все ниспровергнуть.“—Значитъ, тогда въ 1640 г. вендскій языкъ былъ еще въ полномъ употребленіи.

3) Наконецъ, Іоаннъ Генрихъ Юглеръ, земскій врачъ (Landphysikus) въ Люховѣ (1795—1809) пишетъ въ солидномъ введеніи къ своему (рукописному) „Vollständiges Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch“ 1809 слѣдующее: а) стр. XII: Языкъ люнебургскихъ вендовъ былъ, когда наконецъ начали заботиться объ немъ, смѣсью многихъ чисто-вендскихъ словъ и разныхъ нѣмецкихъ, въ особенности нижне-саксонскихъ словъ съ вендскими окончаніями и флексіями. Онъ теперь совершенно вымеръ, главнымъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ его въ концѣ XVII в. стали запре-

щать чиновники подъ страхомъ суровыхъ наказаній; в) стр. XV: Въ 1751 г. въ тамошней мѣстности (т. е. въ Дровянѣ) не находили ни одного человѣка, который могъ говорить по-вендски. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ жили въ нѣсколькихъ деревняхъ въ Дровянѣ нѣсколько стариковъ, которые еще знали кое-что изъ этого языка, но сообщали объ этомъ лишь послѣ долгихъ просьбъ (ср. Hann. gelehrte Anzeigen, 1751 г., стр. 613). Въ началѣ 1788 г. умеръ нѣкій домохозяинъ въ Кремликѣ по имени Варратцъ (Кремлино-Ворацъ), который по слухамъ могъ еще прочесть Отче нашъ по-вендски: но если это дѣйствительно такъ, то все-таки еще остается открытымъ вопросъ, дѣйствительно ли онъ его понималъ.

Согласно этому уже около 1750 г. языкъ полабъ въ Люнебургѣ совершенно вымеръ или былъ очень близокъ къ этому. Этотъ фактъ изрѣдка еще сохранился въ памяти старожиловъ-крестьянъ вендской земли.

Но какъ же возникли и какъ слѣдуетъ объяснять многочисленныя впослѣдствіи появившіяся и до настоящаго времени появляющіяся извѣстія о существованіи полабско-вендскаго языка въ народномъ обиходѣ большаго или меньшаго количества жителей вендской земли? Эти позднѣйшія свѣдѣнія будутъ мною здѣсь хронологически сопоставлены — поскольку они мнѣ стали извѣстны, и затѣмъ будутъ мною освѣщены. Нѣкто Пфеннигъ (ср. Tetzner, Slawen in Deutschland, стр. 347) говоритъ въ 1783 г. вообще: „Вендское нарѣчіе сохранилось только еще въ люнебургскихъ волостяхъ: Данненбургъ, Люхо и Вустро“. Аделунгъ, Mithridates II, 5, 688 стр. и слѣд. говоритъ въ 1809 г. также о томъ, что въ этихъ трехъ волостяхъ живутъ еще венды. Добровскій, Slowanka 1814 г. и 1815 г., въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ указаніе: вендскія слова, собранныя въ 1780 г. пасторомъ изъ устъ 10 стариковъ. Гассель, Erdbeschreibung (I, 4, 507 стр.), Weimar 1812 г., сообщаетъ слѣдующее: „Здѣсь (т. е. въ Вустровѣ) въ 1751 г. въ послѣдній разъ служили (въ церкви) на вендскомъ языкѣ“. Верзебе (см. Pypin-Pech, Sorbisch-wendisches Schrifttum, стр. 9) утверждаетъ въ 1826 г., что въ началѣ XIX в. въ люнебургской вендской странѣ отдѣльные крестьяне еще говорили по-вендски. Это самое утвержденіе повторяется и въ „Neues Vaterländisches Archiv“ Spiel und Spangenberg, Lüneburg 1832, I, 205 слѣд. и у Геннинга, Das Hannov. Wendland, Lüchow 1862, стр. 44. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Гильфердингъ, Die sprachlichen Denkmäler etc., Bautzen 1857 г., стр. 1, пишетъ: „Въ первую четверть этого (т. е. XIX в.) славянскій

языкъ окончательно вымеръ въ восточномъ углу королевства Ганноверскаго, а именно въ Люховскомъ уѣздѣ. Нѣсколько правильнѣе судитъ Яковъ Гриммъ въ письмѣ къ Копитару, Кассель 24. X. 1824 г. (ср. Hanusch, стр. 124) при отчетѣ о Юглеровомъ рукописномъ „Vollständiges Lüneb. — wend. Wörterbuch", заявляя, что „этотъ языкъ умеръ нѣсколько поколѣній тому назадъ".

Неизвѣстный, во всякомъ случаѣ лужицко-сербскій посѣтитель лѣтняго курорта (я подозрѣваю, что это былъ Horisław Mućink (Горпславъ Мучникъ) сообщаетъ въ 1854 г. въ „Schmalersche Jahrbücher für Slav. Litteratur, Kunst und Wissenschaft, годъ III, стр. 235 подъ заглавіемъ: „Die Slawen im Lüneburgschen" между прочимъ и слѣдующее: „Не хватало времени, чтобы мнѣ доѣхать еще до Люхова къ ганноверскимъ сербамъ (sic!!) [1]). Тѣмъ

[1]) И понынѣ еще въ Лужицахъ и, должно быть, въ другихъ мѣстахъ имѣются „научные" диллетанты, которые не смотря на неоднократное поученіе и исправленіе просто отождествляютъ нѣмецкое названіе „венды" съ сербскимъ этническимъ „Serbja" (сербы) и не хотятъ понять, что нѣмцы обозначали собирательнымъ „венды" совершенно различныя славянскія племена, съ которыми они граничили. Поэтому прежде всего слѣдуетъ дѣлать разницу между 3 группами вендовъ: 1) сѣверными вендами или лехитскими вендами, 2) средне-нѣмецкими вендами или сербо-вендами и 3) южными вендами или виндами или словенскими вендами. Сѣверные венды, которыхъ по-славянски лучше всего было бы называть lechitiscy Wendowje или baltisko-połabscy Wendowje, поселились между устьемъ Одера и устьемъ Эльбы южнѣе Балтійскаго моря и Эйдера въ Голштиніи приблизительно до линіи, идущей отъ Франкфурта на Одерѣ черезъ Берлинъ и Магдебургъ на Эльбѣ въ Брауншвейгъ на Оккерѣ (Окара); ихъ главныя племена лютичи или вильцы (Lutici abo Welici, Welesowje), руяне (Rujańe), оботриты (Bodrici), вагріи (Wagrowje) и люнебургско-альтмаркскіе венды или полабы (Połabowje). Однихъ только сербо-вендовъ можно по-славянски обозначать именемъ сербовъ (Serbowje, по-лужицки Serbja, Serbjo) или еще точнѣе sewjerni Serbowje (сѣверными сербами); они населяли область южнѣе линіи: Франкфуртъ на Одерѣ—Берлинъ—устье Заалы (южнѣе Магдебурга)—Нордгаузенъ—Мюльгаузенъ до Фульды и сѣвернѣе линіи: горы Изера отъ источника Квейссъ—горы Ешкенъ—горы Лужицкія—горы Рудныя—Фихтель—Богемскій и Баварскій лѣса—Регенъ-Дунай—Альтмюль вплоть до современнаго Вюртемберга (и даже заходя въ него). Они говорили на одномъ и томъ же славянскомъ языкѣ „сорбскомъ" и состояли изъ нѣсколькихъ племенъ; ихъ послѣдніе остатки это—сербы въ обѣихъ Лужицахъ. Южные венды или винды принадлежали или принадлежатъ къ южно-славянской группѣ племенъ, и лучше всего ихъ называть по-славянски южно-славянскими вендами и словенскими виндами (južnosłowjeńscy Wendowje abo słowińscy Windowje); они въ древнее время населяли область южнѣе Дуная отъ Прессбурга до Пассау и южнѣе Инна вплоть до Альпъ. Чешскія и польскія племена никогда не назывались нѣмцами именемъ вендовъ (Wendowje).

не менѣе я не остался совсѣмъ безъ извѣстія объ нихъ, потому что я получилъ опредѣленныя свѣдѣнія, что тамъ имѣется еще нѣсколько старпковъ, которые говорятъ по-сербски (sic!). Это подтвердилъ мнѣ г. Шульце изъ Беверштедта, который самъ по происхожденію сербъ (sic!) и родомъ изъ Люхова. Онъ написалъ мнѣ деревни—Цебелинъ, Ромасль (вмѣсто Крммазель), Брезеленцъ и Витфайцъ (вмѣсто Витфейтценъ) и сказалъ, что на тамошнихъ кладбищахъ имѣются надгробныя надписи по-вендски и имѣется даже метрическая книга на вендскомъ языкѣ. Точно также утверждаетъ и Эд. Ціэнъ во введеніи къ разсказамъ: „Wendische Weiden“, Frankfurt a. M. 1854 г., что 30—40 лѣтъ тому назадъ въ волостяхъ Люховской и Вустровской еще нѣсколько старпковъ говорили по-вендски. Д-ру Францу Тетцнеру (см. Slawenia Deutschland, стр. 347) могъ же около 1899 г. разсказать старый учитель, что въ Кюстенѣ (Хыстно) близъ Люхова и въ окрестностяхъ староста еще въ его время приглашалъ крестьянъ на сходы посредствомъ краткаго предложенія на доскѣ, написаннаго по-вендски.

И къ этому присоединяется въ концѣ концовъ отчетъ оффиціальной прусской статистики о результатахъ переписи 1890 г. которую обнародовалъ прусскій государственный статистикъ А. фонъ-Фиркъ въ 1893 г., и которую Альфонсъ Парчевскій преподнесъ славянскимъ языковѣдамъ и этнографамъ въ „Вислѣ“, и въ „Часописи Матицы Лужицкой“, а именно, что въ Люховскомъ уѣздѣ правительственнаго округа Люнебургскаго (Linogord) 270 мужчинъ и 235 женщинъ обозначили вендскій языкъ а вендскій и нѣмецкій языкъ обозначили 40 мужчинъ и 25 женщинъ (значитъ, всего 570 человѣкъ) своимъ роднымъ языкомъ въ оффиціальныхъ переписныхъ вѣдомостяхъ, что такимъ образомъ языкъ люнебургскихъ вендовъ или полабъ еще не могъ совсѣмъ вымереть.

Продолженіе слѣдуетъ.

ИЗЪ ХОРВАТСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

I.

Шишко Менчетичъ.

Ликъ возлюбленной.

Собственное сердце
Далъ тебѣ я въ руки—
Дѣлай съ нимъ, что хочешь,
Я снесу всѣ муки.
Вскрывъ его, найдешь ты
Въ немъ свой ликъ, царица,—
Въ этомъ вся причина
Мукъ моихъ таится.

II.

Франьо Цираки.

Изъ „Флорентинскихъ элегій".

Трепетъ священный меня охватилъ, когда я впервые
Въ сумрачный портикъ вступилъ, свѣтлаго прошлаго храмъ.
Гордо глядитъ съ высоты, со своихъ пьедесталовъ изъ камня,
Славныхъ мужей пантеонъ, гордость Италіи всей;
Мраморныхъ ликовъ ряды открываютъ здѣсь цѣлому свѣту
Подвиги славныхъ мечей, мысли великихъ умовъ.
Вотъ узнаю я тебя, князь Козьма, изъ семьи Медичисовъ,
Славится имя твое, края родного отецъ.
Рядомъ съ тобою Лоренцо, твой внукъ, что родного народа
Золотомъ гербъ увѣнчалъ, городъ прославивши свой.

Радъ и на васъ я взглянуть, мастера несравненные кисти,
Дѣти искусства; вашъ ликъ сдѣланъ искусной рукой.
Слабый старикъ Леонардо и съ нимъ Микель Анджело сильный,
Были соперники вы, нынѣ законченъ вашъ споръ.
Также и васъ, о пѣвцы, знаменитые баловни Музы,
Чтитъ благодарный народъ,—статуи вамъ онъ воздвигъ.
Данте, чье имя безсмертно, пока будутъ люди на свѣтѣ,
Вѣчную пѣсню свою въ мраморной держитъ рукѣ.
Вотъ, погруженный въ мечтанья, стоитъ сладкозвучный Петрарка;
Мраморный взоръ и теперь, кажется, грезитъ о ней:
Рядомъ Боккачіо старый, читающій Декамеронъ свой,
Шуткой желавшій прогнать друга любовную скорбь.
Лѣвую сторону портика взоромъ своимъ обвожу я:
Важное общество тамъ, гордость серьезныхъ умовъ.
Мужи ума и науки, великій примѣръ для потомства,
Чей проницательный взоръ людямъ міры открывалъ.
Тутъ же и мудрый Макіавелли съ насмѣшливымъ взоромъ,
Геній, который царей царствомъ училъ управлять.

III.

Дьуро Арнольдъ.

Миньонѣ.

О дитя! Молясь, не шли моленья
За себя лишь только да отца!
Себялюбцамъ нѣтъ благословенья
Отъ руки Всевышняго Творца.

Обращая къ небу взоръ невинный,
Ты молись за міръ скорбящій весь,
Міръ, въ которомъ я—гляжу руиной,
Ты же—почка маленькая здѣсь.

Вѣрь, тогда сойдетъ на всѣ творенья
Благодать Всевышняго Творца.
О дитя! Молясь, не шли моленья
За себя лишь только да отца!

IV.

Миховилъ Николичъ.

Какъ звѣзды...

Смотри, какъ ночь тиха, спокойна,—
Свое біенье сердце слышитъ;
Заснули сумрачныя сосны,
И теплый вѣтеръ еле дышитъ...

Моя душа угомонилась,
Она паритъ подъ небесами—
Лети со мною! Наши души
Пусть станутъ свѣтлыми звѣздами!

Какъ хорошо горѣть звѣздою!
А встанетъ зорька золотая—
И мы, какъ звѣзды, станемъ меркнуть,
Любя и тихо умирая...

V.

Сильвія Краньчевичъ.

Жизнь и любовь.

Каждый день слѣпецъ убогій
Хлѣба проситъ, ради неба;
Дочь слѣпца—прелестный ангелъ—
Проситъ съ нимъ о коркѣ хлѣба.

Но, когда у старца спросятъ,
Тяжело-ль не видѣть свѣта,
Онъ отвѣтитъ: „Нѣтъ, я счастливъ!
Дочь дала мнѣ счастье это!“

Побѣгутъ ли слезы скорби
По лицу его худому,
Голосъ дѣвушки такъ мягко
Говоритъ отцу слѣпому:

„Не кручинься, вытри слезы
И глаза скорѣе вымой!
Или ты еще не знаешь
Сердца дочери, родимый?“

Тамъ, гдѣ можно оступиться
На какомъ-нибудь порогѣ,
Ангелъ милый вмигъ укажетъ,
Гдѣ искать ему дороги.

Съ нею мракъ, въ какомъ живетъ онъ,
Озаряютъ волны свѣта,
И твердитъ онъ: „Да, я счастливъ!
Дочь дала мнѣ счастье это!“

Звѣзды блещутъ для слѣпого,
Свѣтъ дневной ему не нуженъ;
Это—слезъ святыхъ алмазы,
Нить безцѣнная жемчужинъ!

И когда остатокъ жизни
До конца имъ будетъ прожитъ,
На отцовскую могилу
Этотъ даръ она возложитъ.

„Кто схороненъ въ той могилѣ?“
Будетъ спрашивать прохожій:
„Даръ изъ слезъ, что чище перловъ,
Здѣсь оставилъ ангелъ Божій!“

Лишь тому, кто также счастливъ,
Будетъ близко счастье это,—
Счастье тихое, которымъ
Жизнь слѣпца была согрѣта.

Но не то же ль всюду въ жизни
Видитъ бѣдный и богатый?
Весь нашъ міръ—слѣпецъ убогій,
Свѣтъ любви—его вожатый!

Н. Н. Новичъ.

Изъ исторіи культурныхъ и литературныхъ сношеній Румынъ съ Сербами.

I.

Изученіе старинной румынской культуры съ цѣлью выясненія характера сербо-румынской взаимности, приводитъ изслѣдователя къ такимъ же выводамъ, какіе намъ пришлось сдѣлать въ предыдущемъ очеркѣ [1]).

На первомъ мѣстѣ разсмотримъ исторію сербо-румынскихъ сношеній въ области церковно-культурной. Среди лицъ, игравшихъ видную роль въ этихъ сношеніяхъ, первымъ по времени оказывается преп. Никодимъ Тисманскій—сербскій инокъ XIV в., сверстникъ и духовный сынъ тырновскаго патр. Евѳимія, основатель первыхъ монастырей и организаторъ аскетической жизни въ Валахіи и, кромѣ того, человѣкъ книжный.

Происхожденіе Никодима не вполнѣ выяснено: одни увѣрены, что онъ принадлежалъ къ какой-то сербской княжеской фамиліи и приходился родственникомъ князю Лазарю; другіе считаютъ его сербомъ только по матери и отцомъ называютъ грека изъ Костура; третьи, а именно, Паисій Хиландарскій, называетъ его родиной „страну охридскую“ [2]). Въ ранней молодости онъ увлекся монашескими подвигами и однажды, подъ вліяніемъ разсказовъ сербскихъ монаховъ съ Аѳона, покинулъ родительскій домъ и въ одеждѣ нищаго ушелъ на св. Гору, повидимому, въ лавру архистратига Михаила. Чрезъ три года онъ принялъ посвященіе, затѣмъ сдѣлался дьякономъ, іеромонахомъ и игуменомъ; наконецъ, константинопольскій патріархъ Филоѳей посвятилъ его въ санъ архимандрита. Послѣдній случай связанъ съ извѣстнымъ посольствомъ Лазаря и сербскаго патр. Саввы IV къ

[1]) Славянскія Извѣстія. 1905 г.

[2]) Пловдивское изданіе 1898 г., подъ ред. А. Теодорова, стр. 113.

вселенскому патріарху въ 1374—75 году. Объ этомъ посольствѣ находимъ слѣдующія подробности въ „Родословіи сербскихъ царей“.

Послѣ завоеванія земель между Саввой и Дравой, принадлежащихъ Венгріи, князь Лазарь вспомнилъ объ анаѳемѣ, провозглашенной вселенской патріархіей на Стефана Душана, и предварительно посылаетъ іеромонаха „старца“ Исаію къ сербскому патріарху, а затѣмъ вмѣстѣ съ послѣднимъ собираетъ епископовъ изъ сановниковъ, на которомъ рѣшаетъ просить патр. Филоѳея о разрѣшеніи проклятія. Для этого іером. Исаія отправляется на Аѳонъ, приглашаетъ прота Ѳеофана, двухъ учениковъ его—Сильвестра и Нифона—и „честнаго старца Никодима“, чтобы доставить посланіе и подарки въ Царьградъ. Патріархъ принялъ сербское посольство милостиво и прочиталъ имъ разрѣшительную молитву [1]). Румынскій біографъ Никодима, тисманскій іеромонахъ Стефанъ, прибавляетъ, что патріархъ подарилъ Никодиму свой посохъ изъ рѣзного дерева и кости и мощи трехъ святыхъ, а князь Лазарь предложилъ ему занять свободный престолъ сербской патріархіи. Но Никодимъ отказался отъ этой чести, потому что стремился къ аскетическимъ подвигамъ, и ночью, никѣмъ не замѣченный, ушелъ къ Дунаю въ пустынное мѣсто въ области Кладовы.

Когда около него собралось нѣсколько учениковъ-сербовъ, онъ основалъ церковь, повидимому, при содѣйствіи северинскаго бана Раду, но вскорѣ перешелъ Дунай и переселился въ Валахію, по свидѣтельству того же Житія, избѣгая имъ же самимъ предсказаннаго нашествія турокъ. Здѣсь въ началѣ 70 г.г. XIV вѣка онъ основалъ монастырь на р. Водицѣ во имя Антонія Великаго, затѣмъ—другіе монастыри: Тополыницу, Прислонъ и Тисману. Строителемъ перваго валашскаго монастыря былъ господарь Владиславъ (1364—1372), который сдѣлалъ это, „послушавъ чьстнаго въ иноцѣхь Никодима“. Онъ пожертвовалъ монастырю церковныя облаченія, сосуды, книги, подарилъ помѣстья, освободивъ ихъ и населеніе отъ всякихъ поборовъ и даней и предоставивъ игумену право назначить себѣ преемника [2]). Кромѣ аскетическихъ подвиговъ, Никодимъ занимался здѣсь переписной книгъ. Извѣстно красивое пергаменное Евангеліе ресавской ре-

[1]) Гласникъ, XXI, 254—255. Ср. Дучић, Књижевни радови, кн. IV, стр. 87.

[2]) Грамота безъ даты издана факсимиле у Hâjdĕĭ, Negru-vodă, Вис. 1898.

дакціи, написанное попомъ Никодимомъ „на угрьсцѣй земли“ въ 1405 году [1]). Уже въ половинѣ XVII вѣка эта книга составляла предметъ поклоненія богомольцевъ, о чемъ говоритъ Павелъ Алеппскій: „Мы приложились къ фелони святого, той самой, въ которой онъ вошелъ въ огонь. Она изъ красной камки съ желтымъ. Прикладывались и къ его омофору, и къ древнему Евангелію, которое святой написалъ своею рукою въ Венгріи необыкновенно красивымъ почеркомъ по-русски на превосходномъ пергаменѣ. Оно обложено серебромъ, и въ концѣ его дата— 6912 годъ; стало быть, ему теперь 253 года“ [2]).

По мнѣнію румынскихъ ученыхъ, Никодимъ скончался, 26 декабря 1406 года, и вскорѣ мощи его начали творить чудеса. Во время нашествія на Валахію непріятелей монахи скрыли мощи, но затѣмъ не могли вспомнить мѣста ихъ нахожденія, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ онѣ находятся теперь въ патріаршей церкви Ипека. Въ половинѣ XVII вѣка мощи Никодима были еще въ Тисманѣ. Тотъ же арабскій путешественникъ говоритъ, что „тѣло святаго сокрыто въ землѣ, въ церкви, изъ боязни мадьяръ, чтобы они не украли его, такъ какъ они живутъ по сосѣдству и имѣютъ къ нему великую вѣру. Впрочемъ, для него сдѣлана внѣ церкви, въ галлереѣ гробница, покрытая пеленами, съ рѣшеткой и пр. У нихъ находится только перстъ святого для лобзанія. Мы прикладывались къ нему и къ мощамъ святыхъ, у нихъ находящихся, изъ числа патріарховъ антіохійскихъ: одинъ изъ нихъ—святой Игнатій, опоясанный Богомъ, а также къ мощамъ святаго Златоуста и другихъ [3]). По свѣдѣніямъ, которыя были доступны Паисію Хиландарскому (1762), „послѣди принесени мощи его (Никодима) въ Белиградъ арнаутски и донынѣ подаваютъ много исцѣленіе и пребываютъ нетлени“ [4]).

Въ путевыхъ запискахъ того же арабскаго туриста находимъ нѣсколько подробностей, дополняющихъ позднее румынское „Житіе“ Никодима, составленное іеромонахомъ Стефаномъ на основаніи „древняго славянскаго“. По его словамъ, монастырь былъ раньше кельей отшельника, по имени Никодима. Онъ убѣжалъ отъ родителей и, по внушенію ангела, который указалъ ему это мѣсто, пришелъ сюда на гору, изобилующую текущими водами, и построилъ себѣ келью, выдолбивъ ее подъ вершиной горы

---

[1]) А. Яцимирскій, Слав. рукописи рум. библіотекъ, стр. 268.
[2]) На самомъ дѣлѣ запись даетъ 6913 годъ.
[3]) Путешествіе антіох. патр. Макарія, вып. V, стр. 38.
[4]) Пловдивское изданіе 1898 г., подъ ред. А. Теодорова, стр. 113.

надъ землей; до сихъ поръ въ нее поднимаются по веревкѣ. Онъ творилъ великія чудеса и отправился въ городъ Буду къ королю венгровъ, гдѣ сталъ проповѣдывать христіанскую вѣру. Король сказалъ ему:

— Я разведу сильный огонь, и если ты пройдешь чрезъ него въ своей фелони и съ Евангеліемъ и останешься невредимъ,—мы повѣримъ тебѣ.

„Святой такъ и сдѣлалъ. Прошелъ чрезъ огонь со своимъ дьякономъ, который кадилъ, и потому къ нему возымѣли великую вѣру. Король осыпалъ его великими дарами, давъ между прочимъ тридцать деревень и большія средства для сооруженія монастыря, который былъ воздвигнутъ стараніями святого. Князь Лазарь, тогдашній государь Сербіи, подарилъ ему большой городъ съ шестьюдесятью селеніями кругомъ, а воевода Валахіи даровалъ ему всѣ пошлины, собираемыя по окружности монастыря, и многое другое. Упомянутый король соорудилъ для него также массивную серебряную кадильницу, которую мы видѣли: это—подобіе крѣпости Буды съ ея башнями“ [1]).

Такимъ образомъ, сербъ-Никодимъ основалъ первые по времени монастыри въ Валахіи, переписалъ древнѣйшую изъ датированныхъ рукописей и является первымъ валашскимъ святымъ. Изъ другихъ святыхъ, мощи которыхъ находятся въ Валахіи, намъ извѣстны: 1) преподобный Григорій Декаполитъ; его мощи покоятся въ Быстрицѣ и, по разсказамъ монаховъ антіохійскому патр. Макарію, принесены строителемъ монастыря крайовскимъ баномъ Барбу въ концѣ XV вѣка изъ Сербіи [2]); 2) преподобный Дмитрій Новый изъ с. Басарабова, по румынскимъ источникамъ, также изъ Сербіи [3]), но на самомъ дѣлѣ—около Свищева „терновской епархіи“ [4]); 3) преп. Параскева Епиватская, мощи которой были увезены турками при взятіи Бѣлграда, куплены молдавскимъ господаремъ Василіемъ Лупу въ Константинополѣ и перевезены въ Яссы въ 1641 году. Такимъ образомъ, первый святой и послѣдняя тоже связана съ Сербіей.

Изъ сербо-молдавской взаимности въ церковно-культурной области въ XV вѣкѣ укажемъ слѣдующіе факты. Во первыхъ, приходъ въ Сербію Григорія Цамблака, бывшаго Нямецкаго игумена, какъ мы думаемъ, въ 1407—1408 г.г. и составленіе имъ

---

[1]) Путешествіе антіохійскаго патр. Макарія, вып. V, стр. 37.

[2]) Тамъ же, стр. 31.

[3]) Минеи-Четьи, изд. въ Нямцѣ въ 1846 г., 27 октября, л. 163.

[4]) Паисій Хиландарскій, Пловдивское изданіе 1898 г., стр. 116.

Житія „светаго великомученика въ царехъ Стефана Срьбскаго, ике въ Дечахъ“. Возможно, что Цамблакъ, вмѣстѣ съ Константиномъ Костенчскимъ и другими „сербскими добрыми издателями“, былъ приглашенъ самимъ деспотомъ Стефаномъ Лазаревичемъ для задуманныхъ имъ книжно-литературныхъ предпріятій [1]), но скоро покинулъ Сербію вслѣдствіе полученнаго извѣстія о кончинѣ его дяди, кіевскаго митрополита Кипріана. Во вторыхъ, 1) нѣсколько намековъ въ „Сказаніи о письменахъ“ (вскорѣ послѣ 1423 года) Константина на процвѣтаніе тырновскихъ изводовъ среди румынъ [2]); 2) указаніе на существованіе въ славянской графикѣ у румынъ особыхъ знаковъ („влашко слово“); 3) извѣстный его вопросъ: „влашкымъ языкомъ како право речеши *бль*“? Въ третьихъ, извѣстіе анонимныхъ молдавскихъ лѣтописей о посвященіи сочавскаго митрополита Θеоктиста сербскимъ патріархомъ Никодимомъ „при деспотѣ Юріи“, очевидно, Бранковичѣ въ 50 г.г. XV вѣка [3]); и 2) лѣтописи Урѣке о молдавскомъ посольствѣ въ Охридъ съ культурно-книжными цѣлями въ 1432 году, въ Молдавію были привезены „сербскія книги всего церковнаго устроенія“ [4]); 3) нѣсколько документовъ, свидѣтельствующихъ о продолженіи каноническихъ связей Молдавіи съ Охридомъ во второй половинѣ XV вѣка.

Начало XVI вѣка открывается приходомъ въ Валахію инока Максима, одного изъ сыновей деспота Стефана Бранковича. Интересныя подробности объ этомъ находимъ въ „Родословіи сербскихъ царей“. Сынъ деспота Стефана, Георгій еще въ молодыхъ годахъ принялъ иночество съ именемъ Максима; по свидѣтельству другихъ сербскихъ лѣтописей, это посвященіе относится къ 1485—1486 или 1487 г.г. и совершено „влахозапланинскимъ“ митрополитомъ [5]). Послѣ смерти своей матери Ангелины и брата Іоанна, іером. Максимъ открываетъ ихъ гробы и находитъ тѣлеса нетлѣнными и благоуханными. Взявъ ихъ мощи, а также мощи своего отца, онъ приходитъ въ „землю влахозапланинскую“, „и потомъ отходитъ Максимъ іеромонахъ къ воеводи Радулу заплапинскомъ (1494—1507), бывши сынъ Іоанна монаха, прежде бывши

---

[1]) А. Яцимирскій, Гр. Цамблакъ стр. 141—152.

[2]) Тамъ же, стр. 306—307.

[3]) Тамъ же, стр. 284—287. Возможно, что Никодимъ былъ не Охридскій патріархъ, а Печскій, правившій до 1451 года. Е. Ружичић, Именик цариградских патріара и т. д. Београд. 1897, стр. 55.

[4]) Тамъ же, стр. 265.

[5]) Гласник, кн. V, стр. 111; кн. LIII, стр. 102.

воевода запланинской земли. Максима же іеромонаха любезно прими воевода Радуль; послѣди же поставляеть Максима іеромонаха епископомь. По малу же времену поставляеть его архіепископомь земли влахозапланинской". Между прочимъ, Максиму удалось примирить воеводу Радула съ молдавскимъ воеводой Богданомъ, послѣ чего послѣдніе не только никогда не враждовали между собой, но полюбили другъ друга. Въ „Житіи" архіепископа Максима XVII вѣка Радулъ называется „стратилатомъ" валашскимъ далѣе говорится о рати между „стратилатами" обѣихъ Дакій [1]), а въ пересказѣ іеромонаха Гавріила Стефановича, XVIII вѣка, пользовавшагося и устными разсказами, говорится, что оба „бега" поссорились „по дѣйству дьявола", и когда дѣло дошло до битвы, то Максимъ быстро вскочилъ на коня и, словно на крыльяхъ, помчался къ полю сраженія. Остановившись между двумя таборами, онъ своимъ богомудрымъ разумомъ убѣдилъ враговъ помириться и взялъ съ нихъ слово любить другъ друга до конца жизни [2]). Наконецъ, подробности о той же миссіи находимъ въ лѣтописи романскаго митрополита Макарія. Уже готовилось кровопролитіе, которое стало бы на „зѣльный смѣхъ врагу", когда щедрый Богъ прислалъ ходатая, „свѣтоу чядо присное, Максима, глаголю, деспота. Сыи оубо о съмрени тѣхъ побѣсѣдоваль, и надежду не погрѣши, и обоихъ мирни въ своа ихь отсла" [3]). Лѣтопись Урѣке сохранила даже главный пунктъ „бесѣды" Максима: оба господаря „христіане и одного рода", а потому не должны ссориться [4]).

Вскорѣ Радулъ впалъ въ недугъ и умеръ, а ему наслѣдовалъ воевода Михаилъ „Злоумный" (1507—1511) [5]) человѣкъ необыкновенно жесткій. Онъ посылаетъ Максима къ венгерскому королю „съ буквами", очевидно, посланіемъ, съ цѣлью примиренія и „разрушенія злобы" послѣдняго. Максимъ выполнилъ порученіе съ успѣхомъ и утвердилъ между нимъ миръ нерушимый. На обратномъ пути Максимъ заѣхалъ на родину, посѣтилъ „Сремъ — престольное мѣсто свое и своихь сродникь". Его приняли съ радостью, упросили вернуть мощи родителей и брата Іоанна, послѣдняго деспота, и не оставлять безъ вождя и пастыря сербовъ, оставшихся сиротами и живущихъ подъ чужой

[1]) Изд. А. Вукомановичемъ въ Гласникѣ, XI, стр. 125—129.
[2]) Изд. Г. Витковичемъ въ Гласникѣ, XXXIV, стр. 162.
[3]) I. Bogdan, Vechil cronice, p. 150.
[4]) M. Cogalnieanu, letopis, 2 ed., p. 181.
[5]) Гласник, кн. XXXIV, стр. 163.

властью. Стефанъ Якшичъ отдалъ ему Крушедолъ, гдѣ Максимъ основалъ монастырь во имя Благовѣщенія Богородицы, съ помощью господаря Іоанна Нягоя (1512—1521), который былъ поставленъ вмѣсто сверженнаго съ валашскаго престола воеводы Михаила. „И сей воевода многимъ посланіемъ и моленіемъ призываетъ Максима архіепископа, да пріидетъ во свою архіепископію, зовомо запланинску,—читаемъ далѣе въ „Родословѣ“. По сему же моленію Максимъ митрополитъ тамо отходитъ. И егда приде, тогда почьтень бысть велми отъ воеводе и отъ болярь. Посемь Максимь архіепископь поклони синовицу свою анепсію воеводи Нягою во супружество. И посемь Максимъ митрополитъ испроси кодь воеводе возвратися въ Сремь, во свое отечество. И отпущень бисть отъ зета своего воеводе Нягоя со многимъ богатствомь и дарованіемъ многимь“. Онъ принесъ съ собой мощи родителей и брата, положилъ ихъ въ Крушедольской обители, обогатилъ ее и украсилъ. Затѣмъ пожилъ въ ней недолгое время среди аскетическихъ подвиговъ, почивъ о Господѣ. И много плакали сербы, потому что съ нимъ прекратилось племя сербскихъ деспотовъ [1]). По свидѣтельству краткой сербской лѣтописи, кончина Максима относится къ 15 или, вѣрнѣе, къ 18 января 1516 года [2]). Мы думаемъ, что кромѣ упомянутаго сватовства, вліянію архіепископа Максима слѣдуетъ приписать два факта: 1) устройство въ Тырговищѣ славянской типографіи и приглашеніе изъ Черногоріи іеромонаха Макарія (см. ниже); 2) постройку Нягоемъ Арджешскаго храма по образцу Дечанскаго. Помимо сходства между обоими храмами въ архитектурѣ и орнаментикѣ, на это имѣется указаніе въ лѣтописи Георгія Бранковича, конца XVII вѣка, гдѣ подъ 1317 годомъ упоминается объ основаніи Дечанскаго монастыря Урошемъ III съ такой прибавкой: „говорятъ и то, будто Нягое Басарабъ воевода взялъ образецъ („изводъ“) съ этой церкви Дечанской и такимъ образомъ создалъ монастырь Арджешъ въ Валахіи“ [3]).

[1]) Гласник, кн. XXI, стр. 271—274.
[2]) Гласник, кн. LIII, стр. 106.
[3]) Revista critica-literară, an. I, № 3, p. 98.

II.

Переходимъ къ сношеніямъ румынъ съ православными архіереями хорватскихъ областей. Прежде всего характерно то, что „влахами“ (въ документахъ — „valachi schismatici“) здѣсь назывались православные вообще, безъ отношенія къ національности; слѣдовательно, когда послѣ турецкихъ опустошеній въ концѣ XV вѣка, особенно же послѣ Мохачской битвы 1526 года, въ хорватскія области начали переселяться валахи изъ Босніи, Сербіи, Турціи и другихъ земель,—число румынъ-переселенцевъ было не малое. Они были православные и въ половинѣ XVI вѣка основали монастырь Лепавину, который сначала находился подъ вѣдѣніемъ католическаго загребскаго епископа. Если мы припомнимъ сходныя черты въ области католическаго и православнаго ритуала загребской діадезы XVI вѣка, то не найдемъ ничего страннаго въ томъ, что епископъ-католикъ поставлялъ православныхъ священниковъ. Впрочемъ, въ концѣ XVI вѣка переселенцы вараждинскаго комитета имѣли уже своего епископа, Василія, поставленнаго печскимъ патріархомъ; онъ жилъ въ монастыряхъ Ораховицѣ и Марчѣ. Но преемникъ его, Симеонъ „Вретанія“, поставленный въ 1609 году, перешелъ въ унію и съ 1611 года именуется епископомъ Платеи in partibus infidelium, а монастырь Марча сдѣланъ уніатскимъ. Приведенный фактъ стоитъ не одиноко, а вытекаетъ изъ общаго стремленія католическихъ епископовъ, начиная съ половины XVI вѣка, къ подчиненію имъ всѣхъ сербовъ, явившихся изъ турецкихъ земель. Какъ извѣстно, въ концѣ концовъ эти стремленія увѣнчались успѣхомъ и повели къ полной уніи „влаховъ“ съ западной церковью, хотя нѣкоторые изъ ихъ общинъ не пожелали признавать католическихъ епископовъ и по прежнему подчинялись сербскому печскому патріарху, въ титулѣ котораго находимъ намекъ на то, что его юрисдикціи были подчинены и другіе народы: „архіепископъ пекскы и патріархъ въсѣмъ сръблемъ и блъгаромъ и сѣверьнымъ странамъ и прочімъ“. Подъ послѣдними словами румынскіе историки видятъ намекъ на земли, заселенныя „влахами“. Вѣроятно, съ назначеніемъ въ 1688 году, послѣ освобожденія

[1]) Стојановић, Записи и натписи, II, 79.

отъ турокъ Срема и Славоніи, уніатскаго епископа Лонгина Ранча для „влашскаго и сербскаго народа“, помимо православнаго епископа Стефана Метохійца, въ титулатурѣ XVIII вѣка о валахахъ говорится вполнѣ опредѣленно, напр., „первый архіепископъ и митрополитъ бѣлградскій“ Моисей Петровичъ именуется владыкой „Сербіи, Унгаріи, Шклавоніи Хорватскія, Сирміи, Баната Темишварскаго и цесарскія Валахіи“, или Исаія Антоновичъ и другіе: „митрополить славско-сербскаго и валахійскаго народа“ [1]). Валахи говорили по-румынски и пользовались славянскимъ письмомъ; по крайней мѣрѣ, католическій епископъ Загреба Винковичъ въ 1640 году рекомендовалъ хорвата Леваковича, который novit enim perfecte linguam valachicam et scripturam cyrillicam, qua valachi utuntur [2]).

Въ первой половинѣ XVII вѣка число ихъ увеличилось новыми эмигрантами изъ турецкихъ областей и было настолько велико, что въ 1662 году для православныхъ Хорватіи былъ назначенъ особый епископъ Міакичъ, посвященный валашскимъ митрополитомъ и утвержденный папой. Такой порядокъ опирался также на то, что валашскіе митрополиты, какъ „патріаршіе экзархи всей Венгріи“, обыкновенно посвящали митрополитовъ для Трансильваніи. Съ другой стороны, митрополиты одной сербской области считались „экзархами Дакіи“, подъ которой всегда понимались только румынскія земли; укажемъ на извѣстіе лѣтописи о кончинѣ въ 1570 году „всеосвященнаго экзарха Дакіи, митрополита Липлянии градчанской, Діонисія“ [3]).

Поэтому общность интересовъ сербовъ и румынъ какъ господарствъ, такъ и венгерскихъ областей, повела въ концѣ XVII вѣка къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ обоихъ народовъ. Такъ, къ 1688 году относится извѣстное посольство печскаго патріарха Арсенія III Черноевича къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ съ просьбой освободить христіанъ отъ турецкаго ига. Въ своей грамотѣ Арсеній упоминаетъ о договорѣ всѣхъ сербскихъ архіереевъ и низшаго духовенства съ валашскимъ господаремъ Шербаномъ Кантакузиномъ, который присоединялся къ воззванію патріарха [4]). Послѣ пожаревацкаго мира 1718 года, къ Австріи

---

1) Тамъ же, стр. 161, 166, 190, 196, 198, 206, 235, 273.

2) Arkiv Кукулевича-Сакцинскаго, кн. IX, стр. 297, Starine, XX, 20—32.

3) Гласник, кн. LIII, стр. 112.

4) И. Руварац, Одломци о графу Ђорђу Бранковићу и Арсенију Црнојевићу. Београд. 1896 г., стр. 60—61.

перешелъ темешварскій банатъ, часть Сербіи и северинскій банатъ малой Валахіи, т. е. земли къ западу отъ рѣки Олта, и въ 1722 году румыны этихъ мѣстностей принесли, чрезъ бывшаго молдавскаго господаря кн. Димитрія Кантемира, жалобу Петру Великому на утѣсненія со стороны католическаго духовенства, на насильственный характеръ пропаганды, отнятіе монастырей и т. д. Однимъ словомъ, насъ не должно удивлять, что въ перечнѣ епископовъ „во всѣхъ епархіяхъ въ цесаро-кралѣвскихъ земляхъ славено-сербскаго и валахійскаго народа“, найденномъ въ бумагахъ епископа Мушицкаго, на 12 мѣстѣ перечисляются епископы хорватскіе, а на послѣднемъ, 14,—„влахозапланинскіе или рибничскіе“. Объ этой епархіи говорится здѣсь слѣдующее: „Когда Влахія часть покорена была Цесаро-Кралѣвской державѣ въ 1717 году, епископъ Рибничскій тамо обрѣлся Дамаскинъ, который на презентацію митрополита белградскаго Моисея Петровича получилъ конфирмацію отъ цесара Кароля VI средствіемъ высокославнія канцеляріи дворовоинственія и камерскія“. Иннокентій умеръ въ 1726 году. Затѣмъ упоминаются Стефанъ Говоранъ, Иннокентій II и Климентъ (съ 1737 года), и вся замѣтка оканчивается извѣстіемъ, что „нынѣ же оная Рибническая епархія со своимъ епископомъ Климентомъ паки подъ турскую власть подпала 1739 году“ [1]). Этимъ, повидимому, и объясняется изготовленіе въ румынской типографіи рымничской епископіи нѣсколькихъ Букварей спеціально для сербскихъ школъ (см. ниже).

Однимъ словомъ, румыны, жившіе въ турецкихъ или венгерскихъ областяхъ совмѣстно съ сербами, раздѣляли съ послѣдними одинаковую судьбу въ церковно-административномъ и культурно-книжномъ отношеніяхъ. У нихъ были одни и тѣ же враги, одни и тѣ же стремленія. Только къ концу XVII вѣка относится актъ митрополита Саввы II Брашковича, являющійся постановленіемъ съѣзда православнаго духовенства Трансильваніи въ Бѣлградѣ (Альбѣ-Юліи) въ 1675 году,—запрещеніе священства въ румынскихъ селахъ тѣмъ изъ поповъ, которые не знаютъ румынскаго языка и служатъ только по-сербски [2]). Впрочемъ, указъ митрополита Саввы стоитъ одиноко, и славянскими книгами румыны иногда пользовались втеченіе всего почти XVIII вѣка, а изъ румынъ выходили извѣстные дѣятели на поприщѣ славянской культуры у сербовъ. Изъ такихъ лицъ мы знаемъ „логоѳета“

[1]) Гласник, кн. VI, стр. 85—87.
[2]) T. Ciparin, Acte çi fragmente, Blasiu, 1855, p. 150.

Владула Милаеску, секретаря бѣлградскаго митрополита Моисея Петровича, пріѣзжавшаго съ прошеніемъ митрополита къ Петру Великому и письмомъ къ канцлеру Гавріилу Головкину въ 1718 году по дѣлу о присылкѣ въ Сербію учителя изъ русскихъ. По мнѣнію Милаеску, синодальный переводчикъ извѣстный Максимъ Суворовъ показался ему человѣкомъ „угоднымъ по обычаю сербскаго народа“ [1]); затѣмъ онъ взялъ русскія книги и чрезъ Кіевъ выѣхалъ въ Сербію.

Возвращаясь къ исторіи непосредственныхъ румыно-сербскихъ сношеній, отмѣтимъ интересныя свѣдѣнія о приходѣ въ Валахію одного игумена какого то православнаго монастыря Хорватіи, которыя сохранилъ дьяконъ Павелъ Алеппскій. Въ великомъ посту 1654 году, когда патр. Макарій жилъ въ Тырговищѣ, „нашего владыку патріарха посѣтилъ одинъ православный игуменъ, который сказывалъ, что онъ съ острововъ Брутаніи, о коихъ упоминаетъ Іоаннъ Златоустъ, изъ города по имени Херванъ, и сообщилъ, что въ этой странѣ до 25,000 домовъ [2]), всѣ православные, что правитель поставляется изъ ихъ среды, и что языкъ ихъ—сербскій. Архіепископъ сербскій сказывалъ, что они бѣжали изъ ихъ страны и живутъ въ предѣлахъ австрійской земли съ сѣверной стороны венеціанской области“. Переводчикъ „Путешествія“ высказываетъ предположеніе, что упоминаемый Павломъ островъ, вѣроятно,—Брацца у береговъ Далмаціи. Мы не согласны съ этимъ объясненіемъ. Прежде всего нужно имѣть въ виду обычныя неточности у арабскаго туриста, его довѣрчивость, склонность къ фантастическимъ разсказамъ, путаницу фактовъ, особенно названій географическихъ и т. д. Во вторыхъ, названіе православной епархіи въ Хорватіи—Vretania—въ арабскомъ оригиналѣ и русскомъ переводѣ легко могло превратиться въ „Брутанію“. Припомнимъ, что первый епископъ хорватскихъ „влаховъ“ былъ Симеонъ „Вратаніа“ или „Вретанія“, и это имя осталось за епархіей, напр. въ дарственной грамотѣ Василія Лупу 1650 года: „святѣи монастири, глаголемаа Лишавенткаа, въ земли Вретаніа у крайнна земли Хръванска“ (см. ниже). Въ третьихъ, городъ „Херванъ“ напоминаетъ „землю Херванскую“, и не остается никакихъ сомнѣній относительно того, что прибывшій въ Валахію игуменъ былъ одинъ изъ „влаховъ“

[1]) П. Кулаковскій, Начало русской школы у сербовъ. СПБ. 1903, стр. 76.

[2]) Въ францисканской хроникѣ подъ 1629 годомъ отмѣчено: inter Valachos Croatiae, quorum numerus 20,000 exaequabat. Starine, XXII, 33.

хорватской православной епархіи. По словамъ дьякона Павла, игуменъ обратился къ патр. Макарію съ просьбой „поставить его архіереемъ надъ ними, имѣя при себѣ ихъ собственноручныя подписи. Но онъ оказался лжецомъ, и господарь Матвѣй (Басарабъ) немедленно сослалъ его въ соляныя копи". Однимъ словомъ, можно думать, что упомянутое раньше поставленіе Міакича въ 1662 году „какимъ-то молдавскимъ митрополитомъ" стоитъ въ связи съ неудавшейся по неизвѣстнымъ причинамъ попыткой валаховъ Хорватіи имѣть своего архіерея, посвященнаго митрополитомъ Валахіи или же жившимъ тамъ антіохійскимъ патріархомъ. За нѣсколько лѣтъ до переданнаго случая въ Валахію пріѣзжалъ для подготовленія уніи хорватъ Рафаель Левакович, францисканецъ и издатель глаголическихъ книгъ для сербовъ, кандидатъ въ епископы хорватскихъ влаховъ и впослѣдствіи титулярный архіепископъ Охрида. Въ связи съ этимъ движеніемъ стоитъ тотъ фактъ, что католическіе епископы для румынскихъ епархій назначались изъ сербовъ Босніи, Далмаціи и, главнымъ образомъ, Венгріи; они должны были знать по-румынски и быть знакомы съ кирилловскимъ письмомъ. Валахію посѣщали и архіереи сербскихъ областей. Тотъ же арабскій туристъ передаетъ слѣдующій случай: „въ бытность нашу въ Валахіи, тамъ находился киръ Гавріилъ, архіепископъ странъ сербскихъ, коего престолъ есть главный городъ пашалыка, называемый Ипекъ. Этотъ архіепископъ сначала былъ подъ вѣдѣніемъ архіепископа охридскаго, но сдѣлался самостоятельнымъ и теперь платитъ ежегодную дань бостанджи-баши. И этотъ архіепископъ высокомѣрно и хвастливо утверждаетъ, что онъ—патріархъ. По этому поводу мы много разъ спорили съ нимъ и его учениками". Очевидно, онъ пріѣзжалъ въ Валахію за милостыней, быть можетъ останавливался тамъ, по дорогѣ въ Россію.

А. И. Яцимирскій.

Окончаніе слѣдуетъ.

Славянскія дѣла.

Сербо-австрійская таможенная война.—Греко-румынскій конфликтъ.

I.

Австрія объявила Сербіи таможенную войну, и венгерское правительство, по соглашенію съ Вѣной, окончательно закрыло въ Землинѣ (Земунѣ) границу для сербскаго скота и разной живности, а къ прочимъ предметамъ ввоза изъ Сербіи примѣнило особый, повышенный тарифъ.

Политика Австріи по отношенію къ маленькой и слабой Сербіи всегда носила для послѣдней характеръ разрушительный. Въ теченіе многихъ лѣтъ, еще при блаженной памяти Миланѣ Обреновичѣ, Австрія держала Сербію въ буквальномъ смыслѣ на откупу и играла ею, какъ кошка мышью; она постепенно, но систематически вѣрно обезсиливала Сербію экономически, способствуя вмѣстѣ съ тѣмъ моральному разложенію ея интеллигенціи. Разсчеты Вѣны въ данномъ случаѣ были совершенно правильны. Сербія—это ключъ къ Балканскому полуострову, первый и, быть можетъ, главнѣйшій и серьезнѣйшій этапъ на пути побѣдоноснаго шествія всесокрушающаго германизма: чѣмъ скорѣе этотъ ключъ будетъ въ надежныхъ рукахъ, тѣмъ вѣрнѣе пойдетъ игра въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, и тѣмъ ближе будетъ къ разрѣшенію такъ называемый славянскій вопросъ въ Европѣ.

Результаты такая политика дала блестящіе: подъ вліяніемъ Австріи, не брезгавшей никакими средствами, сербская интеллигенція, не успѣвшая сбыть всего, что дало ей многовѣковое турецкое иго, подверглась полному растлѣнію, и только насильственное удаленіе со сцены главныхъ виновниковъ всей этой трагедіи спасло страну отъ окончательнаго краха. Небольшая горсть людей, преданныхъ своей родинѣ и прежде гонимыхъ за это (радикаловъ или народниковъ, по нашей терминологіи), стала

у кормила правленія и сразу круто повернула прежнюю продажную политику въ сторону охраненія народныхъ интересовъ и достоинства націи. Но Австрія не считала свою ставку проигранной: въ рукахъ ея еще оставался одинъ козырь, который она берегла, чтобы предъявить въ послѣдній моментъ.

Въ началѣ нынѣшняго года Сербія заключила съ Болгаріей тайный договоръ, согласно которому устранялась таможенная граница между обѣими балканскими державами; одновременно съ этимъ Сербія начала переговоры и съ Австріей о заключеніи на новыхъ условіяхъ торговой конвенціи. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ о сербско-болгарскомъ таможенномъ соглашеніи стало извѣстно въ Вѣнѣ, гдѣ въ этомъ почуяли политическую опасность для Австріи и потребовали немедленнаго уничтоженія договора съ Болгаріей, а также представленія въ Вѣну текста этого договора; временно переговоры о новомъ таможенномъ союзѣ съ Австро-Венгріей были прекращены. Тогда же Сербія отказалась выполнить эти условія, результатомъ чего явилось первое предостереженіе въ видѣ временнаго закрытія венгерской границы. Но сербское правительство, всегда колеблющееся и робкое въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ Австріи, не довело до конца своей политики и уступило: послѣдовала смѣна министерства, возобновились переговоры съ Австріей и былъ принятъ временный таможенный тарифъ. Неустойчивое сербское правительство уничтожило затѣмъ торговый договоръ съ Болгаріей и согласилось пойти на всяческія уступки, лишь бы угодить опасной сосѣдкѣ, которой, кстати сказать, Сербія всегда боялась, какъ огня.

Однако, аппетиты Австріи на этотъ разъ превзошли всякія ожиданія: ультиматумъ, поставленный Австріей, вызвалъ бурю протеста въ Сербіи, гдѣ, казалось, примирились уже съ необходимостью „уступить по прежде бывшимъ примѣрамъ“. Незадолго передъ этимъ были рѣшены два существенно важныхъ для Сербіи вопроса: о необходимости перевооружить сербскую армію орудіями новѣйшаго образца и провести, въ цѣляхъ экономическаго подъема страны, сѣть новыхъ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ окраины съ центромъ. Австрія потребовала пониженія пошлины для цѣлаго ряда предметовъ, сбываемыхъ въ Сербіи австро-венгерскими промышленниками; затѣмъ она предложила Сербіи дать письменное обязательство сдѣлать всѣ заказы для арміи и для сооруженія желѣзныхъ дорогъ исключительно въ Австріи и, наконецъ, поставила въ условіе ни съ кѣмъ никакихъ торговыхъ договоровъ не заключать. Только на такихъ условіяхъ соглашалась Австрія заключить съ Сербіей таможенное согла-

шеніе. Какъ извѣстно, сербское правительство не рѣшилось выполнить это унизительное требованіе; обѣщая истратить 26 милл. франковъ изъ новаго займа на казенные заказы въ Австріи, оно на-отрѣзъ отказалось пріобрѣтать пушки въ Австріи, на заводѣ Шкода, тѣмъ болѣе, что спеціальная коммиссія признала шкодовскія пушки никуда не годными. Обиженная неблагодарностью сосѣдки, Австрія, въ отвѣтъ на это заявленіе, сдѣлала распоряженіе о закрытіи границы.

Широкій планъ—уничтожить Сербію экономически, унизить ее политически и совершенно обезсилить въ военномъ отношеніи потерпѣлъ такимъ образомъ полное фіаско: всегда покорное сербское правительство, дѣйствовавшее до сихъ поръ по указкѣ изъ Вѣны, поняло на этотъ разъ, что дѣло не въ пріобрѣтеніи на народныя деньги нѣсколькихъ десятковъ негодныхъ пушекъ, а въ сохраненіи достоинства націи и въ будущемъ Сербскаго королевства. Сербія, предчувствуя недоброе, громко заявила свой протестъ противъ несправедливыхъ и жестокихъ требованій Австріи, въ полной надеждѣ на заступничество тѣхъ, кому судьба ввѣрила славянскій вопросъ въ Европѣ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, венгерское министерство земледѣлія потребовало, чтобы живой товаръ, ввозимый изъ Болгаріи и Турціи въ Австро-Венгрію, былъ снабженъ особыми ветеринарными свидѣтельствами, выясняющими его болгаро-турецкое происхожденіе. Такимъ путемъ австро-венгерское правительство думаетъ воспрепятствовать ввозу сербской живности подъ видомъ болгарской или турецкой. Какія мѣры готовится еще принять Австрія, пока не ясно: вѣроятно, по обыкновенію она постарается произвести давленіе на верхи въ Сербіи, будетъ добиваться смѣны кабинета и назначенія угодныхъ ей министровъ. Не даромъ вся австро-венгерская печать такъ увѣрена, что Сербія „сознаетъ свою ошибку и придетъ съ извиненіемъ“. Caveant consules! Нынѣшнему кабинету Пашича, пользующемуся довѣріемъ народа и опирающемуся на большинство въ открывшей свои работы скупщинѣ, необходимо, во что бы то ни стало, удержать за собой позицію и благополучно вывести государственный корабль Сербіи изъ цѣлаго лабиринта запутанныхъ вопросовъ. Правительство уже рѣшило войти въ переговоры съ другими державами (Англіей, Италіей, Франціей) о заключеніи торговаго соглашенія, а также пересмотрѣть и расширить торговый договоръ съ Германіей. Мы глубоко убѣждены, что окончательный таможенный разрывъ съ Австро-Венгріей будетъ только полезенъ для Сербіи, которая можетъ найти новые рынки для

сбыта своихъ товаровъ. Правда, эта операція не пройдетъ для нея безболѣзненно, но ничего не дѣлается безъ потерь.

Характерно во всемъ этомъ инцидентѣ поведеніе Венгріи: такъ еще недавно въ Венгріи вопили о необходимости отдѣленія отъ Австріи, о самостоятельной венгерской (мадьярской) политикѣ, о необходимости дружественной мадьяро-славянской политики для совмѣстной борьбы съ германизмомъ на Балканскомъ полуостровѣ,—и вслѣдъ затѣмъ молчаливое исполненіе приказа изъ Вѣны о закрытіи сербской границы. На запросъ, сдѣланный по этому поводу въ венгерскихъ делегаціяхъ однимъ изъ депутатовъ, послѣдовалъ отвѣтъ: Венгрія дѣйствовала въ данномъ случаѣ по взаимному соглашенію венгерскаго и австрійскаго правительства. Мы никогда не вѣрили въ прочность славяно-мадьярской дружбы, зная щучьи стремленія мадьяръ, проявляемыя ими воочію у словаковъ, у хорватовъ или у тѣхъ же сербовъ въ Венгріи... Событія послѣднихъ дней служатъ лучшимъ доказательствомъ нашихъ опасеній.

II.

Четыре года тому назадъ въ Абаціи состоялось дружественное свиданіе Королей—Карла Румынскаго и Георга Греческаго. Тогда уже поговаривали, что свиданіе это устроили руководители вѣнской и берлинской политики въ разсчетѣ позже воспользоваться греко-румынской дружбой для противодѣйствія славянамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Никто, впрочемъ, не придавалъ этому особеннаго значенія, такъ какъ географическое положеніе и этнографическій составъ Румыніи не давали повода, считать румынъ опасными соперниками для славянъ тѣмъ болѣе, что прямыя задачи указывали Румыніи не на правый берегъ Дуная, а скорѣе на Трансильванію съ ея румынскимъ населеніемъ. Наконецъ, и съ Греціей у Румыніи не было никакихъ иныхъ интересовъ, кромѣ чисто торговыхъ, въ виду ихъ разобщеннаго географическаго положенія. Прошло не много лѣтъ, и призрачная греко-румынская дружба, начавшаяся въ Абаціи, перешла въ кровавую національную вражду въ Македоніи.

Въ составъ пестраго населенія злосчастной Македоніи, главнымъ образомъ въ Битольскомъ и Янинскомъ вилайетахъ, входитъ между прочимъ около 200.000 куцовлаховъ или цинцаровъ

(цифра весьма условная),—народности румынскаго происхожденія, по недоразумѣнію до сихъ поръ причислявшіяся къ греческой части македонскаго населенія. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ Румынія вела дѣятельную пропаганду въ Македоніи среди куцовлаховъ, организовала тамъ 123 румынскія общины съ румынскими церквами, румынскими священниками и румынскимъ богослуженіемъ. Въ прошломъ году Румыніи удалось добиться со стороны Турціи оффиціальнаго признанія румынской народности въ Македоніи: данное въ маѣ 1905 года ираде султана, признающее за македонскими румынами (vice versa куцовлахами) такое же право на самостоятельное существованіе, какъ и за болгарами, сербами и греками, т. е. право имѣть свое церковно-общинное самоуправленіе. Въ этомъ обстоятельствѣ греки усмотрѣли посягательство на свои права и открыли противъ румынъ жестокую кампанію. Въ Македоніи были организованы греческія четы (разбойническія банды), спеціально для истребленія куцовлаховъ. Вдохновители этихъ четъ въ Аѳинахъ забыли при этомъ, что въ Румыніи живетъ около 150.000 грековъ, занимающихся торговлей, имѣющихъ свои общины, церкви и школы: эти переселенцы изъ Греціи пользовались всегда въ Румыніи широкими правами и различными льготами. Въ отвѣтъ на безчинства греческихъ бандъ въ Македоніи Румынія уничтожила торговый договоръ съ Греціей, отмѣнила законъ о греческихъ общинахъ въ Румыніи и сверхъ того приняла рядъ крутыхъ мѣръ противъ греческихъ подданныхъ, что вызвало массовое выселеніе грековъ изъ Румыніи. Въ настоящее время дипломатическія сношенія Греціи и Румыніи совершенно прекращены, и вмѣшательство въ это дѣло Австріи и Россіи ни къ чему не повело. Румыны стали, въ свою очередь, организовывать въ Македоніи собственныя четы и мстить грекамъ огнемъ и мечемъ.

Въ международномъ отношеніи греко-румынскій конфликтъ, возникшій на національной подкладкѣ, имѣетъ, разумѣется, чисто мѣстное, такъ сказать, провинціальное значеніе, и о вооруженномъ столкновеніи между Греціей и Румыніей, не соприкасающимися другъ съ другомъ политическими границами, не можетъ быть и рѣчи; будетъ нанесенъ ущербъ главнымъ образомъ торговымъ интересамъ обѣихъ народностей. Во всемъ этомъ важнѣе другое: за спиной истребляющихъ другъ друга македонскихъ народностей стоитъ нѣкто, натравливающій ихъ другъ на друга,—этотъ tertius gaudens, давно уже увѣряющій Европу, что балканскія государства непригодны ни для какой культурной миссіи въ предѣлахъ Турціи, населенныхъ славянами, и что отъ

христіанскаго населенія Косовскаго, Битольскаго и Солунскаго вилайетовъ ничего добраго ожидать нельзя,—и чѣмъ скорѣе уничтожитъ ихъ Турція, или они сами себя истребятъ, тѣмъ лучше и спокойнѣе для Европы.

Нынѣшній греко-румынскій конфликтъ, представляющій собою политическое безразсудство, наводитъ, повторяемъ, на серьезныя мысли: пора славянамъ на время забыть свои раздоры и сообща приступить къ осуществленію одинаково важнаго для всѣхъ ихъ принципа „Балканскій полуостровъ для балканскихъ народовъ“. Этого требуютъ въ настоящій моментъ не только ихъ національныя стремленія, но и ихъ будущее, которому иначе грозитъ прямая опасность. Ослѣпленные своими личными, всегда мелочными счетами, славянскія народности упускаютъ эту опасность изъ виду. Важно было бы при этомъ, чтобы инициатива исходила не отъ германской или англосаксонской расы и не изъ латинскихъ круговъ, а оттуда, гдѣ созрѣла идея единенія славянъ.

В. К—въ.

Матеріалы по исторіи диссидентскаго вопроса.

Продолженіе.

Рѣчь Солтыка, бискупа Краковскаго.

Mowa

I. O. Xcia I Mci Kajetana Sołtyka Biskupa Krakowskiego miana na Seymie Extraordynaryinym 5. 8 bris Roku 1767.

Luboby należało tylko interlocutorie domowić się y dopomnieć exekucyi swieżego na ostatnim Seymie stanowionego Prawa, aby Projekta ad triduum każdemu Senatorowi y Posłowi ad deliberandum oddane były, y tego się domawiam, iednakże w materyi wyznaczenia proponowaney Kommissyi, iak podług Boga y sumnienia przekonany jestem, przed Majestatem W. K. Mci Patryotyczne Sentymenta łaskawie approbującym, przed Stanami Rzeczypospolitey w wielkie Serca y umysły na obronę Wiary y wolnosci uzbroionemi, rzetelnie wyrazić, znam za scisłą powinnosć obowiązkom moim względem Boga, Oyczyzny, y Stanu mego nieskończenie istotną.—Wyznaczenie takowey Kommissyi przepisuie Legislacyi Powaga, nakazuie zwyczay, radzą wszystkie reguły rostropnosci. Rzecz bowiem tym wszystkim przeciwnaby była, gdyby cała Rzeczpospolita w Stanach swoich zgromadzona Naywyższą Monarchiczną władzą reprezentuiąca, mnóstwem okoliczności w namienione materye wpływających zatrudniać się, y bez przygotowanego ich przez Kommissyą rozważenia, sama ie roztrząsać miała. Zgadzam się na takową Kommissyą, ale nie na żaden Traktat z Xciem I Mcią Repninem Wielkim Posłem Nayiaśnieyszey Imperatoromey I Mci Rossyiskiey, gdyż Traktaty albo z woiuiącemi między sobą Potencyami zawierane bywaią, albo z zostaiącemi w pokoiu o iakowe nowe przymierza.—Nie iesteśmy w woynie z Potencyą Rossyiską, niesłyszemy w Deklaracyi Nayiaśnieyszey Imperatorowy I Mci o żadnym nowym żądanym przymierzu. A przeto nie widzę żadney potrzeby wniścia w Traktat z Xciem I Mcią Wielkim Posłem Rossyiskim, lecz iako żąda tylko Nayiaśnieysza Imperatorowa Imć sprawiedliwości dla Ich Mość PP. Dyssydentow, tak przez wzgląd wielce wspaniałego Wielkiey Monarchini interessowania się, do uznania, wczym Traktaty Ich-Mciom Dyssydentom niedotrzymane, w czym Prawa Narodowe Ich-Mciom uchylone? iako y sprawiedliwośc od nas każdemu winna, nie tylko sądzę potrzebną y zgadzamsię na takową Kommissyą, ale owszem gorąco o nię W. K. Mci y Prześwietnych Stanow upraszam.—Ostrzegam iednak iak nayuroczyściey, iż tey Kommissyi moc tylko rostrząśnienia, rozważenia rzeczy, y projektu do wolney approbacyi całey Rzeczypospolitey uformowania dać należy, ponieważ iey facultatem

finaliter decidendi udzielac, Bog, Oyczyyna y Prawo zabrania.—Religia y Wolność są to nayistonieysze interessa nieskończoney wagi u każdego będące, a czyliż przystoi vim legistativam do nich zlewać na małą liczbę Obywatelow? — Żadna na swiecie Monarchiczna władza w udzielaniu mocy Prawodactwa nie iest tak szczodra, aby komu pomierny interess do Legislacyi pozwoliła, bez zachowania sobie approbacyi, czego dają swiadectwo Państw wszystkich Rządy, a my tych dwoch materyi naywaźnieyszych, y naytroskliwszey czułości wyciągaiących lossy, tak porywczo powierzać mamy? Od założenia fundamentow Rzeczypospolitey naszey, niebyło ieszcze takiego przykładu, aby na kogo Prawodactwo bez rezerwy potwierdzenia przelane było. Niegodzisię gorszyć swiata, gorszyć całey naszey Potomności z mniey troskliwego naycelneyszych materyi poufania. Formy Rządow Naszych naypierwszy przymiot, aby każdego głos wolny w Legislacyą iakieykolwiek ustawy wpływał, lub uchwalenie iey tamował. Na przeszłym Swieżo Seymie to ubespieczenie stanęło, aby w ważnieyszych materyach nie większośc głosow, ale iednomyslnośc Prawa knowała; także naymniey Wiarę y Wolność szacować będziemy, że z Przywileiw wolnego głosu wyzute, kilku, kilkunastu, lub kilkudziesiąt Osob Prawodactwu oddamy? Wszakże rzecz oczywista, iż zlewaiąc na Kommissyą Legislacyą w tych materyach, iuż wolny głos żadney Religiy y Wolności nie będzie mogł przynieśc obrony. Ktokolwiek zapędzałsię w Proiekta polepszenia Rządow Naszych, zawsze obronie wolnego głosu zostawiał Wiarę y Wolność, a dziś nieskończenie przeciwnym sposobem też same wyrokom naywyższym szczupłey w Osobach Kommissyi poddane bydź maią? Gdyby szło o partykularne kogo z Nas uszkodzenie, przez rozum naybespiecznieysze obierałby sobie srzodki, wolałby iednomyślność niżeli większość głosow Stanow Rzeczypospolitey, a te, niżeli wyroki małcy liczby Kommissarzow. Czyż nie należy tey samey szukać ostrożnosci w interessie Boskim, w interessie całego Narodu? Przezacni Mężowie Charakterem Posłow na Seym ninieyszy zaszczyceni, wlały na Was Prześwietne Woiewodztwa, Ziemie y Powiaty moc Legislacyi, ale czyli Wam dały moc tey na kogo przelania? Nie możecie iey sobie przywłaszczać z generalnych słow Instrukcyi Waszych, wyraźne bowiem iey pozwolenie koniecznie potrzebne, na co się wszyscy Praw wykładacze iednostaynie zgodzą. Protestuięsię, żtrzymam iak naylepiey o Wielkich Mężach, ktorzy do tego dzieła wybrani bydź mają, iżby Ci przyiązania do Religiy swoiey y Patryotyzmu pełni staralisię Wiarę y Wolnośc ubezpieczyć. ale Ciż wielcy Mężowie formę Rządow Kraiu swego doskonale znaiący, raczą wybaczyć myslam moim, na wzor przezornych Sędziow sprawiedliwą Fori excepcyą, bez żadney urazy przyimuiących. Z tych tedy uwag Prześwietne Stany z rozkazu Sumnienia Wam przełożonych pozwolić nie mogę, aby deputanda Commissio facultatem finaliter decidendi miała, upraszam usilnie, aby tylko z mocą roztrząsnienia, rozważenia, y proiektu do całey Rzeczypospolitey uformowania, y decydowania, wyznączona była. — A tym czasem na ten proiekt, w którym ile słow, tyle ćiasow na Wiarę y Wolność, żadną miarą, z azardem wszystkiego y życia samego niepozwalam. Pozwolisz oraz W. K. Mość przypomnieć sobie Głos Swoy na przeszłym Seymie miany, głos Niebios dotykaiący, głos w potomne wieki cały Narod gorliwością dla Wiary napełniaiący, dla ktorey zycie łożyć, krew wylać, gotowym się oswiadczyłeś. Racz więc w tak krytycznym czasie skutkiem pokazać dla zachęcenia Narodu, iż iesteś non solum sermone, sed re, et opere Rex vere Orthodoxus.

Политическое обозрѣніе Балканскаго полуострова.

Казалось, непріязненныя отношенія между Австріей и Сербіей начали было утихать. Австрія была занята своими внутренними неурядицами съ венграми, Сербія — выборами послѣ составленія кабинета Пашича... И вдругъ неожиданно для всѣхъ эти отношенія разразились жестокой таможенной войной! Графъ Голуховскій заявилъ австрійской делегаціи, что онъ не настаивалъ передъ сербскимъ правительствомъ на покупкѣ пушекъ австрійской фабрики Шкода, и въ тотъ же день послалъ ноту тому же сербскому правительству, въ которой ставитъ покупку негодныхъ пушекъ Шкода conditio sine qua non заключенія торговаго договора съ Австріей. Собственно, требованіе покупки пушекъ Шкода,—это только видимая причина конфликта. Внутреннія же дѣйствительныя причины чисто политическаго характера. Настоящее столкновеніе — только эпизодъ въ исторіи борьбы Сербіи съ Австріей за свою независимость. Такъ смотрятъ въ Сербіи на внутреннюю природу таможенной войны съ Австріей. Въ данномъ случаѣ,—главный факторъ, дѣйствующій за спиной Австріи—Германія. Мы имѣемъ дѣло съ борьбой двухъ силъ. Съ одной стороны Австрія и Германія, стремящіяся овладѣть Балканскимъ полуостровомъ сначала экономически, а послѣ и политически: Сербія является помѣхой этому; нужно ее уничтожить. Съ другой стороны Англія ради своихъ интересовъ, чтобы помѣшать Германіи укрѣпить на Балканахъ свое экономическое и политическое вліяніе, защищаетъ независимость балканскихъ народовъ, ибо если эта независимость будетъ сохранена, Германіи нельзя будетъ осуществить ея грандіозные планы—овладѣть Малой Азіей, довести Багдадскую дорогу до Персидскаго залива и послѣ связать ее прямымъ путемъ сообщенія съ Гамбургомъ. Кто можетъ помѣшать этому германскому Drang nach Osten? Россія, которая болѣе всѣхъ заинтересована въ судьбахъ Ближняго Востока... но она теперь такъ занята своими внутренними неурядицами, которыя Богъ знаетъ, когда и какъ разрѣ-

шатся, — что неспособна серьезно противодѣйствовать австро-германскому движенію. Италія связана съ тройственнымъ союзомъ и потому ненадежна, ея политика колеблется. Франція болѣе академически интересуется балканскими дѣлами. Англія, но она великая морская держава, а это недостаточно, чтобы она могла войной обезпечить независимость балканскихъ народовъ. Остается одна Австрія, которая сильно заинтересована въ дѣлахъ Балканскаго полуострова; она можетъ дѣлать тамъ, что хочетъ, не боясь никакого внѣшняго вмѣшательства, ибо имѣетъ за своей спиной Германію, которая милліонами своихъ штыковъ не дастъ никому препятствовать Австріи осуществлять свои планы... Общественное мнѣніе въ Сербіи по конфликту съ Австріей вполнѣ поддерживаетея правительствомъ, которое сознаетъ, что иначе поступить не могло.

Въ Сербіи считаютъ теперь весьма важнымъ, каково будетъ дальнѣйшее поведеніе Болгаріи: останется ли она вѣрна своимъ прежнимъ обѣщаніямъ идти рука объ руку съ Сербіей, или же поддастся австрійскимъ внушеніямъ. Сербы теряютъ много въ войнѣ съ Австріей; Болгарія же находится въ иномъ положеніи; экономически она совершенно независима отъ Австріи и не только ничуть не пострадаетъ въ случаѣ таможенной войны, напротивъ, даже выиграетъ отъ приложенія автономныхъ тарифовъ къ австрійскому импорту; ея таможенныя доходы увеличатся, ибо ея экспортъ въ Австрію совсѣмъ незначителенъ, а ввозъ австрійскихъ фабрикатовъ громаденъ.

Въ послѣднее время оффиціальная Болгарія начала сближаться или вѣрнѣе улучшать свои отношенія съ Австріей. Это обдуманный планъ Австріи и Германіи, которая послѣ Алжезираса поддерживаетъ во всемъ Австрію по всему Балканскому полуострову. Планъ Австріи и Германіи—разъединить Болгарію и Сербію, поселить между ними раздоръ, чтобы по одиночкѣ раздѣлаться съ ними.

Общественное мнѣніе Болгаріи всецѣло требуетъ поддержать Сербію; такого же мнѣнія держатся и правительственные круги; однако, какъ поступитъ Болгарія, теперь трудно сказать, ибо фактически иностранной политикой княжества всецѣло управляетъ князь Фердинандъ. Его теперь въ Болгаріи нѣтъ; онъ проводитъ лѣто въ западно-европейскихъ курортахъ. Несомнѣнно, онъ одинъ изъ самыхъ умныхъ государей Европы; у него всегда преобладаетъ разсудокъ надъ чувствомъ... Онъ теперь изучаетъ настроенія правящихъ круговъ великихъ державъ и соотношеніе силъ, и если убѣдится, что Австрія и Германія не встрѣтятъ

серьезнаго сопротивленія со стороны остальныхъ великихъ державъ къ поглощенію Сербіи, то Болгарія останется въ сторонѣ, примирится съ фактомъ. Если же князь Фердинандъ убѣдится, что Англія, Франція и Россія, въ особенности Россія, рѣшительно и активно поставятъ свое veto пангерманскому стремленію на югъ стереть съ лица Балканскаго полуострова независимую Сербію,—тогда онъ присоединится къ Сербіи, чтобы сообща дать отпоръ Австріи. Такимъ образомъ, теперь все зависитъ отъ Россіи, и хотя она и обезсилена несчастной войной и внутренними неурядицами, тѣмъ не менѣе представляетъ при настоящемъ положеніи вещей рѣшающій факторъ въ дѣлахъ Балканскаго полуострова. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ въ Сербіи, такъ думаютъ и въ Болгаріи.

Теперь является вопросъ, будетъ ли Россія равнодушно смотрѣть на то, какъ Австрія при содѣйствіи Германіи нарушаетъ извѣстное русско-австрійское соглашеніе 1897 г. о сохраненіи status quo на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ Болгаріи и Сербіи думаютъ, что Россія не останется равнодушной къ тому, что дѣлаетъ теперь Австрія на Балканахъ вообще и по отношенію къ Сербіи въ частности. Австрія, повидимому, уже начала готовиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ на Балканахъ. Есть цѣлый рядъ фактовъ, которые доказываютъ это: напр., на-дняхъ одинъ изъ извѣстныхъ генераловъ австрійскаго генеральнаго штаба въ сопровожденіи другихъ штабныхъ офицеровъ объѣхалъ Славонію, Банатъ—всѣ мѣстности, граничащія съ Сербіей; это была не инспекція, а изученіе мѣстностей въ стратегическомъ отношеніи. Эти офицеры обходили всѣ сербскіе монастыри въ Фрушкой Горѣ между Дунаемъ и Савой (тамъ ихъ около 20). Говорятъ, эти монастыри приготовляются для больницъ и оружейныхъ и провіантскихъ складовъ въ случаѣ войны. Далѣе, изъ Буда-Пешта сообщаютъ въ Бѣлградъ, что въ венгерской столицѣ среди политическихъ венгерскихъ дѣятелей въ настоящее время ходятъ тревожные слухи по поводу тайныхъ намѣреній вѣнскихъ дипломатовъ. Венгры боятся вооруженнаго вмѣшательства Австріи въ дѣла Балканскаго полуострова; они очень недовольны тѣмъ, что узнали, и боятся, чтобы вѣнская придворная камарилья не замѣстила бы настоящій кабинетъ кабинетомъ изъ лицъ болѣе послушныхъ Вѣнѣ. Въ связи съ этимъ заслуживаетъ вниманія и третій фактъ: изъ Вѣны распространяются черезъ нѣкоторыя провинціальныя субсидированныя изъ оффиціальныхъ фондовъ газеты слухи, имѣющіе цѣлью скомпрометтировать лойяльность Сербіи по отношенію къ Австро-

Венгріи. Утверждаютъ, напр., будто сербскій посланникъ въ Вѣнѣ д-ръ Вуичъ приглашалъ на обѣдъ въ свой домъ представителей оппозиціонныхъ партій, и будто бы на этомъ обѣдѣ провозглашались тосты въ честь „южно-славянскаго“ короля Петра и противъ Австріи и австрійской династіи. Тѣ же австрійскія рептиліи инсинуируютъ будто сербское правительство, черезъ того же г. Вунча, вліяло на венгровъ и южныхъ славянъ — депутатовъ рѣзко критиковать австрійскую политику на Балканахъ и давало аргументы для такого рода критики въ видѣ мемуаровъ о положеніи дѣлъ въ Босніи и Герцеговинѣ и объ австрійской политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ спеціально въ Македоніи.

Два слова о венграхъ. Пока они боролись съ Вѣной, то обѣщали сербамъ и другимъ австрійскимъ славянамъ золотыя горы, лишь бы тѣ помогли имъ сломить опеку вѣнской камарильи. А какъ только независимыя венгерскія партіи помирились съ этой самой камарильей и стали у кормила правленія, венгры снова начали душить у себя всѣ другія народности, въ томъ числѣ и славянъ. Относительно сербско-австрійской таможенной войны венгерскіе министры демонстративно выражаютъ свою полную солидарность съ дѣйствіями Голуховскаго противъ Сербіи; такъ высказались по крайней мѣрѣ министръ-президентъ Векерле и Кошутъ.

Въ Варнѣ болгарское населеніе два раза устраивало скандалы грекамъ, не допуская новоназначеннаго греческаго митрополита Неофитоса сойти на берегъ съ парохода. Каждый разъ, какъ только высокопреосвященный Неофитосъ сходилъ на берегъ, болгарское населеніе забрасывало его камнями и такимъ образомъ заставляло возвращаться обратно на пароходъ и въ Царьградъ. Причины этому: истребленіе мирнаго болгарскаго населенія въ Македоніи высылаемыми туда изъ Греціи бандами подъ революціоннымъ начальствомъ офицеровъ греческой арміи.

Лѣтняя пора въ Болгаріи—это время конгрессовъ; тогда учителя освобождаются отъ своихъ занятій, и лѣтомъ обыкновенно въ Софіи въ началѣ іюля каждый годъ собираются делегаты всѣхъ учительскихъ организацій (учительскаго союза) страны на конгрессъ. Въ этомъ году передъ конгрессомъ состоялся большой соборъ народныхъ учителей и учительницъ со всего княжества, на который прибыло около четырехъ тысячъ учителей и учительницъ; цѣль собора была „манифестировать массой по улицамъ и передъ всѣми политическими партіями необходимость улучшенія матеріальнаго положенія учителей“. Послѣ былъ

конгрессъ ремесленниковъ, конгрессъ священниковъ, унтеръ-офицеровъ...

Затихшая было вражда между Румыніей и Греціей неожиданно для всѣхъ разразилась разрывомъ дипломатическихъ сношеній между ними; причина та же,—преслѣдованіе греками македонскихъ куцовлаховъ. Свободная Греція высылаетъ въ Македонію цѣлыя серіи „андартовъ“ (греческіе четники), которыя нападаютъ и убиваютъ какъ мирныхъ селяковъ-болгаръ, такъ и еще болѣе безобидныхъ и беззащитныхъ пастуховъ куцовалаховъ. Румынія принимаетъ цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ противъ грековъ—куицовъ пришельцевъ въ Румынію, съ этою цѣлью даже изданы румынскимъ парламентомъ спеціальные законы... Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ фактъ, что Румынія поручила защищать интересы ея подданныхъ въ Греціи не австрійскимъ дипломатическимъ представителямъ, а итальянскимъ. Это значитъ, что и Румынія питаетъ къ Австріи въ значительной дозѣ недовѣріе по причинѣ ея балканской политики.

Критскій вопросъ опять поднимается критскимъ управителемъ принцемъ Георгіемъ; это уже третій разъ. На этотъ разъ онъ, кажется, разрѣшится согласно давнишнему желанію грековъ; великія державы, даровавшія автономію критянамъ, убираютъ изъ Крита свои гарнизоны. Это не мало встревожило болгарскіе руководящіе круги. Болгарское правительство даже разослало ноту великимъ державамъ въ томъ смыслѣ, что „присоединенію Крита къ Греціи должно предшествовать дарованіе Македоніи автономіи“, иначе болгарское правительство не ручается за порядокъ на Балканахъ.

К. Бербенко.

Хроника.

Положеніе народныхъ учителей въ Сербіи. Изъ всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ наилучшее положеніе занимаютъ въ Сербіи учителя. Любого чиновника стоящая у власти партія можетъ прогнать, перевести въ другое мѣсто, но педагога никто не тронетъ и не можетъ удалить или перемѣстить безъ его согласія. Право на полученіе пенсіи чиновники пріобрѣтаютъ по истеченіи 40 лѣтъ государственной службы, педагоги же черезъ 32 года, при чемъ пенсія равняется обыкновенно послѣднему окладу педагога. Квартира народнаго учителя должна состоять не менѣе, какъ изъ двухъ комнатъ; если подходящаго помѣщенія нѣтъ, то община выплачиваетъ учителю квартирныя деньги отъ 30 до 80 фр. въ мѣсяцъ. Первый учительскій окладъ—800 фр., черезъ пять лѣтъ—1.050 фр., черезъ десять лѣтъ—1.350 фр., черезъ 14 лѣтъ—1.700 фр. и т. д., а по истеченіи 26 лѣтъ службы и до конца окладъ равняется 3.000 фр. (сюда не входятъ квартирныя). Если учитель остается на службѣ и по истеченіи 32 лѣтъ, то къ его пенсіи въ 3.000 фр. добавляется еще 300 фр. въ годъ. Учитель, теряющій на службѣ свое здоровье, имѣетъ право, прослуживъ 10 лѣтъ, получать постоянное пособіе въ размѣрѣ 30% годичной платы, т. е. 400 фр. Надо при этомъ замѣтить, что всѣ народные учителя и учительницы въ Сербіи получаютъ спеціальную подготовку и стоятъ на высотѣ педагогической науки. Все сказанное касается исключительно народныхъ учителей; учителя же среднихъ учебныхъ заведеній именуются „професорами“, выдержавъ особый „професорски испит“; послѣдніе тоже матеріально вполнѣ обезпечены. Сербія удѣляетъ большое вниманія народной школѣ. Въ теченіе 30 лѣтъ она сумѣла поставить ее на такую высоту, которой можетъ позавидовать и Россія, да не только Россія, а и сосѣдка Сербіи—Австрія.

Выселеніе изъ Будапешта. Въ Венгріи нѣтъ мѣста, откуда бы населеніе не стремилось всѣми силами прочь: таковы экономическія условія жизни въ благословенной Венгріи. Не только простой людъ бѣжитъ изъ бѣдныхъ глухихъ угловъ,—эмиграціонная горячка захватила и столицу. По статистическимъ даннымъ съ начала 1905 г. и по мартъ текущаго года изъ Будапешта выселилось 3.597 челов. преимущественно мадьяръ и при томъ семейныхъ (1.728 мужч., 1.272 женщ. и 507 дѣтей). Эмиграціонное движеніе направляется главнымъ образомъ въ Америку. Въ прошломъ году изъ Будапешта выселилось 3.156 мадьяръ и 351 чел. другихъ народностей. Эти цифры достаточно характеризуютъ пресловутое „благосостояніе“ Венгріи.

Юбилей Штадлера. Босно-герцеговинскій хорватскій католическій архіепископъ Штадлеръ отпраздновалъ недавно двадцатипятилѣтній юбилей своей пастырской дѣятельности, заслуживающей быть отмѣченной. Штадлеръ, нѣмецъ по происхожденію, появился въ Босніи въ 1881 г. по настоянію римской куріи и первымъ долгомъ занялся изгнаніемъ священниковъ изъ числа монаховъ францисканскаго ордена, замѣнивъ ихъ всюду священниками-іезуитами. Окруживъ себя іезуитами, Штадлеръ въ теченіе 25 лѣтъ дѣятельно велъ въ Босніи и Герцеговинѣ католическую пропаганду, воздвигая церкви и даже монастыри тамъ, гдѣ совсѣмъ не было католиковъ, переводя въ католичество православныхъ и мусульманъ насильно или посредствомъ подкупа и совершая иные въ этомъ родѣ благочестивые подвиги. Его дѣятельность, черезъ мѣру усердная, шла иной разъ вразрѣзъ съ планами въ Вѣнѣ и приходилась не по душѣ вѣнскому правительству, которое, однако, ничего не могло подѣлать съ хитрымъ іезуитомъ, имѣющимъ сильную руку въ Римѣ. Штадлеръ настолько рьяно насаждаетъ католицизмъ въ оккупированныхъ Австріей славянскихъ провинціяхъ, что даже мадьярско-нѣмецкій органъ „Pester Lloyd“ считаетъ его дѣятельность болѣе пригодной для Африки, нежели для Балканскаго полуострова.

Покушеніе съ негодными средствами. Въ „Pesti Hirlap“ опубликованы интересныя свѣдѣнія, характеризующія мадьярскую политику по отношенію къ немадьярскимъ народностямъ. По словамъ газеты, за время министерства Банфи конфисковано множество богослужебныхъ книгъ въ угро-русскихъ церквахъ на томъ основаніи, что книги эти печатались въ Россіи и „содержатъ въ себѣ много лишняго и вреднаго“. Рѣшено впредь печатать славянскія богослужебныя книги исключительно въ будапештской университетской типографіи, устранивъ при этомъ все лишнее путемъ исправленія текста по греческимъ спискамъ, хранящимся въ греческомъ католическомъ монастырѣ въ Италіи (близъ Рима); туда уже посланы съ этой цѣлью спеціалисты-ученые. Предположено также включить въ эти книги литургіи святыхъ, канонизованныхъ Римомъ послѣ раздѣленія церквей (св. Стефана, св. Маргариты, св. Елисаветы и др.). Въ связи съ этимъ предстоитъ въ угорской Руси и календарная реформа по западному образцу. Министерство финансовъ еще въ 1904 году проектировало на выполненіе этого плана 400.000 крон. (около 160 тыс. рублей), но коммиссія, организованная съ указанной выше цѣлью, пока не приступала къ дѣлу. Замѣтимъ, кстати, что въ оккупированныхъ Австріей славянскихъ провинціяхъ—Босніи и Герцеговинѣ полученныя когда-то изъ Россіи богослужебныя книги давно уже замѣнены, по распоряженію австро-венгерскаго правительства, новыми, напечатанными въ Вѣнѣ, съ обычной надписью на заглавномъ листѣ: „Въ царствованіе его императорскаго и королевскаго апостолическаго величества“ и т. д. Такимъ путемъ думаютъ заставить австрійскихъ славянъ забыть о единокровной Россіи.

Единеніе Матицы хорватской и словенской. Культурныя учрежденія хорватовъ и словенцевъ (матицы) рѣшили издавать ежегодно одно сочиненіе: хорватская матица—словенское, а словенская—хорватское. Въ настоящее время взаимная связь обѣихъ матицъ растетъ: матицы установили взаимный обмѣнъ для своихъ членовъ изданіями. Такимъ путемъ изданія на обоихъ славянскихъ языкахъ пріобрѣтутъ болѣе широкій кругъ читателей и послужатъ дѣлу взаимнаго сближенія братскихъ народностей.

Славянскій клубъ. Slovanský Klub въ Прагѣ организовалъ справочное бюро для славянскихъ гостей. Всякій славянинъ, пріѣзжающій въ Прагу, находитъ сердечный пріемъ въ Славянскомъ клубѣ (Hôtel Anglickeho Dvora na Poříčí). При клубѣ въ теченіе пяти лѣтъ существуютъ курсы славянскихъ языковъ.

Тридцатилѣтіе сербской освободительной войны съ Турціей исполнилось въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. Славянское Общество получило 22 іюня слѣдующую телеграмму на русскомъ языкѣ: „Сегодня, въ день тридцатилѣтія объявленія Сербіей войны Турціи, вся сербская печать съ благодарностью вспоминаетъ о благотворительности, которую оказало Славянское Общество Сербіи въ тяжелые дни. Съ братскими благодарными воспоминаніями весь сербскій народъ восклицаетъ: Слава великой и могущественной Россіи! Слава Славянскому Обществу въ Петербургѣ. Предсѣдатель Общества сербскихъ журналистовъ Павелъ Мариновичъ.—Бѣлградъ“.

Памятникъ Янку Веселиновичу. На учительскомъ съѣздѣ въ Бѣлградѣ постановлено изыскать средства на памятникъ бывшему учителю, лучшему сербскому беллетристу Яну Веселиновичу († 14 іюня 1905 г.). Присоединяясь къ этой идеѣ, Милорадъ М. Петровичъ въ „Бранковомъ Колѣ“ считаетъ это недостаточнымъ: по его мнѣнію, необходимо, кромѣ того, основать особый фондъ имени Я. Веселиновича для оказанія помощи престарѣлымъ и больнымъ литераторамъ. Идея для Сербіи новая и весьма цѣлесообразная.

Памятникъ К. Тавшановичу. Въ Бѣлградѣ, въ городскомъ саду открытъ памятникъ сербскому политическому дѣятелю К. Тавшановичу (Коста Таушановић). Т. родился 4 мая 1854 г. въ Алексинцѣ. Учился сначала на родинѣ, а затѣмъ въ Чехіи и въ Германіи. Въ 1876 г. Т. участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе Сербіи, по окончаніи которой сталъ заниматься торговлей. По своимъ убѣжденіямъ Т. принадлежалъ къ радикальной партіи и впослѣдствіи явился однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и разумныхъ вождей ея. Знаменитое покушеніе на Милана въ 1899 г. явилось поводомъ къ разгрому радикальной партіи; тогда же пострадалъ и Тавшановичъ. Онъ былъ заключенъ въ Пожаревацкую тюрьму, гдѣ и потерялъ здоровье. Помилованный черезъ два года, онъ занялъ мѣсто директора торговой задруги банка для внѣшней торговли, но болѣзнь унесла его 26 января 1902 г. въ могилу. Т. принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ. (Споменица Кости Таушановићу, од Мила Павловића).

Томичъ Іосифъ (Jos. Eug. Tomić), одинъ изъ старѣйшихъ хорватскихъ писателей, умеръ 1-го іюня въ Загребѣ, на 63 году своей жизни. Родился Томичъ въ 1843 году. Популярность Т. пріобрѣлъ сборникомъ лирическихъ произведеній „Ljeljinke“. Какъ беллетриста, его можно поставить рядомъ съ Шеноа. Лучшимъ романомъ Т. считается „Zmaj od Bosne“.

Юбилей Янка Томбора. Хорватскій писатель, словакъ по происхожденію, Janko Tombor, 83-лѣтній старикъ, отпраздновалъ недавно шестидесятилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Родился Т. въ 1823 г. въ Жилинѣ, росъ и слагался политически подъ вліяніемъ Яна Коллара,

Л. Штура и друг. дѣятелей славянства. Томборъ, занимая должность духовнаго лица, не чуждался и свѣтскихъ темъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Лучшими его вещами считаются стихотворныя пьесы: Srpstvu, Na moru, гдѣ проводится идея сербо-хорватскаго сближенія. Темы для беллетристическихъ работъ Т. бралъ главнымъ образомъ изъ жизни мусульманъ. Лучшими вещами въ этомъ отношеніи считаются: Hajdukova zaručnica, Ljubav na istoku и Kula na Dunavu. Въ эпоху возрожденія славянства Т. принималъ дѣятельное участіе въ этомъ движеніи, сотрудничая въ хорватской газетѣ „Slavenski Jug“ и въ „Südslavische Zeitung“.

† **Бартошъ Фр.** (František Bartoš), извѣстный чешскій филологъ и этнографъ, скончался на 69 году жизни. Родился Б. въ 1837 г. и всю свою жизнь посвятилъ изученію румынъ и словенцевъ. Главными работами Б., создавшими ему имя, являются: L'ud a narod“ и „Dialektologia“.

Научная командировка для розысканія памятниковъ старо-болгарскаго церковнаго пѣнія. Въ концѣ мая заграницу выѣхала коммиссія изъ трехъ теоретиковъ стараго церковнаго пѣнія (В. Смоленскаго, А. Преображенскаго и А. Николаева) для изученія памятниковъ древняго славянскаго, главнымъ образомъ, болгарскаго пѣнія въ заграничныхъ библіотекахъ. Средства для поѣздки въ размѣрѣ 3.000 рублей далъ гр. С. Д. Шереметевъ. Какъ спеціалиста по южно-славянской палеографіи, коммиссія пригласила съ собой проф. П. Лаврова. Коммиссія посѣтитъ Вѣну, Загребъ, Бѣлградъ, Софію, Константинополь и Аѳонъ, гдѣ думаетъ найти остатки старо-болгарскаго пѣнія, сдѣлать копіи съ нотныхъ славянскихъ и греческихъ рукописей и фотографическіе снимки съ наиболѣе важныхъ рукописей. По мнѣнію спеціалистовъ, коммиссія едва-ли найдетъ что-нибудь интересное для изучаемаго ею вопроса заграницей, и для науки было бы много полезнѣе изучать русскія библіотеки.

Славянски Гласъ. Изданіе на славянското благотворително дружество въ България. 1906, кн. II. Во второй книжкѣ софійскаго Славянскаго Гласа помѣщены оригинальныя статьи: К. Бакларова. „Гоголь и славянофильскія идеи“; В. Златарскаго. „Проф. Маринъ Дриновъ. Некрологъ“. Затѣмъ перепечатаны нѣкоторыя статьи изъ нашихъ Извѣстій и изъ Revue Slave.

Научно-литературный Сборникъ. Повременное изданіе Галицко-русской Матицы, подъ редакціей Е. А. Дѣдицкаго. Т. V, кн. 1, Львовъ. 1906. Въ первой книжкѣ Сборника за нынѣшній годъ помѣщены: И. С. Свѣнцицкаго. Матеріалы по исторіи сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ первой полов. XIX в. Сюда вошли отдѣлы: переписка кап. І. Лавровскаго съ П. И. Кеппеномъ, сношенія М. П. Погодина и И. И. Срезневскаго съ галичанами и т. д.—О. А. Мончаловскаго. Собиратель русскихъ былинъ А. Д. Григорьевъ.—Р. Ю. Геровскаго. Русскіе студенты въ Берлинѣ, и др. менѣе важныя статьи и замѣтки.

La Revue Slave. Tome I, nº 2, Mai 1906. Paris. Во второмъ номерѣ французскаго повременника, посвященнаго славянамъ, помѣщены слѣдующія интересныя статьи: I. du Ponteray: Сенкевичъ и польская литература; М. Димитріевичъ: Церковная архитектура въ Старой Сербіи; Hogge-Fort:

Розовое масло въ Болгаріи; Г. Яншичъ: Пасванъ-Оглу. Воспоминанія о знаменитомъ Видинскомъ пашѣ (1758—1807 г.). Остальныя статьи, посвященныя текущимъ вопросамъ славянской жизни, имѣютъ временный интересъ. Библіографія по-прежнему скудная и, очевидно, совершенно случайная. Изданіе, по содержанію пока бѣдноватое, подкупаетъ своей изящной, европейской внѣшностью.

Югославія. Съ іюня мѣсяца въ Бѣлградѣ выходитъ новый научно-популярный журналъ, подъ названіемъ Југославија. Журналъ будетъ давать отчеты о культурныхъ и экономическихъ успѣхахъ южныхъ славянъ.

А. А. Башмаковъ, членъ совѣта нашего Общества, извѣстный публицистъ и знатокъ Балканскаго полуострова, назначенъ главнымъ редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“ и вечерней къ нему политической газеты. Мы смотримъ на это назначеніе, какъ на своего рода событіе: славянскій вопросъ получитъ отнынѣ правильное освѣщеніе и должное направленіе подъ руководствомъ А. А. Башмакова.

Населеніе Австро-Венгріи.

Народности Австро-Венгріи (съ Босніей).

	Въ Австріи.	Въ Венгріи.	Всего.
Чехи и словаки . . .	6.200.000	2.800.000	9.000.000
Поляки	4.000.000	—	4.000.000
Малороссы.	3.550.000	500.000	4.050.000
Хорваты и сербы . . .	700.000	2.800.000	5.300.000
„ въ Босніи	—	1.800.000	
Словенцы	1.200 000	100.000	1.300.000
Болгаре	—	20.000	20.000
Всего славянъ	15.650.000	8.920.000	23.670.000
Румынъ	230.000	2.800 000	3.030.000
Итальянцевъ	720.000	30.000	750.000
Всего романскихъ народовъ	950.000	2.830.000	3.780.000
Мадьяръ	—	7.800.000	7.800.000
Нѣмцевъ	9.000.000	2.200.000	11.200.000
Другихъ (евреи, цыгане, армяне, албанцы и проч.) народностей .	—	—	1.250.000

Данныя о народностяхъ въ Австро-Венгріи (согласно оффиціальной статистикѣ).

Славянъ	22.750.000
Нѣмцевъ	11.200.000
Мадьяръ	8.500.000
Остальныхъ	5.200.000

Таблица населенія Австро Венгріи.

	Области.	Простр. въ кв. килом.	Населеніе.	На кв. килом.
Чешскія.	Чехія	51.960	6.320.000	122
	Моравія	22.230	2.460.000	110
	Силезія	5.150	680.000	132
Польскія и русскія	Галиція	78.530	7.320.000	93
	Буковина	10.450	730.000	70
Хорват-скія.	Истрія	4.950	350.000	69
	Далмація	12.860	600.000	46
Словен-скія.	Штирія	22.450	1.360.000	61
	Каринтія	10.330	380.000	36
	Крайна	9.960	510.000	51
	Тріестъ и Приморье	3.020	410.000	136
Нѣмецкія.	Австрія (Нижняя)	19.850	3.100.000	156
	„ (Верхняя)	12.000	810.000	68
	Зальцбургъ	7.160	190.000	29
	Тироль и Форарлбергъ	29.260	980.000	33
Всѣ австрійскія земли		309.100	26.200.000	87
Венгрія (Угрія и Семиградія).		282.800	17.200.000	60
Хорватія (и Славонія)		42.500	2.500.000	57
Всѣ земли Короны Св. Стефана (Венгрія)		325.300	19.700.000	59
Боснія (и Герцеговина)		51.000	1.800.000	34
Во всей Габсбургской монархіи		676.400	47.700.000	70

Библіографія.

А. Крыловскій. Львовское ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія, съ 3 рисунками. Кіевъ. 1905. Стр. XXII + 314 + 230.

Несмотря на почтенные размѣры книги, массу цитатъ, ссылки на первоисточники и другія внѣшнія отличія историческихъ изслѣдованій,—„Опытъ“ г. Крыловскаго никоимъ образомъ нельзя назвать „изслѣдованіемъ“. Это—типичный архивный трудъ „лѣтописнаго“ характера, безъ обобщеній и безъ намековъ на синтезъ. Автора можно похвалить за старательность, усердіе быть можетъ, за точность—и это все, что составляетъ научныя достоинства работы. Книга касается интереснаго вопроса—долгой борьбы южно-руссовъ съ католичествомъ, съ уніей и роли въ ней южно-русскихъ братствъ.

Вопросъ о происхожденіи южно-русскихъ братствъ въ достаточной степени до сихъ поръ не освѣщенъ. Одни изслѣдователи выводятъ ихъ изъ древне-русскихъ братчинъ, о которыхъ въ лѣтописи упоминается уже подъ 1159 г.; другіе высказываютъ мысль, что братства создались подъ западнымъ вліяніемъ; наконецъ, третьи, видным представителемъ которыхъ является проф. С. Голубевъ, считаютъ, что церковныя братства создались подъ вліяніемъ коллективнаго патроната надъ городскими церквами, причемъ право патроната представляетъ одну изъ спеціальныхъ особенностей русской жизни XVI и XVII в.в. Извѣстно три рода этого права: патронатъ господарскій, владѣльческій и коллективный. Но въ виду того, что господарскій патронатъ былъ распространенъ исключительно надъ епископіями и большими монастырями, а владѣльческій—надъ помѣстьями собственниковъ, происхожденіе церковныхъ братствъ приходится связывать съ коллективнымъ видомъ. Въ западно-русскихъ областяхъ бывали церкви, которыя не принадлежали къ помѣстьямъ, а потому надъ ними и существовалъ патронатъ коллективный. Такъ какъ патронатами въ такихъ случаяхъ являлись всѣ прихожане, то естественно, такой институтъ нуждался въ выработкѣ опредѣленнаго устава, который регулировалъ бы отношенія между церковью и ея служителями. На этой почвѣ создался уставъ, и на немъ сильно замѣтно вліяніе какъ древне-русскаго самоуправленія и братчинъ, такъ и нѣмецкаго права съ западно-европейскими гильдіями. Такимъ образомъ, съ одной стороны, выясненію этого вопроса, съ другой стороны, выясненію роли и значенію братствъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и культуры и посвящена книга г. Крыловскаго.

Авторъ касается въ ней самаго стараго изъ всѣхъ братствъ — Львовскаго, основаніе котораго относится къ 1439 году. Хотя о братствахъ существуетъ цѣлый рядъ трудовъ, изъ которыхъ укажемъ С. Голубева „Исторія Кіевской Духовной Академіи", Кояловича „Чтенія о церковныхъ Западно-Русскихъ Братствахъ" (Москва, 1862 г.), Скабалановича „Западно-европейскія гильдіи и западно-русскія братства" („Христіанское Чтеніе", 1871 г.), Харламповича „Западно-Русскія православныя школы XVI и начала XVII в.в." (Казань, 1898 г.), Чистовича „Очеркъ исторіи западно-русской церкви";— тѣмъ не менѣе, трудъ г. Крыловскаго заслуживаетъ вниманія, благодаря необыкновенной тщательности и массѣ подробностей, извлеченныхъ изъ документовъ. Являясь сторонникомъ взгляда проф. Голубева на происхожденіе братствъ, авторъ констатируетъ тотъ фактъ, что на выработку устава ихъ оказывали вліяніе не только западно-европейскія гильдіи и нѣмецкіе цехи, но и восточныя братства, которыя создались подъ вліяніемъ условій аналогичныхъ съ западно-русскими. Это способствовало тому, что цѣль восточныхъ братствъ и внутреннее устройство ихъ были сходны съ западно-русскими братствами. Какъ старѣйшее и наиболѣе значительное, Львовское братство принимало участіе во всѣхъ крупныхъ историческихъ событіяхъ, являлось иниціаторомъ и организаторомъ борьбы съ уніей. Въ виду этого исторія братства тѣсно связана съ исторіей и остальныхъ аналогичныхъ институтовъ въ борьбѣ ихъ за сохраненіе народности и религіи, вообще въ религіозно-политическомъ движеніи начала XVII в. и исторіей стараго русскаго просвѣщенія и благотворительности. Интересна, напримѣръ, II глава, въ которой разсматривается устройство и жизнь Львовскаго братства, роль его въ возникновеніи другихъ братствъ и вліяніе его на послѣднихъ. Главы V и VI посвящены дѣятельности Львовскаго братства на пользу православія, народности и русскаго просвѣщенія. Здѣсь сгруппирована дѣятельность братствъ по постройкѣ церквей, подводятся итоги средствамъ его, намѣчается связь братства съ Московскою Русью и съ южными славянами. Затѣмъ авторъ подробно говоритъ о благотворительной и просвѣтительной дѣятельности братства: устройствѣ школъ, составѣ учителей, характерѣ обученія, предметахъ послѣдняго, устройствѣ типографіи, дѣятельности по распространенію просвѣщенія, представляя списокъ книгъ, которыя были изданы братствомъ. Это подробное разсмотрѣніе дѣятельности братствъ въ области просвѣщенія и благотворительности вноситъ много интереснаго для уясненія культурнаго состоянія разсматриваемой эпохи и просвѣтительно-благотворительной роли братствъ.

И. Александровъ.

Древне-славянская Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій. Трудъ В. Н. Бенешевича. Томъ первый, вып. 1. Изданіе отдѣленія русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1906. Стр. V + 228.

Важный юридическій и лингвистическій памятникъ старой славянской письменности, Кормчая, до сихъ поръ не былъ напечатанъ цѣликомъ, (извѣстны были только отрывки), и о греческомъ оригиналѣ имѣлось довольно смутное представленіе. Этотъ пробѣлъ восполняется теперь вполнѣ научнымъ изданіемъ молодого профессора церковнаго права, В. Н. Бенешевича, недавно защищавшаго въ Петербургскомъ университетѣ диссертацію „Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII в. до 883 года" (см. замѣтку о книгѣ въ первомъ номерѣ „Славянскихъ Извѣстій").

Въ основу изданія положенъ древнѣйшій и, какъ оказалось, самый надежный славянскій текстъ — Ефремовская Кормчая XI — XII вѣка Московской Синодальной Библіотеки. Изъ нѣсколькихъ болѣе позднихъ (отъ XIII до XVI в. в.) списковъ къ основному тексту приводятся варіанты. Греческій оригиналъ издается по рукописи X в. библіотеки Reale Società Romana di Storia Patria. Рукопись эта, какъ не трудно убѣдиться изъ сличенія двухъ—трехъ параллельныхъ мѣстъ,—важна въ томъ отношеніи, что не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно греческаго оригинала для славянскаго перевода; это—особая редакція такъ называемой до-Фотіевской Кормчей. Какъ видно, переводъ съ нея сдѣланъ былъ на славянскомъ югѣ, скорѣе всего въ Болгаріи, въ X вѣкѣ. Варіанты къ основному греческому тексту менѣе важны, чѣмъ славянскіе; наиболѣе важные изъ нихъ извлечены изъ двухъ Патмосскихъ рукописей IX вѣка (начала и половины).

Въ виду обширности самаго памятника, было бы желательно какъ можно скорѣе видѣть окончаніе грандіознаго изданія и полный словарь славянскихъ словъ Кормчей вмѣстѣ съ греческими ихъ оригиналами. Все изданіе В. Н. Бенешевеча должно состоять изъ двухъ частей. Часть первая составитъ славянскій текстъ Кормчей параллельно съ греческимъ и съ прибавленіемъ позднѣйшихъ наслоеній, какъ въ греческомъ, такъ и въ славянскомъ. Вторая часть будетъ заключать изслѣдованіе о Кормчей, въ Византіи, у южныхъ славянъ и на Руси.

А. Я.

В. Н. Златарскій. Сколько бесѣдъ написалъ Козьма Пресвитеръ. Харьковъ (изъ Сборника статей по славяновѣдѣнію, посвященныхъ профессору М. С. Дринову) Стр. 1—12.

Его-же, Вопросъ о происхожденіи болгарскаго царя Ивана-Александра. Спб. 1906 (изъ „Сборника по славяновѣдѣнію“, II), стр. 29 и Родословная таблица.

Небольшая статья проф. В. Златарскаго касается настолько важнаго памятника древне-болгарской литературы, а выводы ея настолько авторитетны, что заслуживаетъ реферата скорѣе, чѣмъ многія „изслѣдованія“ безъ синтеза, наивно выдаваемыя у насъ за диссертаціи по славянской филологіи.

В. Златарскій дѣлаетъ обзоръ прежнихъ изданій „Бесѣдъ“ Козьмы Пресвитера (И. Кукулевича-Сакцинскаго 1857 г. и „Православнаго Собесѣдника“ за 1864 г.), приходитъ къ естественному выводу, что наиболѣе надежный списокъ — Казанской Духовной Академіи XV в., и останавливается на вопросѣ, который почему-то не интересовалъ его предшественниковъ: всѣ ли 12 Бесѣдъ, или отдѣловъ статьи, выдаваемыя въ рукописи за самостоятельныя произведенія одного автора и снабженныя особыми заглавіями,—принадлежатъ Козьмѣ? Подробный анализъ ихъ приводитъ изслѣдователя къ заключенію, что заглавія эти поставлены неизвѣстнымъ переписчикомъ не на своемъ мѣстѣ, безъ смысла и случайно выхвачены изъ отдѣльныхъ мѣстъ цѣльнаго произведенія. По всей вѣроятности, спорныя заглавія сначала были простыми замѣтками на поляхъ рукописи и сдѣланы, очевидно, съ цѣлью облегчить читателямъ трудъ разобраться въ сложномъ по содержанію полемическомъ трактатѣ. Впрочемъ, приписывать эту работу непремѣнно русскому писцу, а не болгарскому,—у насъ нѣтъ данныхъ; при ознакомленіи съ старыми славянскими рукописями авторъ самъ согласится, что

„невѣжественные переписчики“ бывали и у болгаръ, и у сербовъ, и у русскихъ. Но это еще не все. Извѣстны два заглавія: 1) „недостойнаго Козьмы Пресвитера Бесѣда на новоявившуюся ересь Богомилу“ и 2) Слово святаго Козьмы пресвитера на еретики препреніе и поученіе отъ божественныхъ книгъ“, В. Златарскій думаетъ, что второе заглавіе—позднее. Мы могли бы указать аналогію изъ заглавій „Сказанія“ Константина Костенчскаго, гдѣ прибавка „светыи“ также обнаруживаетъ какую-то болѣе позднюю переработку труда сербскаго грамматика XV в. Термины же перваго заглавія ясно говорятъ о принадлежности его самому Козьмѣ, который написалъ не двѣнадцать (по заглавіямъ рукописи) или тринадцать (на основаніи анализа) Бесѣдъ, а всего одну, разбитую лишь впослѣдствіи.

Вторая статья—критическаго характера, и сдѣланный В. Златарскимъ пересмотръ чужихъ мнѣній и первоисточниковъ относительно двухъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ о происхожденіи Іоанна — Александра: 1) объ обстоятельствахъ вступленія его на престолъ и 2) политическихъ отношеніяхъ его къ сербскому кралю, — великолѣпно показалъ всю эрудицію болгарскаго историка. Въ виду критическаго характера статьи, трудно передать содержаніе ея въ нѣсколькихъ словахъ, пользуясь размѣрами журнальной замѣтки. Поэтому приведемъ только выводы, отчасти извѣстные раньше и положенные въ основу родословной таблицы. Іоаннъ Александръ (лучше было бы называть его только Александромъ, такъ какъ Іоаннъ относится скорѣе къ титулу, давшему въ румынской господарской титулатурѣ обычное Jw—предъимя всѣхъ воеводъ) былъ внукомъ Бдинскаго князя Ивана (?) Шишмана Стараго, женатаго на 1) болгаркѣ изъ царскаго рода и 2) дочери сербскаго воеводы Драгаша—и сыномъ болгарскаго деспота Срацимира (женатъ на дочери этого Шишмана, Кераце). Изъ остальныхъ членовъ семьи Шишмана, какъ извѣстно, двое были въ родствѣ съ сербскими кралями: дядя Александра Михаилъ III женатъ на дочери Стефана III Уроша, а сестра его Елена вышла замужъ за Стефана Душана.

А. Яцимирскій.

Zikmund Winter. Dějiny remesel a obchodu v Čechách v XIV a v XV století. Прага. 1906. Стр. VII + 976.

Огромная книга З. Винтера по исторіи ремеслъ и торговли въ Чехіи въ XIV—XV вѣкахъ служитъ великолѣпной иллюстраціей того стараго положенія, что нѣмецкой культурѣ чехи обязаны очень многимъ. Читая многія страницы этой интересной книги, написанной съ полнымъ знаніемъ архивныхъ данныхъ и научно, — приходится удивляться еще тому, что ни одинъ изъ славянскихъ народовъ не сохранилъ такую массу историческихъ памятниковъ. Намъ кажется, что благодаря именно скудости историческаго матерьяла, положительно невозможно написать подобную же исторію ремеслъ и торговли, напр., въ Россіи.

На основаніи книги З. Винтера можно написать интересный рефератъ, иллюстрируя его наиболѣе важными фактами. Авторъ начинаетъ обзоръ развитія чешской промышленности и торговли съ X вѣка и въ первой главѣ доводитъ его до конца премысловскаго періода. Онъ разсматриваетъ ее въ связи съ положеніемъ несвободнаго труда въ натуральномъ хозяйствѣ, возникновеніемъ городовъ, городской организаціей, соціально-экономическимъ

строемъ; опредѣляетъ главные торговые пути, размѣры ввоза и вывоза разныхъ товаровъ, старые мѣры вѣса и длины, размѣнныя денежныя единицы и т. д. Далѣе онъ говоритъ о городскихъ и купеческихъ правленіяхъ, колонизаціи въ Чехіи, ремесленныхъ организаціяхъ, возникновеніи цеховъ и братствъ, монополіяхъ, о состояніи каждаго ремесла въ отдѣльности, положеніи купцовъ-иностранцевъ и мѣстныхъ и т. д. Обзоръ оканчивается гуситскимъ періодомъ. Особенно интересны свѣдѣнія о художественной промышленности, архитектурѣ, живописи и скульптурѣ, какъ показателяхъ не столько артистическаго развитія, сколько культурно-правовыхъ отношеній старой Чехіи, а также о книгопечатаніи и производствѣ разныхъ принадлежностей для художественнаго печатанія. Кромѣ статистическихъ данныхъ и описаній, здѣсь интересны технические термины, въ большинствѣ случаевъ нѣмецкаго происхожденія, и списки извѣстныхъ фирмъ или мастеровъ.

Продолженіе труда З. Винтера, обнимающее XVI вѣкъ, приготовляется къ печати.

И. Александровъ.

Adolf Patera, Čtenie zimnieho času. Z rukopisu XIV stol. Musea Královstvi Českého v Praze k tisku upravil... Прага, 1905. Стр. XII + 79.

Престарѣлый А. Патера до сихъ поръ сохраняетъ удивительную энергію, и не проходитъ года, чтобы онъ не обогатилъ родную литературу новымъ изданіемъ памятника старой чешской письменности. Даже серьезная болѣзнь глазъ, катаракта, не остановила работъ этого неугомоннаго старца, и не дальше какъ прошлымъ лѣтомъ мы видѣли, какъ А. Патера предъ самой операціей цѣлыми часами и съ видимой физической болью правилъ въ комнатѣ музейнаго библіотекаря корректуру изданія, которое теперь вышло съ интереснымъ предисловіемъ и великолѣпнымъ снимкомъ съ рукописи.

Въ предисловіи издатель объясняетъ происхожденіе сборниковъ съ выборками изъ св. писанія, которые въ римской церкви читались во время разныхъ службъ еще въ IV в. Очевидно, это — нѣчто въ родѣ нашихъ Паремейниковъ. Лучшій изъ такихъ сборниковъ, въ смыслѣ соотвѣтствія отрывковъ съ днями чтенія, составленъ св. Іеронимомъ подъ общимъ заглавіемъ „Comes“ („Вождь“). У чеховъ долго не было полнаго перевода Библіи, почему приходилось пользоваться тѣми чтеніями, которыя нужны были при богослуженіяхъ воскресныхъ, праздничныхъ и нѣкоторыхъ другихъ дней и носили характерное названіе „čtenie“ даже въ послѣдующій періодъ. Изданная А. Патерой рукопись—вторая по старшинству, написана на пергаментѣ красивыми буквами, выдающими писца по профессіи, который копировалъ съ болѣе древняго списка механически, повидимому, въ 1360—1380 гг. Въ 1793 году Іоспфъ Добровскій подарилъ эту самую рукопись Яну изъ Нейберка; изъ библіотеки его наслѣдниковъ она была куплена въ Музей 4 года тому назадъ. Кромѣ упоминанія въ „Исторіи чешской литературы“ Юнгманна, статьи В. Ганки во 2 выпускѣ „Rozbor'a staročeske literatury“ и замѣтокъ І. Иречка въ работѣ „O českem prvotnim prekladu sw. Evangelii“,—данный памятникъ не былъ изданъ или изслѣдованъ, чего онъ вполнѣ заслуживаетъ, и что сдѣлалъ А. Патера съ необыкновенной тщательностью, замѣчаніями о правописаніи рукописи и языкѣ перевода, словаремъ и указателемъ евангельскихъ чтеній.

А. Яцимирскій.

І. Груевъ. Моитѣ спомени. Пловдивъ. 1906. Стр. 1 + 93.

Въ видѣ приложенія къ „Училищному Прѣгледу“ за нынѣшній годъ изданы воспоминанія извѣстнаго общественнаго дѣятеля и стараго болгарскаго педагога—Іоакима Груева, ученика незабвеннаго Неофита Рыльскаго. Впрочемъ, о послѣднемъ авторъ „Воспоминаній“ говоритъ вскользь и отзывается о немъ далеко не благопріятно. Какъ извѣстно, Груеву принадлежитъ нѣсколько учебниковъ по самымъ разнообразнымъ предметомъ, начиная съ катехизиса и священной исторіи и кончая ариѳметикой и географіей; кромѣ того, онъ переводилъ всякія книги, которыя могли быть полезны для болгарскихъ школьниковъ или самообразованія, передѣлывалъ беллетристическія произведенія, издавалъ календари, „Османскій букварь“ и „Османскую грамматику“, редактировалъ „Училищенъ дневникъ“ и т. д. Характерно еще, что свои книги онъ печаталъ въ Бѣлградѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Одринѣ, Сливенѣ и Пловдивѣ.

Вся жизнь его, это—не знающая устали органическая работа на пользу болгарскаго просвѣщенія, и намъ кажется, изданіе его „Воспоминаній“ министерствомъ народнаго просвѣщенія является болѣе чѣмъ заслуженнымъ отличіемъ для ихъ автора. Долгая жизнь Груева (онъ родился въ Копровщицѣ въ 1828 году) полна движенія, интересна потому, что личные интересы въ ней принесены были въ жертву родному народу,—и теперь авторъ „Воспоминаній“ можетъ, намъ кажется, съ легкимъ сердцемъ оглядѣть взоромъ спокойнаго созерцателя все то, что годы унесли съ собой въ область примиряющаго прошлаго Мы жалѣемъ, что не имѣемъ возможности пересказать хотя бы самыя важныя событія изъ жизни Груева, и потому отсылаемъ читателей къ книгѣ съ увѣренностью, что она прочитается съ вниманіемъ, какъ записки стараго дѣятеля, въ силу своихъ лѣтъ, уже порвавшаго связь съ дѣйствительностью; записки — простыя по формѣ, искреннія по настроенію и мѣстами полныя захватывающаго интереса, хотя нельзя не замѣтить, что въ общемъ кругозоръ автора довольно узкій, а нѣкоторыя мнѣнія субъективны. Жизнь болгарскаго педагога стараго времени далеко не похожа на прозябаніе нашихъ „человѣковъ въ футлярѣ“! Борьба за знаніе въ раннемъ дѣтствѣ, борьба съ врагами этого же знанія въ зрѣлый возрастъ и борьба съ врагами родного народа на протяженіи всей жизни — вотъ что дѣлаетъ „Воспоминанія“ живымъ памятникомъ недавняго прошлаго, чтеніемъ глубоко воспитательнымъ для учащагося болгарскаго юношества и поучительнымъ для всякаго педагога.

И. Александровъ.

Библіотека „Д-ръ Ив. Селимински“. Издава Министерството на народното просвѣщение. Книжка I. „Исторически споменъ“ съ уводъ отъ П. Чилевъ. Софія. 1904. Стр. 90. Книжка II и III „Исторически споменъ“. Прѣвелъ П. Чилевъ, Софія. 1904 и 1905. Стр. 100 и 100.

Иванъ Селимінскій—характерный типъ ученаго-любителя, натуры цѣльной, страстной и неуравновѣшенной. Это—типъ, который могла создать только нарождающаяся Болгарія, привлекшая съ особой интенсивностью къ національному дѣлу всѣ культурныя силы. Жизнь его интересна не меньше, чѣмъ сочиненія. Родился онъ въ г. Сливенѣ (по гречески Силимносъ, оттуда и фамилія Селиминскій) въ 1793 году. Когда ребенку былъ всего одинъ годъ, — его отца убили, а въ 1812 году все семейство умерло во время чумы. Много опасностей для жизни мальчикъ встрѣчалъ и до того, когда умерли всѣ его родствен-

ники. Учился онъ въ малоазіатскомъ городѣ Айвали (Кидонія), куда попалъ на обратномъ пути изъ Іерусалима и гдѣ жилъ до греческаго возстанія. Онъ принималъ участіе въ возстаніи; спасаясь отъ турокъ, пробрался чрезъ Италію въ южную Австрію, оттуда—въ Пештъ и трансильванскій Брашовъ. Тамошніе болгары поговаривали о приготовленіяхъ къ возстанію, и въ 1825 г. Селиминскій былъ уже въ Сливенѣ. Здѣсь онъ засталъ картину, хорошо извѣстную и изъ другихъ источниковъ: наукъ и искусствъ не существовало никакихъ, безграмотный народъ, „чорбаджіи“ развращены и во всемъ подражаютъ фанаріотамъ; вражда между болгарами, турками и грекоманами и т. д. Селиминскій былъ пораженъ этой картиной и основалъ тайное братство съ моральными и патріотическими цѣлями въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, новое училище и т. д. Когда окончилась русско-турецкая война,—онъ рѣшилъ переселиться вмѣстѣ съ разоренными согражданами, нѣкоторое время провелъ въ Букурештѣ и давалъ уроки греческаго языка болгарамъ-эмигрантамъ, затѣмъ ушелъ въ Аѳины, поступилъ на медицинскій факультетъ, продолжалъ организовывать болгаръ для предстоявшаго возстанія, велъ переписку съ Априловымъ и Палаузовымъ. Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Италію и въ 1845 году получилъ въ Сіенскомъ университетѣ дипломъ „доктора медицины и хирургіи“. Практика въ Букурештѣ не отвлекала его отъ національнаго дѣла, и во время крымской войны онъ собираетъ болгарскихъ волонтеровъ (батальонъ въ 1200 человѣкъ). Послѣдніе годы онъ провелъ въ Кишиневѣ, гдѣ написалъ „Историческія воспоминанія“, и Бѣлградѣ, гдѣ составилъ свое завѣщаніе (сохранилось 500.000 левовъ) съ благотворительными и просвѣтительными цѣлями. На эти деньги и издаются сочиненія Селиминскаго, написанныя имъ самимъ по гречески.

Сочиненія очень разнохарактерны: по наукамъ естественнымъ, педагогикѣ, лингвистикѣ, исторіи и т. д. Все, имѣющее интересъ, переводится на болгарскій языкъ. Особенно важны его записки, какъ современника, по исторіи болгарскаго возрожденія, собранные имъ документы и письма къ извѣстнымъ болгарскимъ патріотамъ и нѣкоторымъ русскимъ, напр. Порфирію Успенскому, кіевскому митр. Филарету и др. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Селиминскій является человѣкомъ просвѣщеннымъ и живо интересующимся всѣмъ, что происходило не въ одной Болгаріи. Между прочимъ, въ 1861 году онъ ѣздилъ въ Прагу на празднованіе тысячелѣтія дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Для болгарина 60 годовъ это — большая заслуга передъ общеславянскимъ дѣломъ.

И. Александровъ.

Редакція „Časopis'a Katolického duchovenstva“, издающагося въ Прагѣ органа чешскаго клира, съ прошлаго года стала выпускать особое приложеніе: „Slavorum litterae theologicae. Conspectus periodicus“. Журналъ печатается на латинскомъ языкѣ, выходитъ пять разъ въ годъ и стоитъ всего 6 кронъ въ годъ (адресъ: Prague, Imprimerie archiepiscopale I—190). Редакторами состоятъ др. Іосифъ Тумпахъ и др. Антоній Подлага. Для славистовъ, занимающихся древнимъ періодомъ славянской исторіи, литературы, искусства, философской или общественной мысли, этотъ журналъ можетъ оказать большую услугу, такъ какъ по полнотѣ реферируемыхъ книгъ и изданій и основательности рефератовъ-рецензій журналъ не оставляетъ желать лучшаго. Латинскій же языкъ дѣлаетъ его доступнымъ всей Европѣ. Обзоръ книгъ ведется по народностямъ—языкамъ: bohemica, bohemico-slovacica, bulgarica,

croatica, lusatico-sorabica, paleoslavica, polonica (послѣ чешскаго—лучше всего разработанный отдѣлъ), russica, (интересенъ обзоръ духовныхъ журналовъ съ католической точки зрѣнія), ruthenica, serbica, slovenica и инославянскій отдѣлъ. Судя по перепечатываемымъ въ концѣ книжекъ отзывамъ другихъ журналовъ о „Slavorum litterae teologicae", органъ имѣетъ не только научное, но и общественное значеніе для разрозненныхъ славянъ, такъ какъ въ основѣ его лежитъ Кирилло-Меѳодіевская идея. Кромѣ обстоятельныхъ рецензій, въ каждой книжкѣ помѣщается статья: напр. А. Подлага „De liturgiae slavicae Pragae quondam in monasterio Emautino florentis monumento", Ф. Гровецъ и А. Подлага „Idea Cyrillo-Methodějska, I. Вайсъ „Lingua liturgica paleoslavica in Croatia, Dalmatia et insulis adiacentibus, А. Шпадлакъ „De russorum doctrina de moribus", его-же „Ex patrum litteris in slavorum usu versatis" (съ двумя снимками съ древне-слав. псалтырей), его-же „De transscribendis formis litterarum cyrillicis" и др. Въ хроникѣ редакція слѣдитъ за выдающимися событіями изъ церковной жизни у всѣхъ славянъ.

* * *

Въ послѣднемъ отчетѣ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго, читанномъ въ публичномъ засѣданіи 19 сентября 1904 года ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ (Спб. 1906 стр. 1—110), помѣщены три рецензіи на книги по славяновѣдѣнію. Отзывъ В. Ламанскаго о трудѣ д-ра Яна Квачалы „Korrespondence Ian Amosa Komenského" (Прага 1898 и 1902) указываетъ главнымъ образомъ на ту полноту изданія, которой издатель достигъ благодаря многолѣтнимъ занятіямъ въ нѣсколькихъ десяткахъ архивовъ, а также на прежнія работы его по собиранію и изданію матерьяловъ. Проф. Я. Квачала извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Коменскаго; его нѣмецкая работа „I. A. Comenius, sein Leben und seine Schriften" (1892) заслужила европейскую извѣстность, и наша Академія Наукъ присудила ему полную премію въ 1000 рублей. Обширная рецензія Г. Князева на диссертацію Н. Петровскаго о Петрѣ Гекторовичѣ (Казань, 1901) носитъ по преимуществу описательный характеръ и передаетъ содержаніе книги. Очевидно, отсутствіе въ ней синтеза не давало рецензенту матерьяла для полемики. Что же касается анализа, то въ этой области Н. Петровскій обнаружилъ умѣніе работать. По заключенію рецензента, онъ „ставилъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ подготовку, путемъ критическаго изученія предмета, прочнаго матерьяла для научныхъ заключеній въ такой области, которая до сихъ поръ представлялась еще мало для того обслѣдованною и являла собою лишь обширное поле для всякихъ догадокъ и предположеній. Сдѣланное имъ въ своей книгѣ выполнено съ поразительною тщательностью, доходящею порою до педантичной мелочности, и съ большимъ знаніемъ предмета». Отзывъ проф. В. Поржезинскаго о диссертаціи С. М. Кульбакина „Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка" (Спб. 1904) имѣетъ слишкомъ, какъ и слѣдовало ожидать, спеціальное значеніе. Несмотря на то, что во многомъ рецензентъ согласенъ съ авторомъ, въ общемъ рецензія производитъ такое впечатлѣніе, что по нѣкоторымъ вопросамъ оба они останутся при своихъ мнѣніяхъ.

Редакторъ: **В. Н. Кораблевъ.** Типографія В. Д. Смирнова.

Въ книжномъ складѣ Спб. Славянскаго Общества (Звенигородская, 24) продаются слѣдующія книги:

Славянское обозрѣніе. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, подъ редакціею И. С. Пальмова. 1894 г. VIII+506 стр.,—ц. 2 р.

Славянскій сборникъ. Три тома. Изд. 1875—1877 г.: I т. IX+631+27 стр., II т. VIII+715+X. III т. IV+637 стр., каждый томъ по 2 р.

Кулаковскій Платонъ, проф.—Вукъ Караджичъ. Его дѣятельность въ сербской литературѣ. 1882 г. VIII+250 стр.,—ц. 1 р.

Липовскій А. Хорваты. Очеркъ съ картой 1900 г. 159 стр.,—ц. 1 р.

Ровинскій П. А. Петръ II (Раде) Петровичъ Нѣгошъ, Владыка Черногорскій. (1830—1851 г.) IV+236 стр. 1889 г. 1 р.—ц. 50 к.

Головацкій Я. Ѳ. Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. 1884 г., съ картиною. 371 стр., XXXII—ц. 2 р. 50 к.

Хомяковъ А. С. Стихотворенія. 4-е изданіе 1888 г. 160 стр.,—ц. 30 к.

СЛОВАРИ:

Словенско (словацко)-русскій словарь съ краткой грамматикой словацкаго языка (Slovensko-ruský slovnik a skrátena mluvnica slovenského jazyka). Составилъ Л. А. Мичатекъ. Turč. Sv. Martin 1900, стр. IV+332+15. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словинско-русскій словарь съ краткой грамматикой словинскаго языка (Slovensko-ruski slovar in slovnica slovenskego jezika) составилъ М. Хостникъ. Горица, 1901, стр. XV+377+279. Цѣна 1 руб. 50 к.

Чешско-русскій словарь съ краткой грамматикой чешскаго языка (Česko-ruský slovnik). Составилъ І. В. Ранкъ. Прага 1902, стр. 874+30. Цѣна 12 кронъ (=4 р. 80 к.), а для членовъ славянскаго общества и **для учащихся—3 руб.**

Русско-словинскій словарь (Russko-slovenski slovar in kratka slovnica ruskego jezika). Составилъ М. М. Хостникъ. V. Gorici 1897, стр. X+365+85. Цѣна 1 р. 50 к.

Русско-словенскій (словацкій) словарь (Rusko-slovensky slovnik). Составилъ Л. А. Мичатекъ Turč. Sv. Martin 1892, стр. V+366+34. Цѣна 1 р. 50 к.

Русско-сербскій словарь. Составилъ П. А. Лавровскій Спб. 1880, стр. II+578. Цѣна 2 руб.

Сербско-(хорватско)-русскій словарь. Составилъ Л. А. Мичатекъ. Спб. 1903 г., стр. 727+58, цѣна 2 руб 50 коп.

Печатается:

Ив. Пріятель. Словенская литература. Очерки съ подробнымъ библіографическимъ указателемъ.

Приготовляются къ печати:

1. Болгарско-русскій словарь (А. М. Мичатка).
2. Карта славянскихъ народностей (Проф. Т. Д. Флоринскаго).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

съ января мѣсяца на 1906 г.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ПО ВОЗОБНОВЛЕНІИ)

НА

„СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ".

Журналъ выходитъ **восемь** разъ въ годъ, въ **послѣднихъ** числахъ каждаго мѣсяца, книжками не менѣе 4 печатныхъ листовъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТСЯ: научно-популярныя статьи по исторіи, литературѣ, церковной жизни, этнографіи славянъ; статьи и извѣстія, касающіяся современной политической и культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; письма и корреспонденціи изъ славянскихъ земель; библіографическіе отчеты о выдающихся книгахъ по всѣмъ вопросамъ славяновѣдѣнія; переводы лучшихъ произведеній славянскихъ писателей; отчеты о дѣятельности С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества и объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. Н. Бахтинъ (Новичъ), *А. А. Башмаковъ*, *К. Д. Бербенко* (Софія), *проф. А. С. Будиловичъ*, *И. Я. Вацликъ*, *О. Вильчинскій*, *прив.-доц. Э. А. Вольтеръ*, *проф. К. Я. Гротъ*, *проф. П. А. Гейсманъ*, *Н. С. Державинъ*, *П. Д. Драгановъ*, *А. Ф. Ерковичъ*, *А. А. Завьяловъ*, *проф. В. Н. Златарскій* (Софія), *А. А. Кирѣевъ*, *В. Н. Кораблевъ*, *В. А. Кракау*, *проф. П. А. Кулаковскій*, *проф. С. М. Кульбакинъ*, *А. Л. Липовскій*, *Л. П. Лобовъ*, *В. А. Луганковскій*, *Э. Э. Лямбекъ*, *О. А. Мончаловскій*, (Галиція), *А. Ф. Музыченко*, *д-ръ Э. Ю. Мука*, *(В. и Н. Лужницы)*, *проф. М. П. Павловичъ*, (Бѣлградъ) *проф. И. С. Пальмовъ*, *проф. Н. М. Петровскій*, *прив.-доц. М. А. Полиевктовъ*, *д-ръ Ив. Пріятель* (Вѣна), *С. А. Радичъ* (Загребъ), *П. А. Ровинскій* (Черногорія), *Св. Ст. Симичъ* (Бѣлградъ), *А. Н. Сиротининъ*, *А. П. Соловьевичъ*, *д-ръ Ст. Станоевичъ* (Бѣлградъ), *прив.-доц. А. І. Степовичъ*, *бар. М. Ф. Таубе*, *проф. И. П. Филевичъ*, *С. В. Штейнъ*, *Ю. А. Яворскій*, *А. И. Яцимирскій и многіе другіе.*

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою для городскихъ подписчиковъ **3** руб., для иногородныхъ **3** р. **50** к. и заграницу **4** р. Цѣна за отдѣльную книжку **50** к.

О всѣхъ новыхъ книгахъ по славяновѣдѣнію, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Всѣ статьи, корреспонденція и вся переписка съ редакціей адресуются: **С-Петербургъ, въ редакцію „СЛАВЯНСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ". Вас. Остр., 5 лин., д. 34, кв. 16.**

Рукописи съ неоплаченными почтовыми расходами не возвращаются. Комплекты журнала за $190^2/_3$, $190^3/_4$ и $190^4/_5$ годы высылаются за 3 руб.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній „Извѣстія" рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ и допущены Ученымъ Комитетомъ Мин-ва Земледѣлія и Гос. имуществъ въ библіотеки подвѣдомственныхъ Мин-ву учебныхъ заведеній.

Подписка принимается: 1) въ редакціи **„Славянскихъ Извѣстій"**, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я линія, домъ 34, кв. 16,—2) въ помѣщеніи Славянскаго Благотворительнаго Общества, СПБ. Звенигородская, 24.

Редакторъ *В. Н. Кораблевъ.*